

ВИКТИМОЛОГИЯ

№ 3(21) / 2019

16+

ЗАРЕГИСТРИРОВАН В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ (РОСКОМНАДЗОР)
СВИДЕТЕЛЬСТВО ПИ № ФС 77-57507 ОТ 27.03.2014

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

кандидат юридических наук, доцент

А. В. МАЙОРОВ

КОРРЕКТУРА, КОМП. ВЕРСТКА

С. В. ВОРОНИН

ПЕРЕВОД

М. А. МАРТЫНОВА

УЧРЕДИТЕЛИ

ООО «ЭСКУЭЛА»

**ООО «ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК»**

ИЗДАТЕЛЬ

ООО «Эскуэла»

Россия, 454091, г. Челябинск

ул. Коммуны, 139-39

РЕДАКЦИЯ

Россия, 454080

г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

Издательский центр

Тел.: +7 (908) 570-73-15

E-mail: victimology@mail.ru

www.victimolog.ru

Ответственность за аутентичность
и точность цитат, имен, названий
и иных сведений, а также за соблюдение
законов об интеллектуальной
и иной собственности несут авторы
публикуемых материалов

Журнал индексируется
в наукометрической базе
Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ) — elibrary.ru

Полнотекстовые версии статей,
опубликованных в журнале, размещены
в научной электронной библиотеке
«КиберЛенинка» — cyberleninka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

12.00.00 (Юриспруденция)

В. Е. КВАШИС, доктор юридических наук,
профессор (г. Москва)

Ю. А. ВОРОНИН, доктор юридических
наук, профессор (г. Екатеринбург)

Н. В. ГЕНРИХ, доктор юридических наук,
профессор (г. Краснодар)

Я. И. ГИЛИНСКИЙ, доктор юридических
наук, профессор (г. Санкт-Петербург)

К. В. ВИШНЕВЕЦКИЙ, доктор юрид.
наук, профессор (г. Краснодар)

П. А. КАБАНОВ, доктор юридических наук,
профессор (г. Казань) — председатель

Р. А. САБИТОВ, доктор юридических наук,
профессор (г. Челябинск)

П. Н. ФЕЩЕНКО, кандидат юридических
наук, доцент (г. Киров)

Э. Г. ЮЗИХАНОВА, доктор юридических
наук, профессор (г. Тюмень)

13.00.00 (Педагогика)

Е. В. АНДРИЕНКО, доктор педагогических
наук, профессор (г. Новосибирск)

В. В. БАЗЕЛЮК, доктор педагогических
наук, профессор (г. Челябинск)

П. И. КОСТЕНОК, доктор педагогических
наук, профессор (г. Челябинск)

З. Р. ТАНАЕВА, доктор педагогических
наук, доцент (г. Челябинск)

19.00.00 (Психология)

Н. И. ИОГОЛЕВИЧ, доктор психол. наук,
профессор (г. Тюмень)

М. Г. СИНЯКОВА, доктор психологических
наук, доцент (г. Екатеринбург)

Д. А. ЦИРИНГ, доктор психологических
наук, профессор (г. Челябинск)

Е. Ф. ЯЩЕНКО, доктор психологических
наук, доцент (г. Санкт-Петербург)

VICTIMOLOGY

No. 3(21) / 2019

THE JOURNAL IS REGISTERED IN MINISTRY OF COMMUNICATIONS AND MASS MEDIA
CERTIFICATE ПИ № ФС 77-57507 of March 27, 2014

CHIEF EDITOR

A. V. MAYOROV

candidate of law sciences,
associate professor

PROOFREADING, PAGE-PROOFS

S. V. VORONIN

TRANSLATION

M. A. MARTYNOVA

THE FOUNDERS

LLC “ESCUELA”

LLC “SOUTH-URAL LAW BULLETIN”

PUBLISHER

LLC “Escuela”

Russia, 454091 Chelyabinsk
street of the Commune, 139-39

EDITORIAL OFFICE

Russia, 454080
Chelyabinsk, p. o. 12550.
Phone: +7 (908) 570-73-15
E-mail: victimology@mail.ru
www.victimolog.ru

The authors of the published materials
are responsible for the authenticity
and accuracy of citations, names,
titles and other information,
as well as for compliance
with the intellectual property law.

The journal is indexed
in neurometricstion database
of the Russian index of scientific
citation (RISC) — elibrary.ru

Full-text versions of articles
published in the journal posted
in the scientific electronic library
“Cyberleninka” — cyberleninka.ru

EDITORIAL BOARD:

12.00.00 (Jurisprudence)

V. E. KVASHIS, doctor of law sciences,
professor (Moscow)

Yu. A. VORONIN, doctor of law sciences,
professor (Ekaterinburg)

N. V. GENRIKH, doctor of law sciences,
professor (Krasnodar)

Ya. I. GILINSKIY, doctor of law sciences,
professor (St. Petersburg)

K. V. VISHNEVETSKIY, doctor of law
sciences, professor (Krasnodar)

P. A. KABANOV, doctor of law sciences,
professor (Kazan) — chairperson

R. A. SABITOV, doctor of law sciences,
professor (Chelyabinsk)

P. N. FESHCHENKO, candidate of law
sciences, associate professor (Kirov)

E. G. YUZHKHANOVA, doctor of law sciences,
professor (Tyumen)

13.00.00 (Pedagogy)

E. V. ANDRIENKO, doctor of pedagogical
sciences, professor (Novosibirsk)

V. V. BAZELYUK, doctor of pedagogical
sciences, professor (Chelyabinsk)

P. I. KOSTENOK, doctor of pedagogical
sciences, professor (Chelyabinsk)

Z. R. TANAEVA, doctor of pedagogical
sciences, associate professor (Chelyabinsk)

19.00.00 (Psychology)

N. I. IOGOLEVICH, doctor of psychological
sciences, professor (Tyumen)

M. G. SINYAKOVA, doctor of psychology
sciences, associate professor (Ekaterinburg)

D. A. TSIRING, doctor of psychological
sciences, professor (Chelyabinsk)

E. F. YASHCHENKO, doctor of psychological
sciences, associate professor (St. Petersburg)

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

КВАШИС В. Е.

Социальный контроль
над преступностью:
что делать? 5

ЛИЧНОСТЬ И ПРЕСТУПНОСТЬ

ВИНОКУРОВА М. А.

Виктимологический портрет:
понятие, содержание, значение
в условиях противодействия
преступности 12

ЧЕРНЫШЕВ Д. Б.

Криминологически значимые черты
личности преступника,
совершающего хищения
в сфере ЖКХ..... 19

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕСТУПНОСТИ

ИЛЬЮК Е. В.

Молодежь как группа риска
и основные техники манипуляции
при вовлечении в экстремистские
организации 26

МАЙОРОВ А. В.

ЯРЕМЕНКО Н. Е.
Виктимологический аспект
мошенничества 36

СЕМЕНОВ В. Р.

Незаконные организация
и проведение азартных игр:
иностраный исторический опыт 42

ТЕСЛЕНКО Е. С.

ОСИПЕНКО С. А.
Изучение и анализ отдельных
факторов, влияющих
на показатель преступности
на примере Челябинской области 47

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА

ГРУШКО Н. О.

Проблемы правовой
защиты жертв преступлений 53

ПЕРКОВ А. А.

Обучение профайлингу
как один из способов
виктимологической
профилактики 58

ПЕРКОВ А. А.

Формирование профессиональной
наблюдательности
как профилактика виктимного
поведения сотрудников полиции..... 63

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ШЕСТАКОВ Д. А.

ДИКАЕВ С. У.

ДАНИЛОВ А. П.

Летопись Санкт-Петербургского
международного
криминологического клуба.
Год 2018 (часть 2)..... 69

КОНФЕРЕНЦИИ

III Международная научно-
практическая конференция
«Защита жертв преступлений
в современном обществе»
(20 февраля 2020 г.)..... 85

Правила представления
рукописей статей в научный
журнал «ВИКТИМОЛОГИЯ» 88

IN THIS ISSUE

SOCIAL SUPERVISION

- KVASHIS V. E.**
Social control over crime:
what has to be done? 11

PERSONALITY AND CRIME

- VINOKUROVA M. A.**
Victimological portrait:
concept, content, value
in the context
of combating crime 18

- CHERNYSHEV D. B.**
Criminologically significant features
of the personality of the criminal,
the performing theft
in the sphere of housing
and communal services 25

VICTIMOLOGICAL ASPECTS OF CRIME

- ILYUK E. V.**
Youth as a risk group
and basic manipulation techniques
when involving
in extremist organizations 35

- MAYOROV A. V.,
YAREMENKO N. E.**
Victimological aspect of fraud 41

- SEMENOV V. R.**
Illegal organization
and conduct of gambling:
foreign historical experience. 46

- TESLENKO E. S.
OSIPENKO S. A.**
Study and analysis of individual
factors influencing the rate
of crime by the example
of Chelyabinsk region 52

VICTIMOLOGICAL PREVENTION

- GRUSHKO N. O.**
Problems of legal protection
of victims of crime 57

- PERKOV A. A.**
Training profiling
as one of the methods
of victimological prevention 62

- PERKOV A. A.**
Formation of professional
observation as a prevention
of the victim behavior
of police staff 68

PAGE OF HISTORY

- SHESTAKOV D. A.
DIKAYEV S. U.
DANILOV A. P.**
The chronicle
of Saint-Petersburg international
criminological club.
Year 2018 (part 2) 84

CONFERENCES

- III International Scientific
and Practical Conference
in absentia "Protection of Victims
of crime in Modern Society",
which will be held
on February 20, 2020 85

- Terms of manuscripts of articles
in the scientific journal
"VICTIMOLOGY" 88

Квашис В. Е.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ НАД ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ЧТО ДЕЛАТЬ?

Статья посвящена обзору материалов XXXII Международной Балтийской криминологической конференции, в которой приняли участие ведущие российские и зарубежные ученые-криминологи, обсуждавшие широкий круг проблем, напрямую связанных с состоянием и перспективами развития современной криминологии и уголовного права в условиях нарастающих процессов глобализации и стремительного технологического прогресса.

История Балтийской криминологической конференции во многом знаменательна; ее начало связано с проведением в 1987 году первой конференции советских криминологов из Ленинграда, Эстонии, Латвии и Литвы в эстонском городе Тарту. В предисловии к сборнику материалов этой конференции сказано: «Предлагаемый сборник написан коллективом единомышленников. Расходясь в частностях, авторы тем не менее сходятся в главном — в подходе к преступности как к общественному явлению, как проявлению деструктивных процессов в общественном организме» [9, с. 2]. С тех пор Балтийская конференция ежегодно проводится поочередно в Латвии, Литве, Эстонии и в Санкт-Петербурге. Именно здесь 21—22 июня 2019 года в Российском государственном педагогическом университете имени А. И. Герцена прошла XXXII криминологическая конференция, в которой наряду с российскими учеными (от Калининграда до Владивостока) приняли участие криминологи Латвии, Эстонии, Литвы, Польши, Германии, Чехии, Словакии, Беларуси, Сербии, Израиля, США и Китая.

Ключевые слова: преступность, социальный контроль, правосудие, криминология, уголовная политика, жертвы преступления.

Наименование этой скромной, но, как мне кажется, благодарной по своей цели и информационной нагрузке публикации, полностью повторяет наименование самой конференции и в целом воспроизводит ее общий контекст наименования, сформулированы The God Father конференции и ее ведущим Я. И. Гилинским; они воспроизводят и название сборника материалов, изданного, к глубокому сожалению, катастрофически малым тиражом в 100 экземпляров, большинство из которых по понятным причинам нашли своих

обладателей в лице участников конференции [8]. Отсюда и задача — хотя бы в кратких тезисах представить заинтересованному читателю широкую палитру тематики докладов, которая включает в себя не только актуальные проблемы давно назревшего корректирования уголовной политики, но и почти весь спектр проблем современной криминологии и ее будущего — от развития ее относительно самостоятельных направлений (криминология цифрового мира, экологическая криминология и др.) — до определения

Рис. 1. Участники XXXII Международной Балтийской криминологической конференции, ведущие российские ученые-криминологи

предмета и границ этой науки, от виктимологической проблематики (страх перед преступностью, защита жертв, доверие полиции и т. д.) — до реализации острой потребности в интеграции с другими отраслями научного знания. В условиях чрезвычайной широты тематики ее личностные предпочтения и субъективные оценки автора заведомо краткого обзора, видимо, неизбежны и, хочется надеяться, извинительны.

Поскольку исполнение, как известно, венчает мысль, начнем с доклада Я. И. Гилинского — «Социальный контроль над преступностью в обществе постмодерна». Его фундаментальные идеи, вероятно, хорошо знакомы читателю по многочисленным одноименным публикациям ученого и потому их детальный анализ в рамках обзора не представляется необходимым; по сути дела, мысли автора имели основной целью формирование концепции конференции, ее тематики и контекста. Контурсы этого сообщения дают анализ современного понимания преступности как социального конструкта, лишь отчасти отражающего некоторые социальные реалии, («термин преступление есть ярлык»), генезиса преступности и социального контроля над преступностью [1]. По мнению Я. И. Гилинского, именно эта

триада является важнейшими проблемами криминологии; эти направления мысли, безусловно, являются крайне важными, хотя я, например, убежден, что круг «важнейших» проблем этой науки намного шире, а их проблематика гораздо глубже. Да и эпоха порядком утомившего частотой упоминания «постмодерна», похоже, проходит, если уже не прошла, ибо сегодня общество просыпается уже в качественно иной реальности.

Несомненный интерес представляет, далее, информация профессора Мичиганского университета М. Налла и доцента РГПУ А. Л. Гуринской о первых итогах проведенного в Санкт-Петербурге исследования, посвященного анализу выявленных ими корреляционных взаимосвязей между уровнем общественной безопасности и «страхом» перед преступностью (кто именно испытывает этот страх в наибольшей мере, кто из них и как оценивает уровень безопасности и какова степень их доверия полиции).

В другом, уже самостоятельном докладе А. Л. Гуринской (кстати, автора крайне интересной монографии и докторской диссертации, посвященной анализу англо-американской модели предупреждения преступности) речь шла о перспективах использования цифровых технологий в правоохранительной

деятельности в контексте проблемы участия в них жителей Санкт-Петербурга. Эта работа еще не завершена, но важно отметить, что в ней широко использованы разнообразные методики исследования (в т. ч., регрессионный анализ по методу наименьших квадратов), а также методики обработки полученных данных с использованием специализированной программы SPSS Statistica. В оде исследования выявлена взаимосвязь между степенью доверия граждан к технологиям, уровнем их использования и желанием людей прибегать к ним для защиты от преступных посягательств. При этом исследователь указывает на необходимость большего оптимизма в восприятии быстро распространяющихся технологий, а не еще бытующего отношения к технологиям как к потенциальной угрозе.

Исследователь из Беларуси Т. П. Афонченко приводит интересные соображения по поводу необходимой оптимизации мер социального контроля. Для подавляющего большинства людей существование вне социума, по ее мнению, невозможно. Вместе с тем, отмечает докладчик, верно и то, что в любом обществе есть «не справившиеся с требованиями социообъединяющих институций, что в крайних ситуациях приводит к противоправным деяниям». Мне кажется, что не все так просто и однозначно, хотя автор исходит из верной мысли Я. И. Гилинского (сказанной, между прочим, еще пару веков назад) о том, что «создание общества без социальной патологии в принципе невозможно» [2, с. 17]. Не будем указывать на такое распространенное и притом далеко не только в России явление, как «бомжи»; эта лишь одна из ряда форм существования вне социума и своеобразного социального протеста. В Японии, например, другой, куда более распространенной формой изоляции от социума служит такое явление, как «хикикомори» (многолетнее добровольное заточение в стенах дома, уход от любых связей и контактов с обществом). Насколько оно массово? По официальным данным, сегодня число хикикомори в стране (в основном это лица от 18 до 45 лет) превышает миллион человек! Несомненно, это еще одна из форм социальной патологии, правда,

никак не связанная с совершением преступлений; к тому же, рано или поздно и такому добровольному заточению приходит конец. Вероятно, проблема глубже и связана она с существенно разными социально-экономическими и главным образом психологическими источниками и импульсами, детерминирующими совершение преступлений, которые в Японии иногда выходят за пределы максимально эффективного социального контроля за преступностью, тогда как в наших пределах этот контроль, по верному замечанию В. И. Хомича, «безгранично хаотичен и нуждается в криминологической нормализации». Заметим, однако, если бы только в нормализации криминологической...

Сообщение московского социолога Е. Е. Демидовой посвящено итогам ее исследования, в ходе которого была выявлена корреляционная связь между растущей цифровизацией и уровнем преднамеренных убийств во многих странах мира. Опираясь на статистические данные 2002—2016 годов, автор делает вывод о «нисходящей динамике преступности на фоне все набирающей обороты цифровизации». Нам такой вывод представляется недостаточно обоснованным в принципе, не говоря уже о том, что снижение числа убийств не означает снижения преступности в целом, на котором вслед за Я. И. Гилинским настаивает автор этого исследования. Во-первых, по нашим данным, за последние, по крайней мере, пять лет в ряде стран, в первую очередь в США налицо не снижение, а, наоборот, рост числа убийств (об этом прямо говорит статистика, публикуемая различными службами Министерства юстиции США). Что же касается снижения преступности в целом, то эту мантру уже оставили в покое даже в консервативном аппарате ООН, где до последнего времени муссировалась «очевидная» тенденция к снижению преступности. Достаточно обратиться к таким опубликованным документам, как «Руководство для дискуссии» на предстоящем весной 2020 года XIV Конгрессе ООН в Киото, где об изменениях в динамике мировой преступности вообще не упоминается. «Старые песни о главном»

рано или поздно заканчиваются, когда последствия глобализации сказываются с особой остротой, когда невиданными темпами растут расслоение, социальное и имущественное неравенство, маргинализация труда и производителей, все интенсивнее растут миграционные потоки, объективно несущие реальный, а не скрываемой за ширмой толерантности и политкорректности рост преступности, когда быстрый прогресс в развитии технологий широко используется не только правоохранительными органами, но и самими преступниками, причем, не менее эффективно. Верно, конечно, что ныне мы наблюдаем смену парадигмы преступности, но эта смена, увы, связана именно с той парадигмой, где сказывается заведомо наиболее высокая латентность и где более проблематичной является раскрываемость.

Доклад В. Е. Квашиса и Ю. А. Случевской был посвящен проблемам методологии и тенденциям развития экологической криминологии. Его суть и содержательная направленность во многом вытекает уже из названия. К тому же, основные положения доклада, в том числе напрямую связанные с проблемами виктимологии, недавно были опубликованы в этом журнале [3].

Суть выступления проф. Н. В. Щедрина понятна уже из заглавия доклада — «Меры безопасности и (или) права человека?». Отмечалось, что сегодняшняя расстановка приоритетов в пользу безопасности государства не согласуется с действующей Конституцией страны, где прямо говорится: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью», что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ). Правильнее, считает автор, формулировать не приоритет, а баланс индивидуальных, социально-групповых, национальных и международных интересов, который должен стать фундаментом политики безопасности. Надо сказать, что вопрос о том, что важнее — свобода или безопасность, зачем и какая свобода в концлагере, которым чреват тотальный контроль и тотальная слежка, — затрагивали все

участники конференции. Почти все склонялись к выводу, что предсказания Д. Оруэлла фактически сбылись, что сегодня Большой Брат стал персонажем реальным...

Проф. В. М. Хомич (Беларусь) в своем, как всегда ярком выступлении, отметил, что ожидание решающих успехов от использования технологий в контроле за преступностью — это иллюзия. Проблема в том, кто ее контролирует (и кто контролирует «контролеров»). По его мнению, сегодня преступность — глобальная система, которая затрагивает высшие эшелоны власти. Новостные ленты подтверждает сказанное практически ежедневно. Отсюда и солидная доля пессимизма, и осознание многими выступавшими, что «1984 год» Оруэлла уже фактически наступил...

«Гвоздем программы» конференции, конечно, стал необъявленный приезд В. С. Овчинского и его выступление, как обычно, завораживающее потоком новейшей специализированной информации, о перспективах контроля за преступностью с использованием новейших технологий. Пересказывать суть его доклада нет смысла — многие мысли и идеи ученого-новатора известны по его многочисленным публикациям и интервью в СМИ. Куда продуктивнее, на мой взгляд, отослать читателя к самым новым, информативным и доступным работам докладчика [6; 7].

Заканчивая этот краткий отчет, отмечу еще два выступления, на мой взгляд, самых интересных в содержательном и особенно в стилистическом плане. Первое касается блистательного в своей лаконичности обзора развития футурологической мысли, которое сделала А. М. Разогреева (от братьев Стругацких, Д. Оруэлла и О. Хаксли до Ф. Фукуямы и Илона Маска) в своем докладе «Пределы контроля: дроны и психофарма, что дальше?». Мир, в котором мы оказались, говорит автор, — перевернувшийся проект по отношению к миру полудня: в котором условные 95% и 5% контроля поменялись местами. Это мир, который больше похож на мир Оруэлла и дивный мир Хаксли... Пересказ здесь не поможет, это надо читать и слушать.

Последнее (второе из только что названных) выступлений на меня произвело особое впечатление и стилем подачи материала, и широтой охвата криминологических и уголовно-правовых проблем, и новизной авторского подхода к затянувшемуся кризису криминологической науки. Показательно и название выступления — «Кризис криминологической методологии или покормите судью».

нейрофизиолог А. В. Курпатов [4; 5]. Через призму его исследований докладчик изящно показывает всю глубину невежества рукотворных изысков наших замечательных законодателей. Что же касается «веселой» части заглавия доклада, то, как сообщает автор, при рассмотрении ходатайств об условно-досрочном освобождении судьи чаще принимают отрицательные решения, когда они испытывают

Рис. 2. На фото я и мои коллеги ученые-криминологи после подведения итогов работы конференции

Очень сожалею, что не был знаком с автором из Архангельской области — для меня он — настоящее открытие. Одна из центральных идей доклада, связанных с выходом из методологической архаики, сама по себе не так уж нова — речь о необходимости обращения к исследованиям нейрофизиологии. Именно здесь резервы для понимания механизмов работы мозга и, следовательно, для перспектив изучения личности преступника, его мотивационной сферы и механизмов поведения. Об этом подробно пишет современный

чувства голода, и, наоборот, сразу после завтрака или после обеда положительный исход дела куда более реальный (и вправду, любопытный результат).

Таковы в самих общих чертах мои впечатления от замечательной конференции криминологов в Санкт-Петербурге и сугубо личностные предпочтения в оценке тех или иных, без исключения крайне интересных выступлений. Время летит неумолимо быстро. Будем ждать следующей встречи уже на XXXIII конференции, которая пройдет в Таллине в 2020 году.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гилинский, Я. И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? / Я. И. Гилинский // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2019. — № 1. — С. 6—13.
2. Девиантность, преступность, социальный контроль в обществе постмодерна : сб. ст. — СПб. : Алетей, 2017.

3. Квашис, В. Е. Виктимологический аспект экологической криминологии / В. Е. Квашис, Ю. А. Случевская // Виктимология. — 2018. — № 4. — С. 6—13.
4. Курпатов, А. В. Методология мышления / А. В. Курпатов. — Чернигов : Тракта, 2016.
5. Курпатов, А. В. Нейрофизиологические этюды к новой методологии криминологии / А. В. Курпатов [Электронный ресурс] // Научная сеть Crimpravo.ru/ — URL: crimpravo.ru/blog/3760 (дата обращения: 06.06.2019).
6. Овчинский, В. С. Контроль над преступностью в цифровом обществе / В. С. Овчинский [Электронный ресурс] // Газета «Завтра». — URL: http://zavtra.ru/blogs/konrol_nad_prestupnostyu_v_tcifrovom_obshestve (дата обращения: 06.06.2019).
7. Овчинский, В. С. Криминология цифрового мира : учебник / В. С. Овчинский. — М., 2018.
8. Социальный контроль над преступностью: что делать? // Материалы XXXII Международной Балтийской криминологической конференции / под ред. проф. Я. И. Гилинского. — СПб. : изд-во РГПУ, 2019 — 226 с.
9. Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности / под ред. Э. Раска. — Тарту : Тартуский госуниверситет, 1988.

REFERENCES

1. Gilinskiy, Ya. I. Prestupnost: chto eto? Kto vinovat? Chto delat? / Ya. I. Gilinskiy // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2019. — № 1. — S. 6—13.
2. Deviantnost, prestupnost, sotsialnyy kontrol v obshchestve postmoderna : sb. st. — SPb. : Aleteyya, 2017.
3. Kvashis, V. Ye. Viktimologicheskyy aspekt ekologicheskoy kriminologii / V. Ye. Kvashis, Yu. A. Sluchevskaya // Viktimologiya. — 2018. — № 4. — S. 6—13.
4. Kurpatov, A. V. Metodologiya myshleniya / A. V. Kurpatov. — Chernigov : Traktat, 2016.
5. Kurpatov, A. V. Neyrofiziologicheskie etyudy k novoy metodologii kriminologii / A. V. Kurpatov [Elektronnyy resurs] // Nauchnaya set Crimpravo.ru/ — URL: crimpravo.ru/blog/3760 (data obrashcheniya: 06.06.2019).
6. Ovchinskiy, V. S. Kontrol nad prestupnostyu v tsifrovom obshchestve / V. S. Ovchinskiy [Elektronnyy resurs] // Gazeta «Zavtra». — URL: http://zavtra.ru/blogs/konrol_nad_prestupnostyu_v_tcifrovom_obshestve (data obrashcheniya: 06.06.2019).
7. Ovchinskiy, V. S. Kriminologiya tsifrovogo mira : uchebnik / V. S. Ovchinskiy. — M., 2018.
8. Sotsialnyy kontrol nad prestupnostyu: chto delat? // Materialy XXXII Mezhdunarodnoy Baltiyskoy kriminologicheskoy konferentsii / pod red. prof. Ya. I. Gilinskogo. — SPb. : izd-vo RGPU, 2019 — 226 s.
9. Teoreticheskie problemy izucheniya territorialnykh razlichiy v prestupnosti / pod red. E. Raska. — Tartu : Tartuskiy gosuniversitet, 1988.

КВАШИС Виталий Ефимович — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ; главный научный сотрудник ВНИИ МВД России. 119049, г. Москва, ул. Житная, д. 16.
E-mail: kvashis@mail.ru.

Kvashis V. E.

SOCIAL CONTROL OVER CRIME: WHAT HAS TO BE DONE?

The article is devoted to a review of the materials of the XXXII International Baltic Criminology Conference, which was attended by leading Russian and foreign scientists-criminologists, who discussed a wide range of problems directly related to the state and prospects of modern criminology and criminal law in the context of increasing globalization and rapid technological progress. The history of the Baltic Criminological Conference is significant in many respects; its beginning is connected with the holding in 1987 of the first conference of Soviet criminologists from Leningrad, Estonia, Latvia and Lithuania in the Estonian city of Tartu. The preface to the collection of materials of this conference says: "The proposed collection is written by a team of like-minded people. While disagreeing in particular, the authors nevertheless agree on the main thing — in approaching crime as a social phenomenon, as a manifestation of destructive processes in a social organism". Since then, the Baltic Conference has been held annually alternately in Latvia, Lithuania, Estonia and St. Petersburg. It was here on June 21—22, 2019 in the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen held the XXXII Criminology Conference, in which, along with Russian scientists (from Kaliningrad to Vladivostok), criminologists from Latvia, Estonia, Lithuania, Poland, Germany, the Czech Republic, Slovakia, Serbia, Israel, the USA and China took part.

Keywords: *Crime; Social Control; Criminal Justice; Criminology; Criminal Policing; Victims of Crime.*

KVASHIS Vitaliy Yefimovich — doctor of law, Professor, honored scientist of Russia; chief researcher of the Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia. 119049, Moscow, Zhitnaya str., 16.
E-mail: kvashis@mail.ru.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.07.2019.

Винокурова М. А.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, ЗНАЧЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье раскрыты основные аспекты значимости изучения поведения потерпевшего и преступника в современных условиях противодействия преступности. Автором подчеркивается, что изучение поведения преступника и жертвы с помощью виктимологического портрета необходимо для восстановления хронологии ранее произошедших событий. Среди параметров профиля можно выделить физиологические, психические, социальные, образовательные, профессиональные. В зарубежной виктимологической литературе термин «виктимологический портрет» был определен норвежским криминологом Н. Кристи в 1986 г. Установление виктимологического портрета было связано с теорией об основных «параметрах идеальной жертвы». В доктрине отечественной криминологической науки термин «виктимологический портрет» тесно взаимосвязан с понятием «индивидуальная виктимность». В ходе исследования автором установлено, что составленный в полном объеме виктимологический портрет жертвы станет отправной точкой в разработке профилактических методов противодействия преступности.

Ключевые слова: виктимология, виктимизация, жертва, преступник, виктимологический портрет, потерпевший, «идеальная жертва».

Введение

В обстановке современной действительности противодействие преступности невозможно без исследования поведения потерпевшего¹ и преступника. Понимание динамики преступного поведения позволяет разрабатывать профилактические меры противодействия с точки зрения их результативности. Восстановление картины происходящих преступных действий необходимо для своевременного воздействия на источник опасности и для обеспечения безопасности и защищенности личности.

¹ В рамках данной статьи термин «жертва» и «потерпевший» признаются равнозначными. Однако в научной литературе принято дифференцировать данные термины.

Жертвы это не абстрактные теоретические конструкции. Это люди. Они обладают определенными слабостями и несовершенствами как каждый из нас. Проблема, отражающая отношения между преступником и жертвой, много лет является предметом изучения виктимологии и криминологии [2, с. 24]. Иными словами, можно отметить, что в преступление вовлекаются два лица — жертва и виновное лицо-нарушитель. Постепенно данный подход уступает место «реалистичному» воззрению, когда жертва и виновное лицо рассматриваются как два человека, попавших в запутанную «паутину» отношений. Поэтому, исследование поведения потерпевших подлежит всестороннему анализу.

Методология исследования

Для исследования поставленного вопроса в статье использованы следующие методы научного познания: компаративный метод в области дифференциации подходов отечественной и зарубежной литературы относительно основных содержательных основ термина «виктимологический портрет»; номотетический и идеографический метод в сфере установления основных характеристик «виктимологического портрета» жертвы.

Описание исследования

В изучении преступности, поведения преступника и жертвы существует два основных подхода к развитию знаний. Первый — номотетический, акцентирует внимание на исследовании абстрактных универсальных законов. Основой второго — идеографического подхода, является анализ индивидуального (персонифицированного). Идеографическое исследование позволяет выявить уникальные черты функционирования поведения отдельных лиц [1, с. 15].

В целом, стоит отметить, что номотетический и идеографический методы исследования взаимосвязаны. Номотетический метод позволяет выявить типичные, усредненные характеристики портрета жертвы.

Результаты номотетического исследования применимы для выявления тенденций среднестатистического поведения группы лиц. Однако для разрешения конкретной проблемы о жертве отдельно взятой группы, номотетических знаний не хватает. Другими словами, исследования поведения групп людей могут быть использованы в частном порядке.

Идеографический метод позволяет исследовать черты отдельно взятой жертвы и особенности совершения преступления. Поэтому, использование идеографического метода позволяет выявить и систематизировать характеристики портрета жертвы. Совокупность характеристик портрета жертвы позволит составить ее «виктимологический портрет». Среди параметров «портрета» можно выделить физиологические, психические, социальные, образовательные, профессиональные характеристики.

Данный перечень носит открытый характер, так как в зависимости от индивидуальных особенностей жертвы, «виктимологический портрет» жертвы может меняться.

Норвежский криминолог Нильс Кристи в 1986 г. высказал теорию об основных характеристиках (дескрипторах) «идеальной жертвы». Н. Кристи выделил основные черты («атрибуты») жертвы, которые позволят охарактеризовать ее статус с точки зрения полноты, законности и однозначности. Среди основных атрибутов «идеальной жертвы», Н. Кристи выделял следующие:

1. По гендерному признаку «идеальной» жертвой может быть только женщина, которая в силу своих физических особенностей слабее мужчины.

2. «Идеальная» жертва не виновата в том, что произошло.

3. В повседневной жизни жертва добродетельна.

4. «Идеальная» жертва и лицо, совершившее преступление, не знакомы. В данном случае, субъектом преступления выступает физическое лицо, которое ранее не совершало подобного рода преступлений.

5. Преступник («незнакомец») должен быть «сильнее и больше».

6. «Идеальная» жертва приобретает статус жертвы в независимости от политической ситуации в стране. Иными словами, если жертве причинен вред, то автоматически государство обязано защищать ее от любого посягательства извне.

Таким образом, можно заключить, что при характеристике виктимологического портрета стоит учитывать следующие обстоятельства:

а) жертве во время совершения преступления всегда причиняется вред;

б) невиновность жертвы является априорной характеристикой ее портрета.

В доктрине отечественной криминологической литературы термин «виктимологический портрет» тесно взаимосвязан с понятием «индивидуальная виктимность». Так, по мнению В. И. Полубинского, «личные качества индивида, predisposed к определенным условиям нести ущерб от преступных посягательств,

позволяет понять хронологию произошедших преступных событий, тем самым в дальнейшем, определять для жертв преступления соответствующие меры защиты и возмещения вреда» [3, с. 59]. При этом, совокупность характеристик социального, биофизического и психологического качества составляют основу понятия «индивидуальная виктимность».

Т. В. Варчук и К. В. Вишневецкий выделяют социально-психологический аспект поведения жертвы, который, по их мнению, очень воздействует на виктимность человека [4, с. 71], тем самым влияет и на особенности построения виктимологического портрета жертвы.

Результаты исследования

Представляется возможным, что предположения, основанные на данном стереотипном образе «идеальная жертва» и «виктимологический портрет жертвы» способствует формированию критериев, которые могут влиять на содержание реформ, разрабатываемых директивными органами в области уголовного правосудия.

Между тем, другой очевидный вопрос касается того, в какой степени стереотипный образ «идеальной жертвы», разработанный в зарубежной криминологической литературе, подтверждается эмпирическими данными?

Большая часть демографической информации о жертвах преступления получена из анкетирования самих потерпевших, поэтому, к собранной информации следует относиться со значительной осторожностью, так как характер информации с точки зрения объективности слишком мал. Данные пакеты информации необходимы для дополнения или улучшения точности баз данных по уголовному правосудию. Однако в сборе подобного рода информации существует методологический недостаток — не учитывается риск виктимизации.

Например, в британских исследованиях преступности, основное внимание уделяется определенным видам преступлений, в частности, так называемые «бытовые» преступления, к которым относятся разбойные нападения, ограбления или кражи автомобилей. В тоже время

в британских изысканиях исключаются многие другие виды преступлений. Так называемые «преступления без жертв» (например, в области охраны труда) и те, в которых потерпевшие являются соучастниками (например, занятие проституцией, злоупотребление должностными полномочиями и др.). Помимо этого, в базу данных об исследовании поведения потерпевших не учитываются жертвы, в возрасте до 16 лет, а также жертвы любого возраста, которые живут в социальных учреждениях¹.

В целом, британские исследования позволяют объективно отразить информацию не только об отдельных категориях преступлений, но и выявить группы жертв, которые восприимчивы к отдельным видам преступлений. Согласно стереотипу «идеальной жертвы» Н. Кристи, наибольшему риску подвержены молодые люди в возрасте от 16 до 24 [5, с. 17] лет.

Мужчины являются жертвами грабежей и разбойных нападений в 83% случаев. Женщины, в основном, становятся жертвами домашнего насилия 73% происшествий [5, с. 19]. Статистические данные наглядно иллюстрируют гендерный характер большого числа случаев насилия в отношении личности. И наоборот, пожилые люди обоих полов относятся к числу потерпевших наименее склонных к насильственным нападениям любого рода, несмотря на тот факт, что они могут быть гораздо «ближе» к стереотипу «идеальной жертвы» в тех статистически редких случаях, когда это происходит. Результаты зарубежного исследования позволяют заключить, что статистическая информация о совершенных преступлениях, позволяет собрать определенную информацию о восприимчивости различных групп жертв к конкретным видам преступлений.

Как справедливо отмечено П. А. Кабановым, «виктимологическая информация, закреплённая в документах статистического характера как один из ее видов, позволяет отразить более полную виктимологическую реальность» [6, с. 28].

¹ В середине 1970-х годов в Лондоне был проведен первый крупный опрос жертв бытовых преступлений. Тем не менее, статистические данные о состоянии преступности систематически собирались каждые два года, начиная с 1982 года. Исследования перешли на ежегодный цикл лишь в 2001 году.

Более того, стремление к изучению поведения пострадавшего остается важным научным изысканием криминологической науки. Именно поэтому, изучение поведение преступника и жертвы с помощью виктимологического портрета необходимо для восстановления хронологии ранее произошедших событий [7; 8; 9 и др.]. Впоследствии составленный в полном объеме виктимологический профиль станет отправной точкой в разработке профилактических методов противодействия преступности.

Виктимологический профиль позволяет:

1. Уяснить объективную картину произошедшего преступления.
2. Восстановить хронологию событий.
3. Установить группу подозреваемых.
4. Сформулировать предложения по расследованию.
5. Разработать профилактические методы противодействия преступности.
6. Выявить мотивы совершения преступлений.

Для составления объективного виктимологического профиля необходимо собрать информацию, ответив на следующую группу вопросов:

1. Знала ли жертва преступника?
2. Подозревает ли пострадавшее лицо кого-нибудь?
3. Обращалась ли жертва до совершения преступления в правоохранительные органы?
4. Было ли у жертвы оружие?
5. Можно ли считать, что жертва представляет собой агрессивную личность?
6. Упоминалось ли имя жертвы в каких-либо полицейских отчетах ранее?

Сбор данной информации помимо исследования фактических улик на месте преступления является отправной точкой для восстановления хронологии произошедших событий.

Далее будут приведены комплексы характеристик, необходимых для составления полного виктимологического профиля. Данные наборы параметров (блоков, модулей) позволяют избежать «черных дыр» в расследовании преступлений различной категории.

Содержание виктимологического профиля [1, с. 105]:

1. Персональные характеристики: рост, вес, цвет волос / длина, одежда / ювелирные изделия, личные вещи — содержимое кошелька, сумки, рюкзака, портфеля, чемодана; манера одеваться, хобби / навыки, повседневная деятельность, недавно запланированные мероприятия, предстоящие запланированные мероприятия.
2. «Цифровой пакет»: сотовый телефон — звонки, чаты, адресная книга, GPS, фото, видео; ноутбук / настольный рабочий компьютер — электронная почта, skype, история браузера, социальные сети, блоги, сайты знакомств и другие подписки, финансовые сайты/истории платежей, персональное gps-устройство — недавние поездки, пункты назначения, закладки.
3. Проживание: физический домашний адрес, расположение комнат, доказательства, подтверждающие музыкальные, литературные предпочтения, хобби, телефонные звонки — входящие и исходящие вызовы, недостающие элементы декора в комнатах.
4. Отношения: отношения с членами семьи, друзьями, сотрудниками, одноклассниками и др.
5. Занятость: образование, место работы, график работы, руководитель, сотрудники, трудовой стаж; рабочий телефон: звонки, чаты, адресная книга, GPS, фото, видео; ноутбук / настольный рабочий компьютер — электронная почта, документы.
6. Финансы: кошелек, содержимое кошелька / карты, банковские счета, недвижимое имущество, акции, страховой полис и др.
7. Медицина: состояние интоксикации (уровень содержания в крови алкоголя и (или) наркотических веществ), текущее состояние здоровья (физическое и психическое), наличие серьезных заболеваний, лекарства (см. кошелек, рабочий стол, домашняя аптечка),

последние медицинские назначения, пристрастия (наркотики, алкоголь и др.).

Полученные данные позволяют:

1. Составить список ежедневных дел, привычек и действий жертвы.
2. Составить полный список членов семьи жертвы с контактными данными.
3. Сформировать полный список друзей жертвы с контактными данными.
4. Уточнить полный список сотрудников / одноклассников
5. Составить временную хронологию событий с использованием свидетельских показаний, цифровых, вещественных доказательств.

Вывод

Составление виктимологического портрета жертвы необходимо, во-первых, для

установления полной и четкой картины происходящего, и, во-вторых, для своевременного воздействия на источник опасности. Среди параметров профиля можно выделить физиологические, психические, социальные, образовательные, профессиональные характеристики. Данный перечень носит открытый характер, так как в зависимости от индивидуальных особенностей жертвы, виктимологический профиль может меняться. Однако не стоит забыть, что в условиях современной действительности, исследование поведения жертвы невозможно без отрыва от поведенческих паттернов преступника. Виктимизация не формируется в вакууме или контролируемых лабораторных условиях. Она проистекает из комплекса обстоятельств, складывающихся в пределах или в результате взаимоотношения жертвы и преступника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Brent E. Turvey. Forensic Victimology. Elsevier Inc., 2014. P. 616.
2. Кернер, Х.-Ю. Криминология. Словарь : справочник / Х.-Ю Кернер. — отв. ред. перевода А. И. Долгова. — М. : НОРМА, 1998. — 400 с.
3. Полубинский, В. И. Правовые основы криминальной криминологии / В. И. Полубинский // Журнал российского права. — 2001. — № 4. — С. 56—63.
4. Варчук, Т. В. Виктимология : учебное пособие / Т. В. Варчук, К. В. Вишневецкий. — М. : Юнити-Дана ; Закон и право, 2008. — 191 с.
5. Dignan, J. Understanding Victims and Restorative Justice (Crime & Justice S.). Open University Press, 2005. P. 229.
6. Кабанов, П. А. Виктимологическая терминология современного российского криминологического законодательства / П. А. Кабанов // Виктимология. — 2018. — № 4 (18). — С. 26—42.
7. Майоров, А. В. Виктимологическая модель противодействия преступности : монография / А. В. Майоров. — М. : Юрлитинформ, — 2014. — 224 с.
8. Майоров, А. В. О понятии «пострадавший» в уголовном праве / А. В. Майоров // Виктимология. — 2015. — № 3 (5). — С. 7—12.
9. Сабитов, Р. А. Соотношение понятий «потерпевший от преступления», «пострадавший от преступления» и «жертва преступления» / Р. А. Сабитов // Виктимология. — 2014. — № 1. — С. 17—25.

REFERENCES

1. Brent E. Turvey. Forensic Victimology. Elsevier Inc., 2014. P. 616.
2. Kerner, Kh.-Yu. Kriminologiya. Slovar : spravochnik / Kh.-Yu Kerner. — отв. red. perevoda A. I. Dolgova. — M. : NORMA, 1998. — 400 s.
3. Polubinskiy, V. I. Pravovye osnovy kriminalnoy kriminologii / V. I. Polubinskiy // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2001. — № 4. — S. 56—63.
4. Varchuk, T. V. Viktimologiya : uchebnoe posobie / T. V. Varchuk, K. V. Vishnevetskiy. — M. : Yuniti-Dana ; Zakon i pravo, 2008. — 191 s.

5. Dignan, J. Understanding Victims and Restorative Justice (Crime & Justice S.). Open University Press, 2005. R. 229.

6. Kabanov, P. A. Viktimologicheskaya terminologiya sovremennogo rossiyskogo kriminologicheskogo zakonodatelstva / P. A. Kabanov // Viktimologiya. — 2018. — № 4 (18). — S. 26—42.

7. Mayorov, A. V. Viktimologicheskaya model protivodeystviya prestupnosti : monografiya / A. V. Mayorov. — M. : Yurlitinform, — 2014. — 224 s.

8. Mayorov, A. V. O ponyatii «postradavshiy» v ugolovnom prave / A. V. Mayorov // Viktimologiya. — 2015. — № 3 (5). — S. 7—12.

9. Sabitov, R. A. Sootnoshenie ponyatij «poterpevshiy ot prestupleniya», «postradavshiy ot prestupleniya» i «zhertva prestupleniya» / R. A. Sabitov // Viktimologiya. — 2014. — № 1. — S. 17—25.

ВИНОКУРОВА Мария Александровна — аспирант кафедры административного и финансового права Института государства и права Тюменского государственного университета, г. Тюмень; преподаватель кафедры отечественной истории и права Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Челябинск.

E-mail: marysy_1108@mail.ru.

Vinokurova M. A.

VICTIMOLOGICAL PORTRAIT: CONCEPT, CONTENT, VALUE IN THE CONTEXT OF COMBATING CRIME

The article reveals the main aspects of the importance of studying the behavior of the victim and the offender in modern conditions of combating crime. The article emphasizes that the study of the behavior of the offender and the victim with the help of victimological portrait is necessary to restore the chronology of previous events. Among the parameters of the profile can be identified physiological, mental, social, educational, professional. In foreign victimological literature, the term "crime victim's portrait" has been defined by the Norwegian criminologist N. Christie's in 1986 Establishing victimological portrait was associated with the theory of the basic "parameters of the ideal victim". In the doctrine of domestic criminological science, the term "victimological portrait" is closely related to the concept of "individual victimization". In the course of the study, the author found that a fully compiled victimological portrait of the victim will be the starting point in the development of preventive methods of combating crime.

Keywords: victimology, victimization, victim, offender, victim portrait of a victim, "the perfect victim".

VINOKUROVA Maria Alexandrovna — post-graduate student of the Department of administrative and financial law of the Institute of state and law of Tyumen state University, Tyumen; teacher of the Department of national history and law of the South Ural state University of Humanities and education, Chelyabinsk.
E-mail: marysy_1108@mail.ru.

Дата поступления статьи в редакцию: 24.05.2019.

Чернышев Д. Б.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ХИЩЕНИЯ В СФЕРЕ ЖКХ

Существующая на сегодняшний день проблема противодействия преступным проявлениям в сфере жилищно-коммунального хозяйства обуславливает значимость изучения личности преступника как основы для планирования комплекса мер криминологического реагирования. При этом высокий интеллектуальный и профессиональный уровень лиц, совершающих указанные преступления, повышает их общественную опасность, усложняет практику выявления и раскрытия указанных преступлений.

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, преступник, личность, преступный мотив, преступное поведение

Введение

Преступность в сфере жилищно-коммунального хозяйства (далее — ЖКХ), как общественно опасное явление, влечет помимо причинения прямого имущественного ущерба потерпевшим, как правило представляющего особо крупный размер, еще и косвенные последствия в виде нарушения нормальной работы предприятий сферы, что, в свою очередь, потенциально может привести к сбоям в организации снабжения населенных пунктов жизненно важными коммунальными ресурсами. Вызванные этим социальные потрясения, на фоне ситуации общей экономической напряженности в стране, подрывают доверие населения к Государственной власти. Этим обусловлена актуальность противодействия данному виду преступности.

Планирование государственной уголовно-правовой политики противодействия любому виду преступности невозможно без комплексного криминологического изучения проблемы, установления всех факторов, создающих предпосылки и условия для преступного поведения. Одним из важнейших направлений криминологической коррекции является изучение личности преступников,

преимущественно совершающего указанные преступления. Построение криминологической характеристики, социального портрета «усредненного» субъекта преступлений в сфере ЖКХ позволяет более предметно осуществлять планирование мер криминологической профилактики данного вида преступности.

Описание проблемы и пути ее решения

Изучению преступности в сфере ЖКХ посвящен ряд исследований, в том числе монографических. Уголовно-правовые аспекты рассмотрены в работах В. И. Тюнина, В. В. Шиханова, В. В. Казакова и др. Значительное внимание методике выявления, раскрытия и расследования преступлений указанной группы уделено со стороны ученых-криминалистов — К. А. Титовой, Г. А. Алиевой, Т. Ф. Гелюс, Д. Н. Маринкина, К. И. Богомоловой и др. Криминологические аспекты преступности в сфере ЖКХ вызывают значительно меньший интерес со стороны исследователей, среди которых следует отметить работы Д. С. Саркисовой, Ю. В. Быстровой, Е. А. Сизых.

Изучение черт личности преступника, отличающих его от законопослушного

гражданина, необходимо для выделения составляющих, определяющих выбор им преступного пути поведения среди черт, свойственных всем без исключения лицам [1]. С этой целью при рассмотрении данного вопроса нами применен системно-структурный комплексный подход к изучению личности преступника, предложенным Ю. М. Антоняном [2].

Установление демографических характеристик преступников отрасли ЖКХ затруднено в связи с отсутствием единого подхода к определению критериев, позволяющих отнести конкретное преступление к группе совершенных в указанной сфере. Это обстоятельство негативно отражается на формировании государственной статистики, т. к. приращение соответствующей «окраски» преступлению при составлении документов первичного статистического учета в настоящее время отдано на усмотрение лица, заполняющего указанные документы [3]. Это подтверждается значительными различиями в определении гендерных показателей, приводимых в ходе научной дискуссии. Так, количество женщин, осужденных за преступления, совершенные в сфере ЖКХ, у различных авторов оценивается от 27 % [4] до 45,8 % [5]. Несмотря на такие значительные расхождения, можно сделать уверенный вывод о том, что в данной области доля женской преступности значительно превышает аналогичные средние показатели преступности в целом, которые составили за 2018 год 15,6 % [6]. Однако, учитывая, что преступления, совершаемые в сфере ЖКХ, относятся к категории экономических, разумным видится оценивать гендерные характеристики указанной группы преступлений в сравнении с экономической преступностью, доля женского участия в которой в среднем составляет около 40 % [7]. Из этого можно сделать вывод о том, что доля участия женщин в совершении преступлений в сфере ЖКХ в целом соответствует общему уровню женской экономической преступности. Причиной этого является интеллектуальный характер всех видов экономической преступности, не требующей применения силы и агрессии, более свойственной мужчинам. При этом преобладание

женщин в должностях, дающих доступ к распоряжению денежными средствами, обладание знаниями в области бухгалтерского учета облегчает их доступ к искомому предмету хищений [8].

Более высокий возраст лиц, совершающих преступления в сфере ЖКХ, в сравнении с общеуголовными преступлениями, обусловлен повышенными требованиями к уровню образования и профессионального опыта, необходимых для занятия руководящих должностей на предприятиях сферы ЖКХ, дающих возможности к совершению хищений. ЖКХ является одной из сложнейших отраслей экономики, понимание субъектом экономических процессов, технических вопросов производства и поставки коммунальных ресурсов и эксплуатации жилищного фонда требуют комплексных знаний в различных отраслях экономики и права. Согласно проводимых ранее исследований, средний возраст преступников, осужденных за совершение хищений в сфере ЖКХ, составляет от 40 до 50 лет (33 %), на втором месте лица возрастной группы от 30 до 40 лет (30 %). При этом не установлено ни одного факта совершения указанных преступлений несовершеннолетними [4]. Авторы объясняют указанные возрастные особенности наличием определенного жизненного опыта, связей, в том числе коррупционных, возрастанием личных расходов, претензий к качеству и уровню жизни. С приходом старости мысли о карьере подменяются мотивами простого материального благополучия. При этом лица более преклонного возраста (старше 50 лет) не склонны к совершению преступлений в силу сложившегося мировоззрения, страха потери работы в пред пенсионном возрасте [9].

Демографические характеристики преступности являются лишь внешним ее проявлением, и ни в коем случае не предпосылкой. Значительное большее влияние на выбор субъектом преступного пути поведения оказывает его внутренний мир, те деформированные психологические черты его личности, которые, формируясь в детстве, и изменяясь в ходе взросления и воспитания, создают его индивидуальность, включающую в том числе

и порочные склонности. Огромное множество факторов, прямо или косвенно влияющих на процесс формирования личности, невозможно привести к математической формуле, позволяющей оценить индивидуальную склонность человека к преступному поведению, можно лишь утверждать о наличии устойчивых антисоциальных взглядов, гипертрофированных потребностей, проявляющихся в соответствующем мотиве, порождающем в свою очередь преступное намерение, что создает начальную предпосылку для совершения лицом преступления [10]. Однако указанные черты характерны для личности преступника в целом, и, имея дело с экономической, т. н. «беловоротничковой» преступностью, необходимо выделить свойственные именно ей особенности, влияющие на выбор преступного пути поведения.

Преступность в сфере ЖКХ является прежде всего корыстной, соответственно основной движущий мотив — это либо прямое обогащение субъекта, либо иная личная заинтересованность. В основе формирования корыстной мотивации лежит самоопределение субъектом своего места в окружающем мире — отношение к себе и к окружающему его обществу. Фундаментом корыстной мотивации является наличие собственных неудовлетворенных потребностей [11], являющихся объективно гипертрофированными, и доминирование значимости указанных потребностей над нормами правового поведения, навязываемыми личности со стороны окружающего общества. Еще К. Маркс считал материальные потребности человека главным стимулом человека к активной деятельности [12]. Преобладанию собственных субъективно-неудовлетворенных потребностей способствует нарушенная внутренняя иерархия ценностей личности [13], и как следствие — готовность принести профессиональную честь, нормы общечеловеческой морали, заложенные в личность в ходе его воспитания, в жертву собственным эгоистическим интересам, подменяя традиционно культивируемые обществом порядочность, честность, трудолюбие. Усиливающие негативное влияние на характер чувства зависти и жадности заменяют потребности

в самореализации, востребованности знаний, профессиональных и творческих способностей личности. Однако заложенное в ходе воспитания чувство неприятия антиобщественного поведения требует внутреннего оправдания, которое преступник находит в различных доводах, объясняющих самому себе внешнее выражение его преступной мотивации: «все воруют», «воровать у государства это не воровство», «я же никого не убиваю» и т. д. [14].

При этом интеллектуальный характер механизма преступного поведения в сфере ЖКХ обусловлен такими свойствами личности преступников, как высокая социальная адаптация, меньший уровень неудовлетворенности собственным общественным положением в сравнении с лицами, совершающими общеуголовные преступления, и как следствие — более низкий уровень агрессии, самоуверенность, потребность в демонстрации собственного превосходства, прагматизм, ориентирование на достижение личного успеха любым способом [15]. Данным лицам свойственны общительность, активное стремление к расширению знакомств в наиболее высоких кругах общества [9], и выраженная склонность к анализу и планированию своего преступного поведения [16], тщательная подготовка к совершению преступлений, направленных, в основном, на длительное получение преступного дохода с использованием дефектов существующего законодательства [17]. При этом, как все преступники экономической сферы, указанные лица являются внешне привлекательными, приятными в общении людьми, интуитивно разбирающиеся в психологии, зачастую осведомленные о методах работы правоохранительных органов [18].

Важное значение в характеристике личности преступника, совершающего хищения в сфере ЖКХ, имеет его интеллектуальный уровень, профессиональный опыт, и как следствие — должностное положение, напрямую обуславливающие его криминальные возможности в доступе к предмету хищения, выборе механизма преступного поведения, созданию соответствующих условий, облегчающих совершение преступления [19]. Данные лица

являются профессиональными участниками экономических отношений в сфере ЖКХ, что позволяет им использовать высокий уровень личной профессиональной компетенции в собственных корыстных целях незаконного обогащения. А сложность и противоречивость регулирующего отрасль ЖКХ законодательства способствует сокрытию следов преступления, маскировке теневых финансовых потоков среди легальных [20].

Активное использование преступниками помощи профессиональных юристов и экономистов, лиц, ранее находившихся на государственной службе, в том числе в сфере правоохранительной деятельности отмечено главой СК РФ А. И. Бастрыкиным [21]. Проведенные ранее исследования показывают, что в основной массе субъектами совершения преступлений в сфере ЖКХ являются сотрудники руководящего звена предприятий — профессиональных участников производственных

отношений, обладающие организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями, их доля составляет 62,5%, и лишь оставшиеся 37,5% составляют сотрудники-исполнители, либо в силу своего должностного положения уполномоченные на выполнение отдельных административно-хозяйственных функций — работники бухгалтерии, руководители производства и т. д. [5].

Заключение

Изучение личности преступников, совершающих хищение в сфере ЖКХ, является важным этапом в формировании комплекса мер криминологической профилактики самой преступности, как общественного явления. Знание данных особенностей позволяет субъектам уголовно-правовой политики более направленно планировать необходимые мероприятия по криминологической коррекции указанного вида преступности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Долгова, А. И. Изучение личности преступника / А. И. Долгова // Советское государство и право. — 1978. — № 6. — С. 79.
2. Антонян, Ю. М. Личность преступника. Криминология : учебник / Ю. М. Антонян. — под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. — М., 2002.
3. Чернышев, Д. Б. Критерии отнесения преступлений к группе совершенных в сфере жилищно-коммунального хозяйства / Д. Б. Чернышев // Бизнес. Образование. Право. — 2018. — № 4 (45). — С. 345—349.
4. Быстрова, Ю. В. Преступность в сфере ЖКХ: криминологическое исследование : монография / Ю. В. Быстрова. — М., 2017. — 224 с.
5. Титова, К. А. Криминалистическая характеристика хищений, совершаемых должностными лицами в сфере жилищно-коммунального хозяйства / К. А. Титова // Юрист-Правовед. — 2009. — № 1. — С. 118—121;
6. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. — URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 08.04.2019).
7. Багдасарова, А. Э. Криминологическая характеристика женской преступности в сфере экономики : дис. ... канд. юрид. наук / А. Э. Багдасарова. — М., 2009. — 192 с.
8. Степанян, Ш. У. Современная женская преступность в России и пути ее предупреждения / Ш. У. Степанян // Российский следователь. — 2011. — № 8. — С. 27—33.
9. Кравцов, И. А. О некоторых характеристиках личности преступника, совершившего мошенничество в сфере кредитования / И. А. Кравцов // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. — 2016. — № 1—2. — С. 70—73.
10. Механизм преступного поведения : уч. пособ. / под ред. В. Н. Кудрявцева. — М. : 1981. — 94 с.
11. Антонян, Ю. М. Личность преступника: криминолого-психологическое исследование / Ю. М. Антонян, В. Е. Эминов. — М. : 2010. — 368с.
12. Маркс, К. Капитал / К. Маркс. — СПб. : Лениздат ; Книжная лаборатория, 2018. — 512 с.
13. Кудрявцев, В. Н. Борьба мотивов в преступном поведении / В. Н. Кудрявцев. — М. : Норма, 2007.

14. Ахметгареев, Р. Н. Мотивационная сфера личности мошенника / Р. Н. Ахметгареев // Актуальные проблемы экономики и права. — 2009. — № 2. — С. 129—133.
15. Богомолова, К. И. Особенности личности преступника, совершающего преступления в сфере жилищно-коммунального хозяйства / К. И. Богомолова, А. Н. Варьгин // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2018. — № 3 (33). — С. 359—364.
16. Швец, А. В. Состояние и динамика мошенничеств, совершаемых женщинами / А. В. Швец // Российский следователь. — 2014. — № 9. — С. 40—45.
17. Абрамов, М. К. Личность мошенника как основной элемент оперативно-розыскной характеристики / М. К. Абрамов, А. Г. Прокопов // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2015. — № 4 (22). — С. 73—76.
18. Ахмедшин, Р. Л. Криминалистическая характеристика личности преступника : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Р. Л. Ахмедшин. — Томск, 2006. — 20 с.
19. Еремин, С. Г. Анализ практики борьбы с преступлениями в жилищно-коммунальном хозяйстве Российской Федерации / С. Г. Еремин, Ю. С. Стещенко // Вестник Волгоградской Академии МВД России. — 2014. — № 4 (31). — С. 96—100.
20. Гелюс, Т. Ф. Некоторые пути разрешения проблемных вопросов, связанных с установлением потерпевшего и закреплении его процессуального статуса при расследовании хищений, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства / Т. Ф. Гелюс // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. — 2016. — № 3 (35). — С. 32—41.
21. Бастрыкин, А. И. Следственный комитет РФ как субъект противодействия преступлениям в сфере экономики / А. И. Бастрыкин // Экономическая безопасность: проблемы, перспективы, тенденции развития : материалы III международной Научно-практической конференции ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. — Пермь, 2016. — С. 3—4.

REFERENCE

1. Dolgova, A. I. Izuchenie lichnosti prestupnika / A. I. Dolgova // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. — 1978. — № 6. — S. 79.
2. Antonyan, Yu. M. Lichnost prestupnika. Kriminologiya : uchebnik / Yu. M. Antonyan. — pod red. V. N. Kudryavtseva, V. Ye. Eminova. — M., 2002.
3. Chernyshev, D. B. Kriterii otneseniya prestupleniy k gruppe sovershennykh v sfere zhilishchno-kommunalnogo khozyaystva / D. B. Chernyshev // Biznes. Obrazovanie. Pravo. — 2018. — № 4 (45). — S. 345—349.
4. Bystrova, Yu. V. Prestupnost v sfere ZhKKh: kriminologicheskoe issledovanie : monografiya / Yu. V. Bystrova. — M., 2017. — 224 s.
5. Titova, K. A. Kriminalisticheskaya kharakteristika khishcheniy, sovershaemykh dolzhnostnymi litsami v sfere zhilishchno-kommunalnogo khozyaystva / K. A. Titova // Yurist-Pravoved. — 2009. — № 1. — S. 118—121;
6. Portal pravovoy statistiki Generalnoy prokuratury RF. — URL: <http://crimestat.ru> (data obrashcheniya: 08.04.2019).
7. Bagdasarova, A. E. Kriminologicheskaya kharakteristika zhenskoy prestupnosti v sfere ekonomiki : dis. ... kand. yurid. nauk / A. E. Bagdasarova. — M., 2009. — 192 s.
8. Stepanyan, Sh. U. Sovremennaya zhenskaya prestupnost v Rossii i puti ee preduprezhdeniya / Sh. U. Stepanyan // Rossiyskiy sledovatel. — 2011. — № 8. — S. 27—33.
9. Kravtsov, I. A. O nekotorykh kharakteristikakh lichnosti prestupnika, sovershivshogo moshennichestvo v sfere kreditovaniya / I. A. Kravtsov // Obshchestvennaya bezopasnost, zakonnost i pravoporyadok v III tysyacheletii. — 2016. — № 1—2. — S. 70—73.
10. Mekhanizm prestupnogo povedeniya : uch. posob. / pod red. V. N. Kudryavtseva. — M. : 1981. — 94 s.
11. Antonyan, Yu. M. Lichnost prestupnika: kriminologo-psikhologicheskoe issledovanie / Yu. M. Antonyan, V. Ye. Eminov. — M. : 2010. — 368s.
12. Marks, K. Kapital / K. Marks. — SPb. : Lenizdat ; Knizhnaya laboratoriya, 2018. — 512 s.
13. Kudryavtsev, V. N. Borba motivov v prestupnom povedenii / V. N. Kudryavtsev. — M. : Norma, 2007.

14. Akhmetgareev, R. N. Motivatsionnaya sfera lichnosti moshennika / R. N. Akhmetgareev // Aktualnye problemy ekonomiki i prava. — 2009. — № 2. — S. 129—133.
 15. Bogomolova, K. I. Osobennosti lichnosti prestupnika, sovershayushchego prestupleniya v sfere zhilishchno-kommunalnogo khozyaystva / K. I. Bogomolova, A. N. Varygin // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2018. — № 3 (33). — S. 359—364.
 16. Shvets, A. V. Sostoyanie i dinamika moshennichestv, sovershaemykh zhenshchinami / A. V. Shvets // Rossiyskiy sledovatel. — 2014. — № 9. — S. 40—45.
 17. Abramov, M. K. Lichnost moshennika kak osnovnoy element operativno-rozysknoy kharakteristiki / M. K. Abramov, A. G. Prokopov // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2015. — № 4 (22). — S. 73—76.
 18. Akhmedshin, R. L. Kriminalisticheskaya kharakteristika lichnosti prestupnika : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk / R. L. Akhmedshin. — Tomsk, 2006. — 20 s.
 19. Yeremin, S. G. Analiz praktiki borby s prestupleniyami v zhilishchno-kommunalnom khozyaystve Rossiyskoy Federatsii / S. G. Yeremin, Yu. S. Steshenko // Vestnik Volgogradskoy Akademii MVD Rossii. — 2014. — № 4 (31). — S. 96—100.
 20. Gelyus, T. F. Nekotorye puti razresheniya problemnykh voprosov, svyazannykh s ustanovleniem poterpevshego i zakrepleniem ego protsessualnogo statusa pri rassledovanii khishcheniy, sovershaemykh v sfere zhilishchno-kommunalnogo khozyaystva / T. F. Gelyus // Vestnik Dalnevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2016. — № 3 (35). — S. 32—41.
 21. Bastrykin, A. I. Sledstvennyy komitet RF kak subekt protivodeystviya prestupleniyam v sfere ekonomiki / A. I. Bastrykin // Ekonomicheskaya bezopasnost: problemy, perspektivy, tendentsii razvitiya : materialy III mezhdunarodnoy Nauchno-prakticheskoy konferentsii ; Permskiy gosudarstvennyy natsionalnyy issledovatel'skiy universitet. — Perm, 2016. — S. 3—4.
-

ЧЕРНЫШЕВ Дмитрий Борисович — следователь Следственного управления Межмуниципального управления МВД России «Нижнетагильское», майор юстиции, г. Нижний Тагил.
E-mail: Sledstvient404@mail.ru.

Chernyshev D. B.

CRIMINOLOGICALLY SIGNIFICANT FEATURES OF THE PERSONALITY OF THE CRIMINAL, THE PERFORMING THEFT IN THE SPHERE OF HOUSING AND COOMUNAL SERVICES

The current problem of countering criminal manifestations in the housing and utilities sector determines the importance of studying the identity of the offender as a basis for planning a set of criminological response measures. At the same time, the high intellectual and professional level of the perpetrators of these crimes increases their public danger, complicates the practice of identifying and solving these crimes.

Keyword: *housing and communal services, criminal, personality, criminal motive, criminal behavior.*

CHERNYSHEV Dmitry Borisovich — investigator of the Investigation Department of the inter-Municipal Department of the Ministry of internal Affairs of Russia “Nizhny Tagil”, major of justice, Nizhny Tagil.
E-mail: Sledstvient404@mail.ru.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.04.2019.

Ильюк Е. В.

МОЛОДЕЖЬ КАК ГРУППА РИСКА И ОСНОВНЫЕ ТЕХНИКИ МАНИПУЛЯЦИИ ПРИ ВОВЛЕЧЕНИИ В ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

В ходе информационных войн основной акцент воздействия делается на молодежь — будущее России. Молодые люди являются группой риска при вовлечении в силу несформированности личности, Я-концепции, системы ценностных ориентаций, клипового мышления, нерешенности социальных и материальных вопросов. Подбираются молодые люди со сниженной самооценкой, «недолюбленные», одинокие. К ним применяются такие техники, как «бомбардировка любовью», «баланс услуг», техники на основе нейро-лингвистического программирования (ведение, якорение, мысли-вирусы). В результате формируется новая личность с «тоннельным мышлением», черно-белым восприятием действительности. Осуществляется «индоктринация» личности.

Ключевые слова: информационные войны, управление сознанием, группа риска, виктимные качества, вербовка в экстремистские организации, туннельное мышление, клиповое мышление.

Введение

Современные войны — это войны информационные и психологические, с использованием информационно-психологического воздействия на массы людей и в отношении конкретных людей в целях вовлечения в ряды «воинов».

Техники воздействия на сознание людей активно разрабатывались в XX веке. Они активно применялись во время II мировой войны. Начиная с 1950 г. начали использоваться термины «промывание мозгов», «управление сознанием», «переформатирование» сознания, при котором происходит изменение личности: меняется Я-концепция, установки, жизненные принципы, взгляды. Разработкой данных технологий занимается Центр прикладных ненасильственных акций и стратегий CANVAS¹ в Белграде и другие организации.

¹ CANVAS — Центр прикладных ненасильственных акций и стратегий (The Center For Applied Actions and Strategies), который занимается реализацией

«Промывание мозгов» или «переформатирование сознания» осуществляется в ходе вербовки или вовлечения в экстремистскую организацию.

Описание исследования

Выделяют три категории граждан, потенциально предрасположенных быть завербованными: это молодежь, трудовые мигранты и заключенные.

1. Фактор личностной незрелости, отсутствия четких идеалов, смыслов жизни, невостребованность в обществе. При незначительном жизненном опыте они объективно не способны оценить последствия вовлечения.

методов «ненасильственного свержения власти». CANVAS работает под эгидой американских Freedom House и Национального фонда в поддержку демократии, его спонсорами являются фонд Рокфеллера, фонд Сороса, Международный республиканский институт, Институт Эйнштейна. Существует с 2003 г. <https://cont.ws/@iliabelous/577823> (дата обращения: 20.04.2019).

Молодые люди с несформировавшейся личностью, с ограниченным, «плоским», неразвитым мышлением, личностно незрелые особенно податливы к психологическому влиянию.

Молодые люди больше склонны к экстремизму и террористическому способу разрешения проблем, ведь подростковый возраст и юность характеризуются развитием самосознания, обострением чувства справедливости, поиском смысла и ценности жизни. У него нет мечты и нет цели, и он не любит об этом говорить, он не хочет, чтобы его трогали. «Оставьте меня в покое». Отсутствие индивидуальности ставит отпечаток на убеждениях. Человеком легко управлять, чем пользуются СМИ и манипуляторы.

Именно в это время подросток озабочен желанием найти свою группу, поиском собственной идентичности, которая формируется по самой примитивной схеме «мы» — «они».

Молодому человеку группы риска присуща неустойчивая психика, легко подверженная внушению и манипулированию.

Объектом вербовщиков становятся молодые люди — романтики, идеалисты, изгои и просто не адаптированные к взрослой жизни, которые не хотят мириться с окружающим их социальным неравенством. Инстинкт самосохранения у молодежи снижен, а социальных обязанностей еще нет.

Самодостаточная личность с внутренней системой осознанных жизненных ориентиров максимально защищена от постороннего влияния. Отсутствие осознанных жизненных, ценностных ориентиров повышает вероятность заполнения мировоззренческого пространства идеями «борьбы за справедливость».

2. Фактор образования. Легче всего попадают на уловки боевиков малообразованные молодые люди.

В 90-е годы в России развитие школьного образования было направлено на формирование «потребителя» (и потребителя идеологии тоже), а не креативного мышления у талантливой молодежи. ЕГЭ не способствует развитию творческого, креативного мышления, способствует только развитию кратковременной памяти.

Недостаток образования и несформированность, неразвитость сознания, отсутствие критического восприятия информации способствуют формированию «дихотомии» мышления: черное — белое, без полутонов, плоское восприятие мира, что и нужно экстремистам.

«Дефицит образования и информации порождает деструктивное, разрушительное отношение к иным культурам, убеждениям и верованиям... точно также, как необразован современный исламский фундаментализм. И чем менее он образован, тем более нетерпим и террористичен» [4, с. 136].

Недостатки современного образования, которые относятся к условиям, облегчающим вовлечение в деструктивные организации: не формирует мировоззрение, которое позволяет сохранить индивидуальную психологическую стабильность; потребительская культура ведет к легкой потере ориентиров и смысла жизни; характерен негативизм обывательского мировосприятия, при котором популярно «чтиво» со сценами насилия.

3. «Клипное» мышление молодежи. Клиповое мышление делает человека, группу более уязвимым с точки зрения управления, поскольку оно утрачивает в достаточной мере аналитические, критические, скептические подходы к восприятию информации. В отличие от понятийного мышления, клиповое уступает способностью проводить критический анализ серьезной социально-политической и экономической проблемы, в связи с получением поверхностных знаний. Преимущества такого мышления — способность легко адаптироваться в условиях «информационной перегрузки».

Клиповое мышление облегчает манипулирование, основанное на внушении, сила воздействия которого зависит от степени ослабления сознательного контроля над воспринимаемой информацией. А сила воздействия во многом зависит от доступности и наглядности, лаконичности информации. Эффективность воздействия усиливается в случае совпадения с интересами и потребностями людей. Клиповое мышление стало одним из благоприятных факторов для

информационной войны, облегчающих манипулирование сознанием.

Авторитарность и ригидность мышления приводят к тому, что террористы не могут вести общение в режиме диалога. Либо выслушивают авторитета, либо сами произносят монологи [4, с. 138]. Также и Свидетели Иеговы: развитие коммуникативных навыков отрабатывается с одной целью — с целью вербовки.

4. Одиночество. Одна из податливых «групп риска» — дети-сироты. Основой афганского движения «Талибан» были «солдаты ислама», сироты — дети афганцев, убитых во время гражданской войны [4, с. 199]. Одиночество, ощущение покинутости характерно для таких детей. Недолюбленность приводит к гипертрофированной жажде любви.

В террористы рекрутируются неудачники, социально дезадаптированные люди. Они страдали от одиночества, у них не складывались отношения с представителями противоположного пола.

Начинает действовать механизм компенсации. Компенсация (гиперкомпенсация) — когда неудовлетворённость, неразвитость, отсутствие, в одной сфере жизни (или нескольких), заполняется, замещается развитием в другой сфере (или нескольких). Пустота в одной сфере психики заполняется внешними факторами, пустота в душе чрезмерным стремлением к общению, в том числе и в социальных сетях, или фантазированием, уход в «светлое» будущее, мечтательность.

Условие отсутствия открытых доверительных отношений с родителями, эмоциональной поддержки родителей, и контроля со стороны родителей. Тогда дети становятся уязвимы в отношении негативного влияния сверстников, социальных сетей, негативной деструктивной информации при вовлечении в группы смерти или деструктивные организации. В Свидетелях Иеговы и других сектах — детей приводят родители, когда приходят сами, и дети не имеют ни физической возможности, ни воли противодействовать родителям.

Наиболее слабым психологическим звеном для вербовки являются девушки. Некритичное отношение к словам

и поступкам, излишняя доверчивость, жажда любви и желание проявить свою преданность, делает девушек легкой добычей для манипулирования. Во все времена девушки испытывали потребность в сильных чувствах влюбленности, ждали появления героя, готовы были ради любимого человека совершать самоотверженные поступки. «Жених» Варвары Карауловой был профессиональным вербовщиком и успешно завербовал несколько «невест».

Низкая или сниженная самооценка, которая формируется у детей в семьях с физическим, психологическим, сексуальным насилием; при психологическом или физическом насилии со стороны учителей, воспитателей, тренеров; ощущение беспросветной бедности и нищеты, недоступности доступных другим социальных благ, ощущение принадлежности к низшим слоям общества, жизнь «на дне» общества, вынужденность выживать, а не жить. Самооценку далее еще более снижают: нет талантов, нет способностей (в ИГИЛ), греховность.

Желание испытать сильные эмоции, склонность к экстремальному поведению: реализовать агрессию, выйти замуж за истинного мусульманина.

Указанные выше факторы усиливаются тем, что молодые люди, продолжая образование, покидают школу, семью, уезжают в другой город или регион, оказываясь в ситуации неподконтрольности и социальной незащищенности. В итоге молодой человек мобилен, готов к экспериментам, участию в акциях, митингах. Это молодые люди, имеющие материальные, жилищные проблемы, обиженные и озлобленные на окружающих, жертвы в семейных и личных отношениях. При этом готовность к протестным действиям возрастает из-за низкой материальной обеспеченности, в связи с чем участие в оплаченных кем-либо акциях протеста может рассматриваться как допустимая возможность дополнительного заработка.

У бедных при значительном социальном расслоении в уровне доходов и жизни возникает ущербность, связанная с дефицитом социальных благ и желание мести, связанное с комплексом «установления справедливости».

Дети с психическими расстройствами особенно уязвимы для неблагоприятных воздействий внешней среды, которые могут стать «триггерами» ухудшения их психического состояния. У детей, вовлеченных в «группы смерти», диагностировали тревоги, депрессии, жизненные ситуации ребенок воспринимает как безвыходные. Среди них могут быть и «дети инцеста».

Целевой группой для вербовщиков ИГИЛ является мусульманская молодежь с низким социальным статусом или немусульманская молодежь с огромным количеством личных проблем [3, с. 17].

Террористы рекрутируют любых граждан, им нужны все. «Исламское государство» узаконило рабство, возродив рынки невольников и невольниц.

Сегодня иеговисты верят и внушают веру, что история земли должна закончиться кровавым Армагеддоном, когда Христос в виде Архангела Михаила незримо сойдет на землю в своем «Втором пришествии», возглавит воинство Иеговы, которое физически истребит всех «неверных». Раньше секта учила, что в битве верные иеговисты получают оружие в руки и будут помогать Христу-Михаилу расправиться со всеми «неверными». Дети, выросшие и воспитанные в сектах иеговистов, рассказывали, что им запрещено было участвовать в праздниках, отмечать Дни рождения, играть и дружить с «неверными». Вследствие этого социализации в обществе и коллективе у них не было. Их учили, что вот-вот придет Иегова и тогда ему дадут в руки автомат, и они должны будут «уложить всех своих соучеников»¹.

То, чему учили в секте, было реализовано Владиславом Росляковым 17 октября 2018 г. в Керченском колледже. Его родители — адепты секты «Свидетели Иеговы», мать — Галина Рослякова, более двадцати лет была адептом Секты «Свидетели Иеговы» работала санитаркой в Онкоцентре, где можно было заниматься вербовкой больных). С раннего возраста мальчик вынужден был посещать все собрания Секты.

«Вербовщики» обучены методам вербовки, их навыки отработаны. Обучение

проходит в специальных школах по определенным технологиям. «Свидетели Иеговы» обучаются в «Школе теократического служения» в Галааде (Пенсильвания). Вербовщики в ИГИЛ проходят обучение в лагерях боевиков. Обучение включает навыки применения нейrolингвистического программирования. В частности, программа «боевого НЛП» включает навыки встраивания депрессий и тревожностей в процессе разговора, пошаговую инструкцию по разрушению я-концепции, идентичности, удержание проблемных состояний, разрушение любви и дружбы, встраивание «мыслей-вирусов» (например, фобии, страх «конца света»), «кладбище ресурсов».

Универсальный алгоритм сетевой вербовки включает в себя основные этапы, предусматривающие движение от диагностики и калибровки потенциального объекта для вербовки, до непосредственного контакта и формулировки прикладных задач, выполнения заданий, после решения которых у нового адепта не будет пути обратно.

Вербовщики на первом этапе поиска потенциальных кандидатов производят сбор информации об объекте воздействия и выяснение его «слабых мест», «грехов», для усиления «чувства вины» и дальнейшей манипуляции. Вербовщик вступает в виртуальное или реальное общение с выбранной жертвой.

Выясняются фрустрированные (неудовлетворенные) потребности: хочешь замуж? Обеспечим мужем. Не хватает денег? Получишь столько, сколько хочешь. Хочешь учиться, но нет денег на образование? Направим на обучение: на тренинги личностного роста, в Школу теократического служения, или в лагерь боевиков.

Например, предлагают заполнить очень подробные анкеты о себе, близком окружении, близких родственниках с указанием интимных подробностей, состоянии здоровья. Проводят тщательный анализ актуальных желаний человека, его психологических проблем и ценностных ориентаций. Составляется психологический портрет объекта и разрабатывается стратегия воздействия.

При контакте осуществляется закидывание приманки, крючка. Чтобы

¹ <http://pokrov-kaltan.prihod.ru/svideteli-iegovy/>

зацепить «на крючок», нужен «повод»: измерим уровень стресса бесплатно, прочитаем лекцию о вреде наркотиков в школах бесплатно, вербуют на бизнес-тренингах, тренингах личностного роста; там, где человек ослаблен, у него снижен иммунитет, он находится в сложной жизненной ситуации (в наркологическом диспансере, больнице).

Цель первых контактов — создать чувство безопасности, психологического комфорта, иллюзию «понимания» и удовлетворения потребности в любви.

В современном обществе наиболее распространенной манерой общения является агрессивная, распространенным отношением к другому человеку — равнодушие. А в группе единомышленников в экстремистской организации новичка встречают с любовью, заботой, происходит «бомбардировка любовью», поскольку единомышленники — должны заменить «семью», стать «суррогатной семьей» [1, с. 157]. Вербовщик готов стать для жертвы новым учителем, наставником, другом, единомышленником, любимым человеком.

При вовлечении в экстремистские организации «эксплуатируется» потребность в принадлежности к группе. Принимая роль члена той или иной этнической общности, исповедуя ту или иную религию или идеологию, вступая в какую-либо профессиональную группу, человек неизбежно оказывается должен разделять убеждения, ценности, интересы этого объединения. Вольно или невольно, в любой группе сознание человека подвергается внешнему контролю. Сначала — уступчивость, которая потом превращается в твердую внутреннюю убежденность.

Одновременно на этом этапе вербовщик пытается вытолкнуть жертву из её привычного круга общения, призывает «порвать с людьми, которые тебя не ценят», «обрести новых друзей», «игнорировать родственников, которые не понимают твоей уникальности». Вербовщик старается представить социум и ближайшее окружение враждебным жертве. Работа ведется по дискредитации окружающего мира, сначала подчеркивается порочность этого мира, а потом

предлагаются пути выхода: «социальная справедливость» в модели, предлагаемой «Исламским государством».

Изоляция человека от близкого окружения и социума в целом является обязательным условием вербовки. Путем давления на личность вербовщики вынуждают человека отказаться от всех прежних контактов и отношений, которые могут помешать его обработке и вовлечению в ряды террористов. Секта, деструктивная организация отделяют своих членов от прежних систем социальной поддержки, чтобы они были исключительно в окружении «своей» группы. Изолируя от общества, семьи и друзей, экстремисты лишают его тем самым доступа к людям, которые могли бы поддержать его первоначальные взгляды.

Настоящая семья должна «уйти в тень», для успешного «переформатирования сознания» необходим разрыв родственных и всех социальных связей. Происходит погружение в информационный «вакуум», ставится «блок» на информацию: не получать информацию извне (не смотреть телевизор, не читать газет). Поэтому мероприятия по интенсивному психологическому воздействию проводятся за городом, вдали от привычного окружения.

Происходит «погружение» в другую «среду»: в ней своя униформа, другая лексика («одитинг», «клирование»), другой распорядок дня, присваивается новое имя, может быть другое летоисчисление. Происходит подмена понятий и искажение смыслов. Например, слово «любить» может иметь новый смысл, понятие ответственности и вины (всю вину возьмет на себя организация). Искажают значения религиозных понятий: Джихад — это, прежде всего, не борьба с неверными, а усердие. Шахид — не смертник, а «свидетельствующий» [3, с. 17].

Вербовщику в экстремистские организации нужно создать у человека психологическую зависимость, когда индивидуальные принципы и ценности заменяются чужими установками и программами действий. Молодые люди в лице вербовщика находят внимательного понимающего человека и, принимая его помощь, начинают чувствовать себя обязанными

на ответные просьбы. Такой прием использования вежливости, благодарности человека называется «балансом услуг».

Постепенно создается психологическая зависимость от манипулятора, готовность разделить с ним его убеждения и выполнять его указания. Созданная любовная зависимость снижает способность оценивать партнера объективно, осознавать последствия собственных поступков.

На первом этапе вербовки наводчик вычисляет потенциальную жертву, выявляет проблемы у члена группы. Затем в работу включается мотиватор, который сначала давит на существующие проблемы, преувеличивает их, а потом показывает «выход» — «прекрасный мир» «Исламского государства». Мотиватор заставляет поверить «клиента», что он может сделать нечто очень важное, внести вклад в общее дело, направленное на «спасение» человечества.

Вслед за установлением доверия к вербовщику осуществляется методика «ведения» человека» (термин нейролингвистического программирования). Готовность «объекта» к личной встрече и выполнению заданий, вступлению в организацию определяется по изменению контента странички в социальных сетях, характера ответов на контрольные вопросы, однозначно-стереотипной реакции на оценку происходящих событий.

Применяется рефрейминг¹ смысла — переоценка факта, события, целей. Через рефрейминг происходит подмена социальных и личностных целей, а так же формируется образ врага и внедряется система «свой — чужой».

В процессе «переформатирования сознания» происходит «индоктринация», т. е. изменение смыслов. Индоктринация — это процесс некритического присвоения чужих идей или доктрин, результат «промывания мозгов», зомбирования или действия других методов «контроля сознания». Корень слова «индоктринация» — доктрина (*doctrina* — от латинского «учение, научная или философская теория, система, руководящий принцип»).

¹ Рефрейминг — это специальный прием, который позволяет изменить точку зрения человека на иную, даже противоположную.

Этапы «индоктринации»² были названы Куртом Левиным в работе «Теория изменений» (1947 г.), к ним относятся «размораживание», «изменение», «замораживание».

«Разморозка» происходит с помощью манипулятивных, экстремальных техник (недоедание, недосыпание, снижение иммунитета, хроническая усталость, переутомление), в результате объект воздействия на психику доводят до состояния полностью подконтрольного манипулятору. Объект отказывается от прошлого и прежних социальных связей. Снижается уверенность в себе и увеличивается зависимость от мнения новой группы. Объект становится уступчивым, приспосабливается к ситуации и мнению группы.

На этапе «изменения» происходит «индоктринация» — т. е. замена прежних установок, взглядов на новые, смена группы. Объекту создается новая личность, он принимает новое имя, новые установки, новую веру и идеологию. Он становится полностью подконтрольным организации.

Индоктринация лежит в основе многочисленных ритуалов, «правил» хорошего поведения, народных традиций, религиозных церемоний. Способами могут быть долгие молитвы, изнурительные тренировки, наркотические средства. Индоктринация связана с четким противопоставлением «мы — они».

На этапе «заморозки» фиксируется измененное состояние.

Терроризм как человеконенавистническая деятельность наносит ущерб базовым ценностям личности, влияя на формирование взглядов, убеждений и таких понятий, как «цель жизни», «смысл жизни», «жизненные ориентиры».

В ходе психологической обработки у человека создается новая система «якорей» (термин нейролингвистического программирования). Происходит «привязка» состояний человека к шаблонам поведения, формируется система запрограммированных реакций на определенные действия.

Когда сознание жертв становится ограниченным, «туннельным», оно

² Индоктринация представляет собой процесс некритического присвоения чужих идей или доктрин.

заполняется внушенными извне установками. Адепты готовы выполнять чужие программы и даже преодолевать естественный инстинкт самосохранения, жертвуя собой. Ценность человеческой жизни при этом снижается. Террористы атакуют не конкретного врага, а образ врага, спроецированный на население.

Суженное, «туннельное» восприятие действительности, полное неприятие иных взглядов, является содержанием понятия «фанатизма». В основе фанатизма всегда лежит вера, не просто противостоящая рациональному восприятию, а полностью заменяющая его [4, с. 212]. Логика террориста и сектанта — это логика верующего человека. Верит в идею, в идею служения, в свою высочайшую миссию. Ему не нужны рациональные доказательства, он верит потому, что верит.

Для того, чтобы «отключить сознание» (критику, логику, установки, жизненный опыт и другие составляющие), необходимо активировать бессознательное (страх за свою жизнь, страх смерти, инстинкты — размножения, защиты жизни) и эмоции. Когда «запкаливают» эмоции — человек перестает обдумывать и критически оценивать ситуацию. Ольшанский отмечает: «Отстаивая свои взгляды, они апеллируют не к разуму, а к чувствам, верованиям и предрассудкам людей, к примитивному сознанию и инстинктам толпы, массы» [4, с. 174].

Используется феномен психологического заражения, который является бессознательным процессом.

Чтобы раскачать эмоции, применяются:

1) физическая активность — танец, прыжки;

2) пение хором, выкрики, нашивы¹ (песнопения, в которых содержится прямой призыв к джихаду);

3) «раскачивание эмоций» через механизм эмоционального «заражения» в толпе. Примером толпы, которую «ведут эмоции», является восточный базар. В толпе человек теряет чувство

¹ В современный период термин нашив (а также уншуда) используется как эквивалент «гимна» Нашид (араб. نيشيد) — мусульманское песнопение, традиционно исполняемое мужским вокалом соло или в хоре без сопровождения музыкальных инструментов. Нашид (мн. ч. анашив, нашив, аншад) был фрагментом ораторского искусства, песнопения, гимна и формы вокальной музыки.

индивидуальности, а ответственность размывается. Происходит деиндивидуализация и размывание ответственности. В современном мире через социальные сети используются техники манипулирования «астротурфинг» — искусственное формирование определенного общественного мнения.

4) Манипулирование людьми включает приемы использования самой сильной эмоции — страха, страха за свою жизнь, страха смерти. Страх перед концом света постоянно нагнетается и подкрепляется: мир обречен, спасутся только адепты («очищенные» — «клированные»). Все тоталитарные секты распространяют веру в то, что все, кроме них, неизбежно погибнут. Террористы сеют страх терактами.

Террор в переводе с латыни — страх, ужас. Термин введен Аристотелем. Современный террор направлен на доведение индивидов до такого состояния, при котором коллективное бессознательное преобладает над разумом, народ трансформируется в утратившую духовно-нравственный потенциал толпу, в неуправляемую массу, не способную к организованным, конструктивным действиям.

5) Эффект от манипуляции значительно усиливается, если люди видят, что остальные члены группы верят сказанному. Действует групповая самоцензура и групповое давление, которые создают иллюзию единодушия.

В человеке заложена боязнь противостоять чужому мнению, страх быть «белой вороной». Влияние на сознание оказывают современные технологии создания «нужного» общественного мнения (в СМИ, соцсетях) — «астротурфинг».

Искажение смыслов происходит по принципу «правила Платона» (прием «трех ДА»). Первые две — три фразы верные — о добре к ближнему, заботе о ближних, и незаметно монолог «съезжает» к замене понятий, например, о том, что «смертники» напрямую попадают в рай. Движение «Хамаз» учило своих боевиков: «Смерть за Аллаха — дорога в рай». Психология шахэда основана на вере в религиозную идею святости «воина Аллаха», без раздумий отдающего свою жизнь

во имя Аллаха и вознаграждаемого за это немедленным попаданием в рай, где его ожидают роскошные еда, напитки, а также семьдесят девственниц для удовольствий [4, с. 150].

В ходе коммуникации происходит встраивание мыслей — вирусов. Например, повтор фразы: «Годы уходят, а ты так ничего и не сделал в этой жизни»¹.

Используется подтасовка фактов, игра на необразованности или незнании определенной информации, манипулирование тенденциозно подобранными новостями и эмоциональная риторика.

Искаженные программирующие фразы многократно повторяются. Повторы — это прием манипуляции. Достаточно 10 мин. методичного воздействия, и внушение осуществилось, минимальное число прочтений — 7—8, оптимальное для воздействия от 12 раз — это уже внушающее воздействие. Именно поэтому на собраниях «Свидетели Иеговы» много раз повторяют одни и те же фразы. Правила у них такие: «нужно стучаться головой в стену, не переставая, и тогда стена разрушится».

Религия — это флаг. Д. В. Ольшанский отмечает, что Хомейни первым милитаризировал и терроризировал ислам. Для противостояния Западу был использован терроризм под маской ислама [4, с. 253]. Флаг религии или религиозная форма очень удобны для «переформатирования сознания», чтобы повести за собой в «Крестовые походы». Ее инструмент — «вера», привычные ритуалы, а научные доказательства не важны и не нужны.

Старая система ценностей, система личностных смыслов заменяется на новую не на основе логики, а на основе «веры» и «эмоционального заражения». Принятие доктрины террористов осуществляется без критического осмысления. Доктрина воспринимается на уровне абсолютной веры и человек «на основе веры» принимает искаженную картину мира.

Все, кто «критикует», задает вопросы, пытаясь понять на основе логики, а не

принимает «на веру», объявляются «врагами», к ним применяются санкции. Если «включено» сознание, если остался осмысленный взгляд на происходящее, вопросы неизбежно возникают, потому что при вовлечении в организацию многие вопросы закрыты, «замалчиваются», «лишняя» информация новичкам не предоставляется. Например, они пока не знают, что расплатятся с ними, возможно, «фальшивыми деньгами».

«Новобранец» делает отступление невозможным, когда берет ряд обязательств, когда жертвует свое имущество, вербует новых членов. Вербовка завершается при переходе жертвы к непосредственной деятельности в интересах организации. После решения конкретной практической задачи вербуемый становится полноценным членом экстремистской группировки. Символично, когда перед террористической операцией, в момент, когда смертники садятся в машину, двери машины завариваются [4, с. 188].

В результате «новобранец» оказывается в закрытой среде, в закрытой группе, выйти из которой сложно, с прекращенными прежними социальными связями, без достойной работы и с неоконченным образованием; с измененным, «переформатированным сознанием», с ощущением «поломанной судьбы», «поломанной жизни».

Заключение

Адепты-неофиты не могут самостоятельно принимать решения, брать ответственность за свои действия, за свою судьбу, возникает «выученная беспомощность». Покинуть организацию — означает потерять самоидентичность. Адепты теряют индивидуальность, индивидуальное сознание, имеют низкую самооценку. Они слились с группой, групповое мышление превалирует над индивидуальным, вследствие этого вероятен «Стокгольмский синдром» как психологическая зависимость от агрессора.

Заново переформатировать сознание невозможно, в психологическом плане это требует от личности «второго рождения». Поэтому появляются психологические последствия, называемые

¹ URL: <https://www.mk.ru/social/2018/10/30/sposoby-verbovki-terroristov-stanovyatsya-vse-izoshrennee-ot-gadaniy-do-igr.html>

«афганский синдром», «недовоевавшие» [4, с. 241—245].

Обобщая сказанное выше, следует отметить, что наличие указанных в исследовании виктимных качеств у детей и молодежи, способствует их вербовки в экстремистские организации. Все это должны учитывать не только представители

правоохранительных органов и спецслужб, но и те лица, на которых возложено законом воспитание детей, а также те, кто может оказаться рядом в силу социально-профессиональной деятельности. Знание виктимных качеств, predispositions и склонности детей, позволит выявить группу риска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багмет, А. М. Расследование преступлений, связанных с экстремисткой и террористической деятельностью: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» / А. М. Багмет, В. В. Бычков, М. Ю. Зеленков. — М. : Юнити-Дана, 2019.
2. Коченов, М. М. Судебно-психологическая экспертиза / М. М. Коченов. — М., 1977. — 57 с.
3. Кузьменко, Н. С. К вопросу о противодействии идеологии терроризма в Крыму / Н. С. Кузьменко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. — 2017. — № 1. — Том 3 (69). — С. 13—21.
4. Ольшанский, Д. В. Психология терроризма / Д. В. Ольшанский. — СПб. : Питер, 2002.
5. Петракова, А. С. Пределы манипуляции сознанием личности: социально-философский анализ : монография / А. С. Петракова. — Краснодар, 2012.

REFERENCES

1. Bagmet, A. M. Rassledovanie prestupleniy, svyazannykh s ekstremistkoy i terroristicheskoy deyatel'nostyu: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po napravleniyu podgotovki "Yurisprudentsiya" / A. M. Bagmet, V. V. Bychkov, M. Yu. Zelenkov. — M. : Yuniti-Dana, 2019.
2. Kochenov, M. M. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza / M. M. Kochenov. — M., 1977. — 57 s.
3. Kuzmenko, N. S. K voprosu o protivodeystvii ideologii terrorizma v Krymu / N. S. Kuzmenko // Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kulturologiya. — 2017. — № 1. — Tom 3 (69). — S. 13—21.
4. Olshanskiy, D. V. Psikhologiya terrorizma / D. V. Olshanskiy. — SPb. : Piter, 2002.
5. Petrakova, A. S. Predely manipulyatsii soznaniem lichnosti: sotsialno-filosofskiy analiz : monografiya / A. S. Petrakova. — Krasnodar, 2012.

ИЛЬЮК Елена Вадимовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых и гуманитарных дисциплин, Екатеринбургский филиал Московской академии Следственного факультета России.
E-mail: Elena.ilyuk@mail.ru.

Илюк Е. В.

YOUTH AS A RISK GROUP AND BASIC MANIPULATION TECHNIQUES WHEN INVOLVING IN EXTREMIST ORGANIZATIONS

In the course of information wars, the main emphasis is on the impact on young people - the future of Russia. Young people are at risk when they are involved due to the lack of personality, Self-concept, system of value orientations, clip thinking, unresolved social and material issues. Selected young people with reduced self-esteem, "under-loved", alone. Apply such techniques as a "bombardment of love", "balance of services", technology based on neuro-linguistic programming (maintenance, anchoring, thought-viruses). As a result, a new personality is formed with "tunnel thinking", black-and-white perception of reality. The "indoctrination" of the personality is carried out.

Keywords: information warfare, mind control, group risk, victimization quality, the recruitment into extremist organizations, tunnel vision, video thinking.

ILYUK Elena Vadimovna — Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Humanitarian Disciplines, Yekaterinburg Branch of the Moscow Academy of the Investigative Department of Russia.
E-mail: Elena.ilyuk@mail.ru.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.05.2019.

Майоров А. В.
Яременко Н. Е.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МОШЕННИЧЕСТВА

Актуальность рассматриваемой темы связан с увеличением фактов совершения мошенничества (ст. 159 УК РФ), а также с появлением новых форм и способов его совершения. Преступники изучают виктимные качества потенциальных жертв для совершения преступления в сфере мошенничества. В данной статье авторы постарались раскрыть основные личностные качества жертв разных видов указанного противоправного деяния, а также сформулировать направления совершенствования системы мер, позволяющих минимизировать степень их виктимизации.

Ключевые слова: мошенничество, виктимологическая характеристика, виктимологическая профилактика, жертва мошенничества.

Введение

Преступления против собственности на сегодняшний день составляют 50 процентов от всех преступлений, находясь на достаточно высоком уровне. Тенденции к дальнейшему росту имеет среди них мошенничество, то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Данное определение легально регламентируется законодателем в диспозиции части 1 статьи 159 Уголовного кодекса РФ¹. Следует отметить, что с учетом развития общества в информационной сфере, помимо таких традиционных видов мошенничества, как, например, уличное, бытовое, с недвижимостью, появляются новые — с использованием средств связи, интернета, банковских и платёжных карт, совершаемые дистанционно, то есть преступники проявляют «изобретательность», постоянно придумывая всё больше видов данного противоправного деяния. Это подтверждается и расширением составов мошенничества в уголовном законодательстве России.

Описание исследования

Мошенничество направлено на получение материальной выгоды путем обмана потерпевшего или злоупотребления его доверием. Ключевым в мошенничестве является то, что потерпевший самостоятельно принимает решение о передаче своего имущества и права на него. Для того, чтобы преступление было доведено до конца, в большинстве случаев мошеннику необходимо установить контакт с потенциальной жертвой, войти в доверие, даже стать «другом». Следовательно, личность потерпевшего, его характер, моральные и нравственные ценности, психика, жизненная позиция, играют большую роль в механизме преступного и виктимного поведения.

Справедливо высказывание автора о том, что «особый интерес для своевременного распознавания и предупреждения мошенничества, а также для его раскрытия и расследования представляет потерпевший от преступления» [2, с. 388]. По типу жертвы мошенничества можно составить портрет преступника, что будет способствовать скорейшему изобличению виновного.

Разновидностей мошенничества, способов его совершения существует множество, начиная от предоставления

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ. Сборник законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ч. 1 ст. 159.

«несуществующих» услуг, заканчивая махинациями с использованием современных технологий и средств связи. Ввиду того, что указанные преступления совершаются путём обмана либо злоупотребления доверием, преступник, избрав определённый тип противоправного поведения, изучает психологический портрет своих будущих жертв. Способы контакта с потенциальной жертвой могут быть различные, как визуальный непосредственный контакт, так и дистанционный — с помощью средств связи или же сети интернет.

Несмотря на существующее множество агитационной виктимологической продукции, содержащей призывы к тому, чтобы были более предусмотрительными и внимательными, не доверяли сомнительным лицам — рост числа жертв мошенничества фиксируется официальной статистикой. При этом большая часть обманутых жертв мошенничества остаются в зоне латентности, не заявляя о факте преступления, полагая что сами виноваты в своей доверчивости и безграмотности.

Ученые-виктимологи, разрабатывая рекомендации о том, как не стать жертвой мошенника и выделяя категории наиболее склонных к виктимизации лиц, указывают на субъективные свойства их личности.

Так, например, опираясь на данные официальной правовой статистики и мнения специалистов, И. И. Пушмин в исследовании «Детерминанты виктимизации жертв мошенничества» утверждает, что «представляется возможным выделить следующие нравственно-психологические свойства личности, способствующие её повышенной виктимности применительно к мошенничеству:

- корыстолюбие, склонность к риску;
- чрезмерная доверчивость;
- неkritичность, суеверность, внушаемость;
- правовое и экономическое невежество» [3, с. 71—72].

Н. В. Славская также обоснованно считает, что «потерпевшим от мошенничества присуща повышенная уязвимость, связанная, во-первых, с присущим данной категории лиц корыстолюбием,

во-вторых, правовым невежеством. Мошенники, как правило, воздействуют на интеллектуальную сферу жертвы, тем самым манипулируя ею» [4, с. 17]. Из изложенного следует, что профессиональные мошенники являются неплохими специалистами в области психологии, поскольку при совершении преступления они чаще всего воздействуют на эмоциональную сторону своей жертвы. Чтобы человека было легче обмануть, необходимо войти к нему в доверие, а для этого требуются хотя бы базовые познания психологии.

Указанные выше свойства личности — жертвы мошенничества могут быть присущи среднестатистическому населению нашей страны, как мужчинам, так и женщинам, в возрасте от 25 до 45 лет. Одна опубликованные данные свидетельствуют и о том, что среди жертв мошенничества большую часть составляют дети (подростки) и лица пожилого возраста, что подтверждается и проводимыми виктимологическими исследованиями [1; 2].

Например, пожилые люди, в силу своего возраста и «доверчивости», чаще всего становятся жертвами «социальных служб», «целителей», обещающих «излечить от всех болезней», телефонных аферистов, которые сообщают о том, что «их родственник попал в ДТП, и чтобы откупиться, требуется заплатить большие деньги». В таких ситуациях пожилые люди, как свидетельствует практика, ввиду отсутствия хорошего слуха, быстрой реакции, мнительности и наличия излишней доверчивости, передают требуемую сумму преступникам-мошенникам.

Так В. А. Машлякевич особое внимание уделяет личности потерпевшего от мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи, и на основании проведённых исследований, представляет «два типа личности таких потерпевших:

— одинокая женщина, пенсионер, старше 60 лет, имеющая общее среднее образование, доверчивая, имеющая развитое чувство сопереживания, поддерживающая отношения с родственниками и желающая прийти к ним на помощь в любой момент;

— замужняя женщина, трудоустроенная, в возрасте от 20 до 50 лет, имеющая

высшее (реже среднее специальное) образование, не способная хладнокровно мыслить, доверчивая» [1, с. 118]. Автор верно указывает, что «телефонное мошенничество является одним из преступлений, в котором применяется психологическое воздействие, именуемое в психологии как манипулирование сознанием и поведением человека» [2, с. 119].

Дети становятся мишенью номер два для мошенников. Сегодня каждый подросток пользуется как мобильным телефоном, так и безналичной формой расчета (банки предоставляют специальные предложения по пользованию банковскими картами детьми), при этом много времени подростки проводят в социальных сетях и на различных сайтах, пытаясь «заработать» при минимальном вложении или играя в электронный лотереи.

Не стоит забывать и о том, что любому виду совершаемого мошенничества, как правило, соответствует определенный тип жертв, однородных по возрасту, семейному положению, уровню образования, образу жизни, эмоциональности, восприимчивости. Полагаем, что рассматриваемый вид преступления является исключением из этих «виктимологических правил». С учетом специфики совершаемого преступления, способов его совершения, а также сфер преступной активности могут стать жертвами мошенничества различные типы потенциальных жертв.

Характеризуя портрет жертвы мошенничества в общих чертах, можно отметить, что 1) могут стать жертвой как мужчина, так и женщина; 2) возрастной критерий жертвы может быть любой, главное для преступника-мошенника, это чтобы потенциальная жертва имела имущество и могло распоряжаться им; 3) образование и социальное положение могут быть различными по уровню и степени, все зависит от сферы совершаемого мошенничества и от «криминального профессионализма» преступника-мошенника; 4) семейное положение не играет большой роли во многих видах мошенничества; 5) трудовая занятость, сфера экономической деятельности и объем имеющихся средств (стоимость и вид имущества) оказывают существенное значение на вид совершаемого мошенничества;

6) правовая просвещенность или наоборот безграмотность могут повлиять на уровень виктимности потенциальной жертвы мошенничества; 7) психофизические свойства личности также влияют на степень виктимности. Стоит отметить, что это лишь часть признаков характеризующих личность потенциальной жертвы мошенничества.

Н. В. Сплавская справедливо уверена в том, что, «выбирая методы виктимологической профилактики, необходимо оценивать личность (или группу) с точки зрения её возможной виктимизации, личностных качеств, которые могут обусловить её виктимность, внешних факторов, влияющих на данную личность, характер мошенничества, от которого она может пострадать» [6, с. 23—24].

Стоит всегда помнить, что выбирая потенциальную жертву, преступники-мошенники изучают как объективные признаки (внешние) — пол, возраст, образование, так и субъективные (внутренние характеристики) — психическая устойчивость, чувствительность, доверчивость, мнительность, способность прийти на помощь, алчность, сострадание, милосердие, желание обогатиться. Люди, в большой степени страдающие больным детям, животным, иным нуждающимся, становятся лёгкой «мишенью» различного рода размещений, «благотворительных акций» в интернете, общественных местах о том, что, например, «больному ребенку требуется срочное дорогостоящее лечение за границей» и т. д.

В вопросе профилактики мошенничества уместна поговорка «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих». Только личная заинтересованность граждан в решении проблем собственной криминологической безопасности, основанная на присущем всем людям инстинкте самосохранения и стремлении к самозащите, в сочетании с рациональным планированием виктимологической превенции преступности может стать существенной преградой распространению мошенничества в Российской Федерации.

Заключение

Таким образом, с учетом изложенного, видится необходимым проведение

систематизированной виктимологической профилактики с населением, при этом учитывая факторы риска, которые присущи определённым группам людей (пол, возраст, уровень образования, излишняя доверчивость и т. д.). Считаем, что виктимологическую профилактику для пенсионеров, инвалидов, алкоголиков, наркозависимых, малоимущих, могут осуществлять специально уполномоченные органы социальной защиты. Для этого, сотрудникам данных органов необходимо пройти курсы по виктимологической профилактики и в дальнейшем регулярно посещать вышеуказанных лиц с целью проведения профилактирующих бесед, лекций. Курсы по виктимологической профилактике, в том числе мошенничества необходимо внедрять также в школы и высшие учебные заведения.

Полагаем, что эффективнее всего может стать социальная реклама по

телевидению, в сети Интернет и в социальных сетях о способах совершения мошенничества и способов эффективной защиты от него. Информация, преподносимая такими методами, может запомниться лучше и оказаться для многих полезнее и эффективнее, чем чтение лекций.

Руководителям отдельных предприятий и организаций, чья деятельность связана с экономическими операциями, так же стоит задуматься о проведении такого рода виктимологических просвещений о недопущении виктимного поведения.

Не стоит забывать и о правовом просвещении граждан, ввиду того, что часто причиной совершения в отношении человека мошенничества, является правовая безграмотность, выражающаяся в абсолютном незнании российского законодательства, а также способах защиты своих прав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кабанов, П. А. Жертвы российской преступности: геронтологический аспект (криминологический анализ виктимологической статистики за 2014—2015 гг.) / П. А. Кабанов // Виктимология. — 2016. — № 1. — С. 9—16.
2. Кабанов, П. А. Несовершеннолетние жертвы современной российской преступности: статистико-виктимологическое измерение (2009—2015 гг.) / П. А. Кабанов // Виктимология. — 2016. — № 7. — С. 7—23.
3. Машлякевич, В. А. Личность потерпевшего как неотъемлемая составляющая криминалистической характеристики мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи / В. А. Машлякевич // Барнаульский юридический институт МВД России. — 2013. — № 11-1. — С. 118—119.
4. Никулин, Д. В. Жертвы мошенничества / Д. В. Никулин // Аллея науки. — 2018. — № 1 (17). — С. 387—393.
5. Пушмин, И. И. Детерминанты виктимизации жертв мошенничества / И. И. Пушмин // Научный форум: юриспруденция, история, социология, политология и философия : сборник статей по материалам XVII международной научно-практической конференции. — 2018. — № 4.
6. Сплавская, Н. В. Взаимодействие жертвы и преступника в процессе совершения мошенничества / Н. В. Сплавская // Государство и право в XXI веке. — 2017. — № 3.
7. Сплавская, Н. В. Виктимологическая защита и помощь жертвам мошенничества / Н. В. Сплавская // Государство и право в XXI веке. — 2017. — № 4.

REFERENCES

1. Kabanov, P. A. Zhertyy rossiyskoy prestupnosti: gerontologicheskii aspekt (kriminologicheskii analiz viktinologicheskoy statistiki za 2014—2015 gg.) / P. A. Kabanov // Viktimologiya. — 2016. — № 1. — S. 9—16.
2. Kabanov, P. A. Nesovershennoletnie zhertyy sovremennoy rossiyskoy prestupnosti: statistiko-viktinologicheskoe izmerenie (2009—2015 gg.) / P. A. Kabanov // Viktimologiya. — 2016. — № 7. — S. 7—23.
3. Mashlyakevich, V. A. Lichnost poterpevshego kak neotemlemaya sostavlyayushchaya kriminalisticheskoy kharakteristiki moshennichestv, sovershaemykh s ispolzovaniem sredstv

telefonnoy svyazi / V. A. Mashlyakevich // Barnaulskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii. — 2013. — № 11-1. — S. 118—119.

4. Nikulin, D. V. Zhertvy moshennichestva / D. V. Nikulin // Alleya nauki. — 2018. — № 1 (17). — S. 387—393.

5. Pushmin, I. I. Determinanty viktimizatsii zhertv moshennichestva / I. I. Pushmin // Nauchnyy forum: yurisprudentsiya, istoriya, sotsiologiya, politologiya i filosofiya : sbornik statey po materialam XVII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. — 2018. — № 4.

6. Splavskaya, N. V. Vzaimodeystvie zhertvy i prestupnika v protsesse soversheniya moshennichestva / N. V. Splavskaya // Gosudarstvo i pravo v XXI veke. — 2017. — № 3.

7. Splavskaya, N. V. Viktimologicheskaya zashchita i pomoshch zhertvam moshennichestva / N. V. Splavskaya // Gosudarstvo i pravo v XXI veke. — 2017. — № 4.

МАЙОРОВ Андрей Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности. Институт права, Челябинский государственный университет, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129; доцент кафедры уголовного права, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург.
E-mail: ab_majorov@mail.ru.

ЯРЕМЕНКО Наталья Евгеньевна — магистрант кафедры Прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности, Институт права, Челябинский государственный университет, 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129.
E-mail: jaremenko.natasha2015@yandex.ru.

Mayorov A. V.,
Yaremenko N. E.

VICTIMOLOGICAL ASPECT OF FRAUD

The relevance of the topic is associated with an increase in the facts of fraud (st. 159 of the Criminal code), as well as the emergence of new forms and methods of its Commission. Criminals study the victim qualities of potential victims to commit a crime of fraud. In this article, the authors have tried to reveal the basic personal qualities of victims of different types of this illegal act, as well as to formulate ways to improve the system of measures to minimize the degree of victimization.

Key words: fraud, crime victim characteristics, victim prevention, victim of fraud.

MAYOROV Andrey Vladimirovich — Candidate of Law, associate Professor, head of the Department of prosecutorial supervision and organization of law enforcement, Institute of Law, Chelyabinsk State University, 129, st. Brothers Kashirin, 454001, Chelyabinsk; associate Professor of criminal law, Ural State Law University, Ekaterinburg. E-mail: ab_majorov@mail.ru.

YARYEMYENKO Natalya Yevgenevna — master's student of the Department of Prosecutorial supervision and organization of law enforcement, Institute of law, Chelyabinsk state University, 454001, Chelyabinsk, ul. Brothers Kashirin, d. 129. E-mail: jaremenko.natasha2015@yandex.ru.

Дата поступления статьи в редакцию: 24.04.2019.

Семенов В. Р.

НЕЗАКОННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЕ АЗАРТНЫХ ИГР: ИНОСТРАННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Статья посвящена правовой регламентации общественных отношений в сфере организации и проведения азартных игр. Статистика свидетельствует, что число преступлений данной категории с каждым годом неуклонно растет. Азартные игры в современном мире давно приобрели не только развлекательный характер. Первой проблемой является влияние азартных игр на здоровье и общественную нравственность населения. В исторической динамике представлены виды и основания ответственности за проведение азартных игр. Проанализировано понимание азартных игр в источниках права в зарубежных странах в разный исторический период.

Ключевые слова: преступление, уголовная ответственность, источники права, азартные игры, уголовный закон.

Введение

Известно, что люди подвластны порокам в своей жизни. К наиболее пагубным сторонам человеческой жизни относится алкоголизм, наркомания, токсикомания, а также азартные игры. В виду своей легкодоступности, игорный бизнес набирает все большую популярность. Тяжело запретить людям играть, ведь азарт у человека в крови. В век информационных технологий, с помощью которых доступ к азартным играм становится намного проще, необходимостью является регулирование данной сферы, учитывая интересы всего государства и общества в целом. Отсутствие должного контроля переведет игорный бизнес в теневой сектор экономики. Федеральным законодательством в 2006 году установлены пять игорных зон на территории которых, разрешено проведение азартных игр. Но все же игорные заведения за пределами игорных зон продолжают активно развиваться, подпитывая привязанность граждан к этому «хобби».

Описание исследования

Статистика свидетельствует, что число преступлений данной категории

с каждым годом неуклонно растет, так начиная, с 2012 года количество преступлений возросло более чем на 1 % ежегодно [5].

Неконтролируемая сфера игорного бизнеса способна порождать иные преступления в сфере экономики. Азартные игры в современном мире давно приобрели не только развлекательный характер. Первой проблемой является влияние азартных игр на здоровье и общественную нравственность населения. Психология человека в данном случае зачастую приводит к зависимости от азартных игр, в силу которой, зачастую они готовы идти на различные преступления с целью получения денег на игру. Как злоупотребление наркотическими средствами часто является основной причиной совершения многих преступлений [1], так и игроманы могут подделывать документы, использовать деньги из семейного бюджета, воровать и так далее, то есть действовать подобно лицам, зависимым от наркотических средств.

Это не может оставаться без внимания органов власти, поскольку при расследовании тех или иных преступлений обязательно изучаются и условия,

способствующие совершению преступления для их дальнейшего устранения, а значит и снижения уровня преступности в целом. Современные реалии в экономической сфере России требуют улучшения нормативно-правового регулирования игорного бизнеса, а также усиление уголовно-правовых мер в отношении лиц, осуществляющих его незаконно. Этим всем и обуславливается актуальность темы на данный период современного развития общества и государства.

В 1980 году патологическое пристрастие к азартным играм было признано психиатрическим расстройством [4]. При этом в психике человека происходит когнитивное искажение, иллюзия контролируемого выигрыша, что порождает собой ощущение всемогущества, которое и даёт выигрыш. Дополнительной стимуляцией является наблюдение за выигрышем других игроков [2]. При прогрессировании расстройства происходит деградация личности. Главной целью и мотивом в жизни становится азартная игра. Данные последствия являются угрозой для общества в целом.

Азартные игры базируются на успехе и везении самого участника. Многие великие ученые древности такие, как Галилео Галилейи Джероламо Кардан, пытались найти закономерную связь выигрышей в игре. Но сделать это удалось только Блезу Паскалю и Пьеру Ферма, на примерах бросания костей, открыв «теорию вероятности».

Но не всегда люди играли, ради приза либо денег, иногда цель игры была совсем иной. Так, например, в Персии, которая располагалась на территории современного Ирака, как и в Древней Руси была очень популярна игра в кости, играя в которую Персидская царица Парисатида отомстила за смерть своего сына. В это время правил в Персии царь Артаксеркс, его брат Кир, хотел захватить власть и пошел войной на брата, но попытка оказалась не удачной. Кир был повержен и казнен. Парисатида, решила отомстить старшему сыну за смерть младшего, придумав хитрый план. Она предложила Артаксерксу сыграть с ней в кости, хотя и играла в них отлично, она поддалась ему, чтобы он, чувствуя преимущество

начал играть на более высокие ставки. Парисатида предложила поставить на кон евнухов и Артаксеркс согласился. В качестве ставки царя выступал евнух, который казнил Кира. Парисатида выиграла партию в кости, забрала свой выигрыш и безжалостно с ним расправилась, таким образом, воплотила в жизнь свой коварный план.

Египтяне были такими же яркими любителями азартных игр, не меньше чем персы. Азартные игры были обыденностью для древних египтян. Для наибольшей части игр, в которые они играли, необходимы были игральная доска и два кубика. Приспособления для игр изготавливались из различных материалов, таких как дерево, кость, бронза, серебро. Игроки поочередно бросали кубики и по результатам бросков, передвигали свои фишки на доске. Победителем признавался игрок, который первым переместил значение своей фишки на другой конец поля. Популярны были не только кости, но и такая игра как «Четные-нечетные», а также игры на угадывание, правила которых были очень просты: игроку нужно было угадать, сколько пальцев показывает за спиной другой игрок или, например, сколько он зажал в руке каких-то предметов.

Ограничения на счет проведения запрещенных азартных игр и участия в них снимались во время проведения национальных праздников. Разрешенными играми были спортивные состязания, например, гладиаторские бои, гонки на колесницах.

В Древней Греции в V в. до н. э. впервые были сформулированы правила тотализатора, путем ставок на гладиаторские бои, а в IV в. до н. э. была придумана игра, ставшая прототипом современному бильярду. Но было и другое большое множество популярных игр, в которых нужно было что-то угадывать, например, сколько орешков за спиной держит второй игрок, либо какая сторона монеты выпадет в результате броска. Бросали не только монеты или кости, но также и ракушки.

В XI веке в Западной Европе появилась игра «Крестики-нолики», которая тоже считалась азартной и является прототипом современного тотализатора.

В Древней Индии, как и в других странах азартные игры обосновались уже совсем давно. Индийские правители так забавлялись азартными играми, что не редко проигрывали все свое имущество. В этой истории говорится о том, что среди членов царской семьи шла борьба за трон.

Многие народы мира славились своей любовью к азарту, однако ни одному народу не удалось в страсти к азартным играм затмить китайскую нацию. В VII веке китайцы модифицировали всем известную игру в кости и сотворили домино.

В Англии различные слои общества были подвластны азарту, даже священники и епископы увлекались азартными играми. В 1188 году английский правитель Генрих II запретил крестоносцам играть в кости. Напротив, во время правления Людовика Святого во Франции для выделки костей существовали особые мастерские и довольно многочисленный класс ремесленников. В XIV веке в Англии был принят закон, запрещающий на Рождество играть в азартные игры.

Во Франции с 1583 года карты облагаются налогом на роскошь. Владельцы карт обязаны были уплачивать гербовый сбор с каждой колоды карт. Штемпель об уплате ставился на туза. Особые требования устанавливались и к их продаже, распространять их можно было только в закрытых конвертах. Но французское законодательство не всегда относилось положительно к азартным играм, так уже в XVII веке их запретили. Хозяина дома, в котором тайно продолжали играть, признавались государством лишенными гражданских прав и изгонялись из города. Законом не признавались карточные долги и обязательства, также родители могли вернуть имущество, которое было проиграно их детьми. В дальнейшем запреты на азартные игры стали жестче: выигравший обязан был не только вернуть деньги, но и заплатить штраф размером в 3 тысяч ливров или понести наказание в виде тюремного заключения. В XVIII веке во Франции жил всем известный Джакомо Казанова, знаменитый своими любовными похождениями. Но мало кому известно,

что Джакомо Казанова увлекался азартными играми. Казанова играл на протяжении всей своей жизни, проигрывая и выигрывая, большие суммы денег. Один из самых интересных эпизодов его жизни случился во время правления Франциска I, который с 1520 по 1539 год разрешил проведение частных и общественных лотерей.

Авантюрист Джакомо Казанова добился права стать распорядителем первой государственной лотереи, а также придумал удачную «рекламную уловку», чтобы побудить граждан на участие в лотерее, он объявил, что двадцать четыре часа после тиража будет возвращать деньги за невыигрышные билеты. Интрига была успешной, а общая выручка составила два миллиона франков, из которых корона получила лишь шестьсот тысяч.

После этой истории Казанова всегда носил лотерейные билеты в карманах, и подкупал ими чиновников и вельмож. Скандалы, то и дело вспыхивающие по поводу его походов. Позже его начали называть «Господином директором Бюро лотереи Королевской военной Школы».

Уже в 1791 году для содержателей притонов и даже для соседей или жильцов, которые сообщат, что в доме проводятся карточные игры были применены строгие меры ответственности. И вновь отношение правительства к азартным играм поменялось, до 1839 года в больших городах Франции продолжали действовать привилегированные игорные дома. Их выручка составляла около 20 миллионов франков ежегодно, но в 1839 году были закрыты и они. Французское законодательство запрещало азартные игры в публичных местах. Виновные наказывались штрафом, а принадлежности и приспособления для игр изымались.

Игорные дома запрещалось открывать также и в Германии. Профессиональные картежники могли быть оштрафованы на сумму до 6 тысяч марок или заключены в тюрьму сроком на два года. Иностранцы, державшие банк, высылались из страны.

Как когда-то карты затмили собой игру в кости, и им пришла смена в виде лотерей. Лотереи появились в Римской

Империи и служили методом разделения подарков между людьми, по справедливости. В Европе лотереи распространились уже в XV веке и изначально служили способом избавления от дорогих товаров, которые никто не покупал. Также лотереи применялись для того чтобы избавиться от нераспроданных товаров. Первая английская лотерея была проведена в 1569 году во времена правления королевы Елизаветы и в ней разыгрывалась серебряная посуда, gobelены и деньги. А вот в Ирландии первые лотереи появились лишь в 1930 году.

После распада СССР, в 1992 году на территории Киева было открыто казино «Сплит». А в Таджикистане дебютное казино было открыто только лишь в 1999 году.

В Литве игорный бизнес долгий период времени находился на нелегальном

положении в обществе. Но несмотря на существование подпольных игровых залов, первое казино было открыто в центре Вильнюса лишь 1 июля 2000 года совместным литовско-польским предприятием «Казино планет» [3].

Заключение

Подводя итог сделанного исторического анализа, хочется сделать вывод о том, что во всем мире на протяжении истории человечества существовали различные виды азартных игр. Первым известным законом об играх — *Lex aleatoria* — выигранное имущество приобретало статус имущества полученного в результате сделки. Правительства различных стран на всем протяжении истории различно относились к проведению азартных игр и лотерей, то разрешая их, то запрещая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранчикова, М. В. Тенденции развития современного антинаркотического законодательства / М. В. Баранчикова, М. Д. Савостикова // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. — 2014. — № 1 (2). — С. 48—52.
2. Даулинг, С. Психология и лечение зависимого поведения / С. Даулинг. — М. : Независимая фирма «Класс». — 2011. — 151 с.
3. Ковтун, Е. Азарт в Стране Советов : в 3 т. Т. 1. Азартные игры. — М., 2012.
4. Серикова, Г. Н. Игорный бизнес в России: проблемы и перспективы / Г. Н. Серикова, А. Л. Сериков // Известия ТПУ. — 2013. — № 6.
5. Статистические сведения о преступлениях, предусмотренных ст. 171.2 УК РФ в разрезе субъектов Российской Федерации // ФКУ «ГИАЦ МВД России». — URL: <http://mvd.ru> (дата обращения: 01.06.2019).

REFERENCES

1. Baranchikova, M. V. Tendentsii razvitiya sovremennogo antinarkoticheskogo zakonodatelstva / M. V. Baranchikova, M. D. Savostikova // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii. — 2014. — № 1 (2). — S. 48—52.
2. Dauling, S. Psikhologiya i lechenie zavisimogo povedeniya / S. Dauling. — M. : Nezavisimaya firma "Klass". — 2011. — 151 s.
3. Kovtun, Ye. Azart v Strane Sovetov : v 3 t. T. 1. Azartnye igry. — M., 2012.
4. Serikova, G. N. Igornyy biznes v Rossii: problemy i perspektivy / G. N. Serikova, A. L. Serikov // Izvestiya TPU. — 2013. — № 6.
5. Statisticheskie svedeniya o prestupleniyakh, predusmotrennykh st. 171.2 UK RF v razreze subektov Rossiyskoy Federatsii // FKU «GIATs MVD Rossii». — URL: <http://mvd.ru> (data obrashcheniya: 01.06.2019).

СЕМЕНОВ Владимир Ремович — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии. Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.
E-mail: wladirom@yandex.ru.

Semenov V. R.

ILLEGAL ORGANIZATION AND CONDUCT OF GAMBLING: FOREIGN HISTORICAL EXPERIENCE.

The article is devoted to the legal regulation of public relations in the field of organization and conduct of gambling. Statistics show that the number of crimes in this category is steadily growing every year. Gambling in the modern world has long been acquired not only entertainment. The first problem is the impact of gambling on the health and public morality of the population. The historical dynamics presents the types and grounds of responsibility for gambling. The understanding of gambling on the sources of law in different countries is analyzed.

Keywords: *crime, criminal liability, sources of law, gambling, criminal law.*

SEMENOV Vladimir Removich — candidate of jurisprudence. Lecturer of the chair of Criminal Law, Criminology and Psychology. Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 302027, Orel, Ignatovstreet, 2.
E-mail: wladirom@yandex.ru.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.07.2019.

Тесленко Е. С.
Осипенко С. А.

ИЗУЧЕНИЕ И АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ПОКАЗАТЕЛЬ ПРЕСТУПНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В современном мире наряду материальным, кадровым и интеллектуальным ресурсом важнейшим стратегическим ресурсом стала информация, а умение с ней работать (анализ, синтез, прогноз) является ценнейшим качеством специалиста. Полагаем, что правоохранительные органы должны владеть пониманием основных факторов, влияющих на показатель преступности на обслуживаемой территории. В статье рассматриваются отдельные факторы, которые влияют на состояние преступности на примере Челябинской области. Авторами изучены 7 отдельных факторов, проведен анализ данных статистики с 2010 по 2018 годы и сформулированы основные выводы следуя эконометрическим моделям с составлением прогноза показателей преступности в Челябинской области на 2019 год.

Ключевые слова: информационно-аналитическая работа, профилактика преступлений, показатель преступности, регрессивный анализ, эконометрика.

Информационно-аналитическое обеспечение правоохранительной деятельности полиции России на сегодняшний момент занимает не последнее место в структуре штабного (руководящего) и криминологического (в части профилактики и прогнозирования преступных проявлений) обеспечения.

Для организации успешной борьбы с преступностью необходимо понимать прежде всего факторы, влияющие на ее показатели и предвидеть наступление общественно-опасных последствий как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективах. Одним из инструментов информационно-аналитической работы в части рассматриваемого вопроса является правовая статистическая информация и обработка показателей преступности с применением дифференциального подхода.

В современном мире наряду материальным, кадровым и интеллектуальным ресурсом важнейшим стратегическим

ресурсом стала информация, а умение с ней работать (анализ, синтез, прогноз) является ценнейшим качеством специалиста.

Поэтому для выработки и принятия обоснованных управленческих решений, которые будут направлены на борьбу с преступными проявлениями, а также профилактику преступности, правоохранительные органы должны владеть пониманием основных факторов, влияющих на показатель преступности на обслуживаемой территории.

Такой подход позволяет правильно оценивать ситуацию при обработке статистических данных и соответственно понимать процессы и явления, влияющие на показатели преступности. Однако, следует признать, что обеспечение правоохранительных органов основанной и значимой информацией о закономерностях, состояниях, тенденциях и прогнозах состояния и развития преступных проявлений на обслуживаемой территории

возможно только лишь при организации оптимального и адекватного информационно-аналитического обеспечения деятельности территориальных правоохранительных органов.

Введение

Индекс преступлений (Crime Index for Country) измеряется в соответствии с законодательством страны, в которой произошел инцидент. В 2019 году Российская Федерация по уровню преступности занимает 53 место в мире. Согласно этому рейтингу Россия получила 41,93 балла. В 2019 году в рейтинге CICS было оценено 118 стран [3].

Описание исследования

Российская Федерация, как и другие страны, ведет строгий учет статистических данных о совершенных на ее территории преступлениях, в том числе в разрезе отдельных подкатегорий. Авторами проанализированы различные источники статистических данных о совершенных преступлениях в период с 2010 по 2018 годы.

Динамика зарегистрированных преступлений, представленных на рис. 1, показывает, что пик преступности наблюдается в 2010 и 2015 годах, с 2011 по 2014 годы наблюдается тенденция к снижению, как и с 2016 по 2018 годы [4].

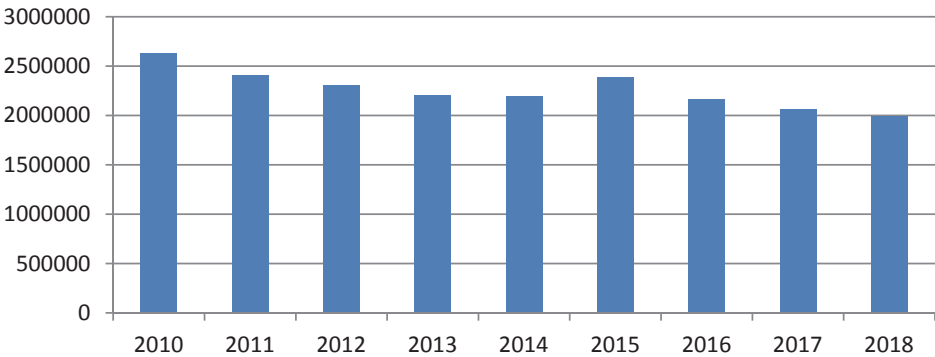

Рис. 1. Общее количество преступлений, совершенных на территории Российской Федерации в период с 2010 по 2018 гг.

Таблица 1

Удельный вес количества преступлений, совершенных на территории Челябинской области, от общего числа преступлений

Период	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Всего по РФ	2628799	2404807	2302168	2206249	2190578	2388476	2160063	2058476	1991532
В Челябинской области	84258	77053	70557	67693	62708	70602	64576	68213	64862
Удельный вес (%)	3,21	3,20	3,06	3,07	2,86	2,96	2,99	3,31	3,26

Преступность — это один из важных вопросов, который обсуждается в мировом сообществе, как направление социально-правовых исследований, причем преступность к сожалению, еще ни разу не исключалась из повестки дня.

Немаловажное значение в общей картине представленных данных имеет на наш взгляд и регион со своими социально-экономическими, географическими и правовыми характеристиками, а также некоторыми факторами, влияющими

на такой показатель как преступность. Челябинская область по количеству преступлений имеет удельный вес от числа преступлений, совершенных на территории России, в среднем 3%, что можно увидеть по данным, отраженным в табл. 1.

Изменение числа совершенных каждый год преступлений зависит от числа влияющих на него факторов. Определим набор факторов, которые, на наш взгляд, могут оказывать влияние на количество совершенных преступлений, из официальных данных представленных статистикой Росстата.

Набор этих факторов может быть достаточно широким, однако для большей объективности следует включать только данные «больших» цифр.

Предположим, что таковыми факторами являются:

- 1) количество официально зарегистрированных безработных в Челябинской обл. (показатель измеряется в тысячах человек) — X_1 ;
- 2) средняя величина заработной платы в Челябинской обл. (показатель измеряется в рублях) — X_2 ;
- 3) численность населения Челябинской области (показатель измеряется в тысячах человек) — X_3 ;
- 4) прожиточный минимум в среднем на душу населения Челябинской области (показатель измеряется в рублях) — X_4 ;
- 5) денежные доходы населения Челябинской обл. (показатель измеряется в миллионах рублей) — X_5 ;
- 6) численность мужского населения Челябинской обл. (показатель измеряется в единицах человек) — X_6 ;
- 7) численность женского населения Челябинской обл. (показатель измеряется в единицах человек) — X_7 .

Для изучения влияния указанных факторов на показатель преступности в Челябинской области следует применить методы математических (эконометрических) и статистических расчетов [2]. Методы эконометрических исследований позволяют нам проанализировать данные, выявить сопутствующие факторы и спрогнозировать уровень преступности

при имеющихся устойчивых показателях и их тенденции.

При проведении расчетов следует иметь в виду, что анализ и моделирование тенденции временного ряда целесообразно начинать с выявления наличия тенденции в целом.

Для этой цели применим кумулятивный Т-критерий, который показывает прежде всего наличие математического выражения данных, так называемого тренда.

Расчет позволяет сделать следующий вывод: так как $T_p(5,04) > T_{кр}(0,05; n=9; T_{кр}=4,07)$, то гипотеза об отсутствии тенденции отвергается. Следовательно, в ряду динамики преступности Челябинской области рассматриваемая тенденция существует.

Применяя «метод Ирвина» мы доказали, что анализируемые данные по Челябинской области, аномальных значений не содержат, так как для $n=9$ пороговое значение критерия Ирвина не превышает $\lambda_{кр}=1,5$.

Для выявления зависимости между количеством преступлений по Челябинской области и предполагаемыми факторами их совершения, мы воспользуемся эконометрическим многофакторным регрессионным анализом [1; 5].

Не перегружая публикацию значительным количеством таблиц, укажем основные выводы проведенной работы. Так при исследовании данных, из матрицы были исключены несущественные факторы такие как X_1 (количество официально зарегистрированных безработных в Челябинской области), X_3 (численность населения Челябинской области) и X_4 (прожиточный минимум в среднем на душу населения Челябинской области) как незначимые по критерию t-Стьюдента.

Частные F-критерии X_1 , X_3 и X_4 меньше табличного F-критерия показателем 4,3027, поэтому их нецелесообразно включать в изучаемую модель. Указанный F-критерий у данных факторов равен $F_{x_1}=3,88$, $F_{x_3}=3,28$ и $F_{x_4}=0,702$.

При этом уравнение множественной регрессии принимает вид:

$$Y = 1029766,615 - 1,789358587x_2 + 8,352356782x_5 - 6,76110706x_6 + 5,192623483x_7 \quad (1)$$

Параметры полученной модели (1) означают:

- увеличение X_2 на 1 ед. изм. приводит к уменьшению Y в среднем на 1,789 ед. изм.;
- увеличение X_5 на 1 ед. изм. приводит к увеличению Y в среднем на 8,352 ед. изм.;
- увеличение X_6 на 1 ед. изм. приводит к уменьшению Y в среднем на 6,761 ед. изм.;
- увеличение X_7 на 1 ед. изм. приводит к увеличению Y в среднем на 5,192 ед. изм.

По максимальному коэффициенту $\beta_5=11,4$ делаем вывод, что наибольшее влияние на результат Y (количество преступлений в Челябинской области) оказывает фактор X_5 (прожиточный минимум в среднем на душу населения Челябинской области измеряемый в рублях). Расчетами также установлено, что параметры модели статистически значимы.

Статистическая значимость уравнения проверена с помощью коэффициента детерминации и «критерия Фишера». Показатели качества построенной модели приведены в табл. 2.

Таблица 2
Регрессионная статистика

Множественный R	0,998393562
R-квадрат	0,996789705
Нормированный R-квадрат	0,993579411
Стандартная ошибка	545,8055162
Наблюдения	9

Коэффициент множественной корреляции $R \approx 0,998$ говорит о прямой тесной взаимосвязи признаков в уравнении (1). А коэффициент детерминации (R-квадрат) $\approx 0,997$ показывает, что 99,7%

вариации зарегистрированных преступлений в Челябинской области обусловлено вариацией включенных в модель факторов, что составляет приемлемый уровень качества модели для построения прогноза показателей преступности.

Для оценки точности полученной модели мы использовали показатель средней относительной ошибки аппроксимации, которая соответствует значению меньше 5%, то есть

$$\overline{E_{отн}} = 0,45 \text{ \%}.$$

Анализ зарегистрированного количества преступлений по Челябинской области за период с 2010 по 2018 годы, позволил построить линейный тренд (рис. 2) и определить точечный и интервальный прогнозы (табл. 3) на будущий период:

Заключение и выводы

Таким образом, проведенный анализ имеющихся данных о количестве преступлений по Челябинской области, позволил установить, что из предполагаемых нами факторов, значительное влияние имеют следующие:

- X_2 (средняя величина заработной платы в Челябинской обл., руб.);
- X_5 (прожиточный минимум в среднем на душу населения Челябинской обл., руб.);
- X_6 (численность мужского населения Челябинской обл., чел.);
- X_7 (численность женского населения Челябинской обл., чел.).

При сохраненной тенденции временного ряда с долей вероятности 95%

Таблица 3
Точечный и интервальный прогнозы

n+k	U(k)	Точечный прогноз	Верхняя граница	Нижняя граница
10	13 878	60 628	74 506	46 750

мы можем предположить, что прогнозное значение количества преступлений по Челябинской области на 2019 год будет находиться в интервале от 46 750 до 74 506.

Рис. 2. Прогноз количества преступлений по Челябинской области на 2019 год

Проведение работы сотрудниками штабных подразделений МВД России по анализу факторов, влияющих на состояние преступности может стать одним из

дополнительных методов разработки мер профилактики и разработки предложений по снижению числа преступных проявлений на обслуживаемой территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комарова, Е. С. Парный регрессионный анализ : учебное пособие / Е. С. Комарова. — Москва; Берлин : Директ-Медиа, 2015. — 59 с.
2. Новиков, А. И. Эконометрика : учебное пособие / А. И. Новиков. — М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. — 224 с.
3. Самые счастливые страны мира [Электронный ресурс] // BASETOP.RU. — URL: <https://basetop.ru/top-10-stran-s-samyim-nizkim-urovнем-prestupnosti/> (дата обращения: 25.06.2019).
4. Состояние преступности в РФ [Электронный ресурс] // Министерство Внутренних Дел России. — URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 25.06.2019).
5. Шумейко, А. А. Факторный анализ преступности на основе социально-экономических показателей [Электронный ресурс] / А. А. Шумейко // Проблемы современной экономики : материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Казань, август 2017 г.). — Казань : Молодой ученый, 2017. — С. 22—26. — URL <https://moluch.ru/conf/econ/archive/261/12639/> (дата обращения: 24.06.2019).

REFERENCES

1. Komarova, Ye. S. Parnyy regressionnyy analiz : uchebnoe posobie / Ye. S. Komarova. — Moskva; Berlin : Direkt-Media, 2015. — 59 s.
2. Novikov, A. I. Ekonometrika : uchebnoe posobie / A. I. Novikov. — M. : Izdatelsko-torgovaya korporatsiya «Dashkov i K°», 2017. — 224 s.
3. Samye schastlivyye strany mira [Elektronnyy resurs] // BASETOP.RU. — URL: <https://basetop.ru/top-10-stran-s-samyim-nizkim-urovнем-prestupnosti/> (data obrashcheniya: 25.06.2019).
4. Sostoyanie prestupnosti v RF [Elektronnyy resurs] // Ministerstvo Vnutrennikh Del Rossii. — URL: <https://mvd.rf/Deljatelnost/statistics> (data obrashcheniya: 25.06.2019).
5. Shumeyko, A. A. Faktornyy analiz prestupnosti na osnove sotsialno-ekonomicheskikh pokazateley [Elektronnyy resurs] / A. A. Shumeyko // Problemy sovremennoy ekonomiki : materialy VI Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan, avgust 2017 g.). — Kazan : Molodoy uchenyy, 2017. — S. 22—26. — URL <https://moluch.ru/conf/econ/archive/261/12639/> (data obrashcheniya: 24.06.2019).

ТЕСЛЕНКО Евгений Сергеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры права Троицкого филиала Челябинского государственного университета, г. Троицк.
E-mail: tes-evgenij@yandex.ru.

ОСИПЕНКО Светлана Александровна — кандидат педагогических наук, доцент. Доцент кафедры математики, экономики и управления Троицкого филиала Челябинского Государственного университета, г. Троицк.
E-mail: lana_os@rambler.ru.

Teslenko E. S.
Osipenko S. A.

STUDY AND ANALYSIS OF INDIVIDUAL FACTORS INFLUENCING THE RATE OF CRIME BY THE EXAMPLE OF CHELYABINSK REGION

In today's world, along with material, human and intellectual resources, information has become the most important strategic resource, and the ability to work with it (analysis, synthesis, forecast) is the most valuable quality of a specialist. We believe that law enforcement agencies should have an understanding of the main factors affecting the crime rate in the served territory. In article considered major factors which influence a condition of crime on the example of Chelyabinsk region are considered. Authors studied 7 major factors, the analysis of statistical data from 2010 to 2018 is carried out and the main conclusions are formulated following econometric models with drawing up the forecast of indicators of crime in Chelyabinsk region for 2019.

Keywords: information and analytical work, prevention of crimes, crime indicator, regressive analysis, econometrics.

TESLENKO Evgeny Sergeyevich — candidate of law, associate professor the right chair of Troitsk branch the Chelyabinsk State University, city Troitsk.
E-mail: tes-evgenij@yandex.ru.

OSIPENKO Svetlana Aleksandrovna — candidate of pedagogical sciences, associate professor. Associate professor of mathematics, economy and management of Troitsk branch of the Chelyabinsk State university, city of Troitsk.
E-mail: lana_os@rambler.ru.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.07.2019.

Грушко Н. О.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЖЕРТВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Актуальность статьи состоит в том, что в современном обществе обеспечение полноценной борьбы с преступностью предполагает в том числе решение различных проблем в реализации прав и законных интересов лиц, в отношении которых совершается преступление. В рамках настоящей статьи предпринята попытка анализа национальных правовых основ, касающихся защиты жертв преступлений, а также выявления дискуссионных вопросов в данной сфере. Внесены предложения по совершенствованию системы действующего законодательства

Ключевые слова: жертвы преступлений, потерпевший, защита, пострадавший, безопасность личности, возмещение вреда.

Введение

В настоящее время криминогенная ситуация как в нашем государстве, так и во всем мире имеет отрицательную тенденцию. «Неуклонно растет количество совершаемых преступлений, а значит — увеличивается и число пострадавших лиц. Кроме того, немалая часть уголовных правонарушений остается нераскрытой, то есть виновное лицо не привлекается к ответственности. Отсутствие обвиняемого предопределяет и отсутствие законного и справедливого решения суда в отношении возмещения причиненного преступлением вреда потерпевшему» [4, с. 260].

Стремительно развивающееся законодательство, усовершенствование методов и способов доказывания в уголовном процессе неизбежно влекут за собой обращение особого внимания на вопросы защиты жертв преступлений.

Описание исследования

Правовое государство всецело заинтересовано в необходимости полноценной защиты прав и законных интересов не только подозреваемых или обвиняемых, но и лиц, пострадавших от их деяний. Баланс этих элементов института защиты прав

и свобод человека является гарантией правовой безопасности современного общества. В международно-правовых актах, а также в Конституции Российской Федерации закреплены положения о том, что:

- 1) признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства;
- 2) права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом.

Подтверждая конституционный принцип прав человека как высшей ценности в современном обществе, УПК РФ закрепляет в роли приоритета защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Однако анализ различной видовой категории уголовных дел показал, что механизм защиты жертв преступлений сегодня работает не должным образом.

Достаточно актуальным является вопрос правового статуса лица, которое пострадало и которому причинен вред преступлением. Действующего законодательство нашего государства

не предусматривает определения понятия «жертва». Лишь в некоторых нормативно-правовых актах косвенно затрагивается данный термин (например, в Федеральном законе «О противодействии терроризму»). Наиболее широко в правотворческой деятельности российский законодатель использует понятия «потерпевший», «заявитель», «законный владелец». Однако между перечисленными терминами и «жертвой преступления» поставить знак равенства нельзя [2, с. 65].

Понятие потерпевший определяет уголовно-процессуальное положение лица, пострадавшего от преступления. «Фигура потерпевшего появляется только после возбуждения уголовного дела и вынесения постановления о признании лица потерпевшим. Однако с момента совершения преступления до момента начала следствия может пройти достаточно длительный срок. Соответственно, жертвой преступления человек становится непосредственно во время его совершения, а потерпевшим — только в рамках уголовного дела. Кроме того, в определенных случаях (смерть жертвы преступления) статус потерпевшего могут получить близкие родственники лица, пострадавшего от преступления, хотя фактически они жертвами данного уголовного правонарушения не являются» [5, с. 1].

Наряду с потерпевшим в ст. 104.3 УК РФ законодатель употребляет понятие законного владельца, правовое положение которого не определено. Перед правоприменителем возникает дилемма: кто из указанных лиц имеет приоритетное право на возмещение вреда, причиненного преступлением? Анализируя судебную практику, можно прийти к выводу о том, что владелец в первую очередь должен получить возмещение причиненного ему вреда, поскольку отсутствие такого будет ограничивать его законные интересы в уголовном процессе.

Кроме указанных понятий к лицу, пострадавшему от преступления, применяется и термин «заявитель». Однозначного определения понятия «заявитель» в уголовно-процессуальных нормах нет. В его роли могут выступать различные

субъекты. К примеру, лицо, подавшее заявление о преступлении; лицо, заявившее ходатайство и др.

Таким образом, такая правовая категория как «жертва преступления» на законодательном уровне Российской Федерации не закреплена, что является существенной проблемой применения уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм. Считаем, что для ее устранения необходимо предусмотреть в российском праве понятие «жертва преступления».

Следующим вопросом рассматриваемой нами темы является социально несправедливое положение потерпевшего по сравнению с обвиняемым в отношении предоставления бесплатной квалифицированной юридической помощи. В рамках уголовно-процессуального законодательства отсутствует государственная обязанность предоставить на бесплатной основе профессионального адвоката потерпевшему, в то время как обвиняемому он полагается во всех случаях и бесплатно. Однако «в силу специфики уголовного судопроизводства и в силу отсутствия правовых познаний потерпевшему так же как и обвиняемому необходим адвокат» [3, с. 53]. Кроме того, после совершенного в отношении потерпевшего противоправного деяния ему приходится сталкиваться с определенными жизненными трудностями: физическими, эмоциональными, психологическими проблемами. В такой ситуации человек находится в неуравновешенном психическом состоянии, может оказаться физически не готовым полноценно защищать свои права и законные интересы в процессе предварительного расследования, в рамках судебного разбирательства. Пережитое горе может привести к его пассивной позиции, возможному отказу от защиты своих нарушенных прав. К сожалению, не всегда правоохранительные органы в полной мере обеспечивают потерпевшему должную гарантию его защиты.

Соответственно, потерпевшему в обязательном порядке с самого начала производства по уголовному делу необходимо предоставлять квалифицированную бесплатную юридическую помощь

на тех же правовых основаниях, которые предусмотрены для защиты прав подозреваемого, обвиняемого и подсудимого.

Еще одной актуальной проблемой в рассматриваемой нами области является защита прав пострадавших от преступления лиц в случае отсутствия в уголовном деле виновного лица. В такой ситуации неясно кто будет возмещать вред, который причинен потерпевшему в результате совершения преступления.

На практике нередко возникают ситуации, при которых уголовные правонарушения остаются нераскрытыми, виновные лица неустановленными, наказания не назначенными. Отсюда «неблагоприятные последствия — потерпевший в рамках уголовного процесса не может предъявить гражданский иск, потому что по факту нет лица, которое было бы гражданским ответчиком по делу» [6, с. 231]. В подобных случаях жертве преступления остается положиться только на профессионализм и компетентность правоохранительных органов.

Так, например, Л. И. Трунов в своем выступлении утверждает, что «практически невозможно возместить причиненный ущерб даже в тех случаях, когда преступник найден и признан виновным по приговору суда. Даже в условиях, когда уголовный правонарушитель отбывает срок лишения свободы, нет правовых гарантий того, что нанесенный им ущерб будет восполнен. За последнее десятилетие большая часть осужденных не привлекаются к работам в местах лишения свободы попросту из-за ее отсутствия. Если же осужденный работает, то заработанные им средства распределяются опять же не в интересах потерпевшего. В соответствии со статьей 107 УИК РФ из заработка осужденного

в первую очередь удерживаются налоги, следом вычитаются средства на уплату алиментов, далее вычитаются расходы государства на содержание осужденного (стоимость питания, одежды, обуви и др.). Кроме того, закон предусматривает зачисление на лицевой счёт осужденного 25 процентов его заработка, а в колониях-поселениях — 50 процентов. В итоге на возмещение ущерба жертвам преступления практически ничего не остаётся» [1, с. 8].

Такой подход к вопросу защиты пострадавших от преступлений лиц считаем несправедливым и некорректным. Если правоохранительные органы не справились с задачей розыска и привлечения к ответственности виновного, ответственность за их действия должно нести государство как гарант социальной справедливости.

Заключение

Помимо затронутых проблем считаем необходимым усовершенствовать механизмы предупреждения и пресечения преступлений.

Хотелось бы отметить правовую значимость и явную недоработку системы действующего законодательства в области защиты нарушенных прав и законных интересов жертв преступлений. В рамках данной статьи раскрыта лишь небольшая часть, на наш взгляд, актуальных проблем в обозначенной сфере, однако многие вопросы до сих пор остаются нерешенными. Законодателю необходимо проанализировать действующую систему материальных и процессуальных норм, выявить проблемы и внести соответствующие изменения, которые укрепят гарантии защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выступление (извлечение) члена Исполкома Международного союза юристов, первого вице-президента Федерального союза адвокатов России, профессора, академика РАЕН, доктора юридических наук, кандидата экономических наук И. Л. Трунова «Обеспечение защиты жертв преступлений по законодательству Российской Федерации».
2. Желудков, М. А. Некоторые аспекты применения понятий «потерпевший», «жертва», «заявитель» при расследовании преступлений / М. А. Желудков // Черные дыры в российском законодательстве. — 2017. — № 1. — С. 65—68.

3. Копылова, О. П. О равноправии сторон в российском уголовном процессе / О. П. Копылова, М. А. Ментюкова // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. — 2012. — № 38. — С. 52—56.
4. Майоров, А. В. Правовые основы защиты жертв преступности в России / А. В. Майоров // Евразийский юридический журнал. — 2016. — № 7 (98). — С. 260—263.
5. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». — URL: [http://www. Consultant.ru](http://www.Consultant.ru) (дата обращения: 27.04.2019).
6. Чепрасов, М. Г. Уголовно-процессуальное соотношение законных интересов обвиняемого и потерпевшего в рамках российского уголовного процесса / М. Г. Чепрасов // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2017. — № 3. — С. 231.

REFERENCES

1. Vystuplenie (izvlechenie) chlena Ispolkoma Mezhdunarodnogo soyuza yuristov, pervogo vitse-prezidenta Federalnogo soyuza advokatov Rossii, professora, akademika RAYeN, doktora yuridicheskikh nauk, kandidata ekonomicheskikh nauk I. L. Trunova «Obespechenie zashchity zhertv prestupleniy po zakonodatelstvu Rossiyskoy Federatsii».
2. Zheludkov, M. A. Nekotorye aspekty primeneniya ponyatiy «poterpevshiy», «zhertva», «zayavitel» pri rassledovanii prestupleniy / M. A. Zheludkov // Chernye dyry v rossiyskom zakonodatelstve. — 2017. — № 1. — S. 65—68.
3. Kopylova, O. P. O rovnopravii storon v rossiyskom ugovnom protsesse / O. P. Kopylova, M. A. Mentyukova // Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. V. I. Vernadskogo. — 2012. — № 38. — S. 52—56.
4. Mayorov, A. V. Pravovye osnovy zashchity zhertv prestupnosti v Rossii / A. V. Mayorov // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2016. — № 7 (98). — S. 260—263.
5. O praktike primeneniya sudami norm, reglamentiruyushchikh uchastie poterpevshego v ugovnom sudoproizvodstve : postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29.06.2010 № 17 [Elektronnyy resurs] // SPS «KonsultantPlyus». — URL: [http://www. Consultant.ru](http://www.Consultant.ru) (data obrashcheniya: 27.04.2019).
6. Cheprasov, M. G. Ugolovno-protsessualnoe sootnoshenie zakonnykh interesov obvinyaemogo i poterpevshego v ramkakh rossiyskogo ugovnogo protsessa / M. G. Cheprasov // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2017. — № 3. — S. 231.

ГРУШКО Наталья Олеговна — специалист, Институт открытых дистанционного образования, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет). Челябинск, пр. Ленина, 76.
E-mail: nata_0770@mail.ru

Grushko N. O.

PROBLEMS OF LEGAL PROTECTION OF VICTIMS OF CRIME

The Relevance of the article is that in modern society, ensuring a full fight against crime involves including the solution of various problems in the implementation of the rights and legitimate interests of persons against whom the crime is committed. Within the framework of this article, an attempt is made to analyze the national legal framework relating to the protection of victims of crime, as well as to identify controversial issues in this area. Proposals to improve the system of current legislation were made

Keywords: *victims of crimes, victim, protection, victim, personal security, compensation of harm.*

GRUSHKO Natalia Olegovna — specialist, Institute of open distance education, South Ural state University (national research University), Chelyabinsk, Lenin Ave., 76. E-mail: nata_0770@mail.ru.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.05.2019.

Перков А. А.

ОБУЧЕНИЕ ПРОФАЙЛИНГУ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

В статье дается описание методики профайлинга, как одного из самых актуальных направлений применяемых в практической психологии. Показана связь между обучением профайлингу и наблюдательностью как профессионально важным качеством сотрудников органов внутренних дел. Описывается процесс подготовки сотрудника Госавтоинспекции, получающего профессионально значимые знания, владения, умения, качества, способности, способствующие эффективному выполнению служебных обязанностей. Автор обосновывает, что профайлинг — методика распознавания личностных и поведенческих особенностей человека по вербальным и невербальным признакам способствует готовности сотрудника к противодействию со стороны гражданина, что способствует обеспечению личной безопасности.

Ключевые слова: профайлинг, профессионально-значимое качество, обучение, сотрудник Госавтоинспекции, наблюдение.

Введение

Деятельность сотрудников органов внутренних дел связана с риском. Условия службы и специфика решаемых оперативно-служебных задач обуславливают ежедневное наличие опасности. Умение ее замечать и выявлять заранее может снизить количество происшествий, которые возникают в деятельности сотрудников. Регулярное нахождение в ситуации опасности способствует привыканию сотрудников к ней. Это может приводить к потере бдительности, совершению действий, которые приведут к ошибкам и повлекут за собой негативные последствия.

Эффективно выполнять деятельность по обеспечению законности и правопорядка возможно лишь в том случае, если сотрудник органов внутренних дел будет достаточно четко знать возможности и ресурсы своей психики, своевременно принимать меры по развитию тех умений и навыков, которые необходимы

для повышения эффективности выполняемых задач. Подготовка специалистов для Госавтоинспекции должна, наряду с решением других задач, формировать у сотрудника потребность в саморазвитии и повышении уровня подготовленности. Безусловно, это касается всего комплекса психологических свойств и качеств личности, но именно профессионально значимые качества выступают гарантом эффективности выполняемых функций для сотрудников Госавтоинспекции, в задачи которых входит, в том числе, визуальная диагностика участников дорожного движения для построения успешной коммуникации, наблюдение за транспортным потоком, выявление технических особенностей автотранспортных средств и т. д.

Важным направлением является обеспечение собственной безопасности, путем минимизации риска становления потерпевшим в дорожно-транспортном происшествии при пресечении нарушений

правил дорожного движения либо регулировании дорожного движения [2, с. 30].

Описание проблемы и пути ее решения

В процессе подготовки сотрудника Госавтоинспекции важно выделить профессионально значимые знания, владения, умения, качества, способности, способствующие эффективному выполнению служебных обязанностей, и так организовать процесс обучения, чтобы выпускник владел ими. Одним из профессионально значимых свойств является наблюдательность.

Под наблюдательностью понимают «...психическое свойство, базирующееся на ощущении и восприятии, благодаря которому человек различает признаки и объекты, имеющие незначительные отличия, замечает различия в сходном, видит их при быстром движении, при изменившемся ракурсе, имеет возможность сократить до минимума время восприятия признака, объекта, процесса» [5, с. 111]. В ходе процесса наблюдения сотрудник Госавтоинспекции стремится подметить в наблюдаемом объекте (участнике дорожного движения, транспортном средстве), явлении (дорожно-транспортное происшествие) все существенные признаки, то есть познать его сущность. Основу данного процесса составляют ощущения как психофизический процесс непосредственно чувственного отражения (познания) отдельных свойств явлений и предметов объективного мира, т. е. процесс отражения прямого воздействия *стимулов* на *органы чувств*, раздражения последних, а также возникающее в результате указанного процесса субъективное (психическое) переживание силы, качества, локализации и др. характеристик воздействия на органы чувств (*рецепторы*) [3, с. 332]. Выделяют зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые и другие виды ощущений. В деятельности сотрудников Госавтоинспекции наиболее важную роль играют зрительные и слуховые ощущения, так как большую часть информации он воспринимает через слуховую и зрительную системы.

Развитие наблюдательности как качества личности возможно лишь в условиях

практической деятельности. Чтобы повысить уровень наблюдательности сотруднику Госавтоинспекции необходимо приобрести умение наблюдать. Но этого недостаточно. Для эффективной деятельности полицейский должен превратить наблюдательность в стойкое психологическое качество, для чего нужна целенаправленная, планомерная и систематическая тренировка.

Формирование навыков наблюдательности необходимо начинать еще на этапе подготовки сотрудника в вузе. В рамках реализации должностных обязанностей эта деятельность будет продолжена. Но осознание необходимости тренировки наблюдательности, овладение методами и способами, формирование мотивации к этому у сотрудников органов внутренних дел должно происходить именно в вузе. Сотрудник Госавтоинспекции должен стремиться проникнуть в сущность наблюдаемого явления, подметить все существенные признаки.

Сотрудники должны использовать имеющиеся у них виктимологические знания, воздействовать на виктимогенные факторы в сфере дорожного движения, уметь решать профессиональные задачи на основе специальных знаний в области виктимологии с учетом имеющихся угроз жизни, здоровью и имущественным интересам участников дорожного движения, предотвращать их возможные последствия [1].

Сотрудник органов внутренних дел решает разнообразные оперативно-служебные задачи. Часто они связаны с привлечением к ответственности лиц, допустивших нарушение правил дорожного движения. Граждане, с целью избежать ответственности прибегают ко лжи. Неумение сотрудника ее различать, выявлять признаки обмана, могут провоцировать наступление негативных последствий.

Одним из главных способов формирования наблюдательности является обучение профайлингу.

Профайлинг (от англ. *profile* — профиль) — система предотвращения противоправных действий путем профилирования, т. е. выявления потенциально опасных лиц на основе невербальной

и оперативной диагностики; технология оценки и прогнозирования поведения человека на основе таких характеристик как: проявления вегетативной нервной системы, эмоциональные состояния, особенности речи, невербальные проявления, особенности внешности и другие информативные признаки [6, с. 8—9]. Технология профайлинга была создана как способ противостояния террористическим угрозам, которые стали настоящим бедствием XX века. Появившись в рамках системы безопасности аэропортов, профайлинг в наши дни стал применяться во многих сферах жизни общества, где важно оперативно оценить и спрогнозировать поведение. Безусловно, деятельность сотрудников Госавтоинспекции отвечаем указанным критериям.

Профайлинг применяется в различных сферах правоохранительной деятельности:

1. Для составления поискового психологического профиля (портрета) неизвестного лица, совершившего преступление.

2. Для предотвращения новых преступлений, совершенных одним лицом в случае совершения серии преступлений.

3. Для выявления потенциально опасных лиц и предотвращения их противоправных действий при осуществлении мероприятий, направленных на охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности.

Профайлинг — это техника, позволяющая:

1. *Идентифицировать* преступника по особенному набору психодинамических признаков, поведенческих проявлений (поведенческих паттернов), и другой существенной информации, полученной в результате анализа следов, оставленных на месте преступления;

2. *Предсказать* дальнейшее поведение преступника с высокой долей вероятности;

3. *Предупредить* совершение новых преступлений одним и тем же лицом;

4. *Выявлять* потенциально опасных лиц, представляющих угрозу общественному порядку и общественной безопасности.

Ключевым навыком для осуществления профайлинга является выделение

невербальных сигналов в поведении человека и их интерпретация. Под невербальной коммуникацией понимается способ передачи информации при помощи неречевых средств, таких как мимика, жесты, прикосновения, телодвижения, позы, внешнее оформление человека (*одежда, украшения и т. д.*) и даже характеристики голоса (*тон, тембр, громкость, интонация, все, за исключением значения произнесенных слов*). Невербальная коммуникация производится человеком неосознанно, и при этом она несет очень много информации (*обычно невербально передается от 60 до 65 процентов всей информации при межличностном общении*) [5, с. 6]. Самые выразительные элементы невербального поведения называют эмблемами (*они позволяют безошибочно определить истинное душевное состояние человека*) [6, с. 10—11]. Так как люди не всегда сознают, что используют средства невербальной коммуникации, язык тела часто оказывается более правдивым, чем произносимые слова, которые сознательно подбираются для получения нужных для говорящего результатов [4, с. 6]. Таким образом, целенаправленное наблюдение — это главный навык, владение которым позволяет осуществлять эффективный профайлинг. При этом «необходимо использовать все пять чувств, а не одно лишь зрение» [4, с. 6]. В связи с этим, обучение профайлингу сотрудников Госавтоинспекции способствует формированию значимого навыка целенаправленного наблюдения.

В Орловском юридическом институте МВД России имени В. В. Лукьянова в рамках проведения занятий по дисциплинам «Социально-психологический тренинг профессионального общения», «Психология», «Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел» на практических занятиях используются упражнения, позволяющие оценить уровень наблюдательности у курсантов. Полученные результаты дают основания полагать о недостаточном уровне ее развития. Так, при проведении занятия в учебной группе факультета подготовки специалистов ГИБДД, состоящей из 25 человек, использовались упражнения,

разработанные доктором психологических наук, профессором Людмилой Александровной Регуш [5] для оценки уровня наблюдательности. По итогам занятия 19 человек набрали количество баллов, соответствующее среднему уровню развития навыка и 6 — низкому уровню. Необходимо отметить, что наблюдательность — это профессионально значимое качество для сотрудника Госавтоинспекции, поэтому средний уровень его развития не является желательным. В рамках практических занятий по указанным дисциплинам курсантами выполнялись задания, которые способствовали развитию наблюдательности, но отведенного времени в рамках перечисленных курсов явно недостаточно для формирования навыка.

Заключение

Таким образом, обучение будущих сотрудников Госавтоинспекции технологии профайлинга будет способствовать формированию у них навыка целенаправленной наблюдательности. Это позволит полицейским эффективно выполнять свои профессиональные обязанности по обеспечению безопасности на дорогах и обеспечить личную безопасность на основании прогнозирования поведения партнеров по коммуникации. Безусловно, технология профайлинга находится в стадии развития, и обучение ей требует времени и специально отведенных курсов, тренингов, но та польза, которую мы получим по результатам, несоизмерима больше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая психологическая энциклопедия / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. — М. : АСТ ; АСТ Москва ; Прайм-Еврознак, 2009.
2. Баранчикова, М. В. Значение виктимологической подготовки сотрудников ГИБДД для обеспечения безопасности дорожного движения / М. В. Баранчикова // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. — 2016. — Т. 1. — № 7-1 (7). — С. 18—20.
3. Баранчикова, М. В. Виктимологическая профилактика нарушений правил дорожного движения : монография / М. В. Баранчикова, И. И. Кузнецова. — Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017. 80 с.
4. Наварро, Д. Я вижу, о чём вы думаете / Д. Наварро, М. Карлинс ; пер. с англ. О. Г. Белосеев. — Минск : Попурри, 2009.
5. Регуш, Л. А. Практикум по наблюдению и наблюдательности / Л. А. Регуш. — 2-е изд., переработанное и дополненное. — СПб. : Питер, 2008. — 208 с.
6. Статный, В. М. Применение технологии профайлинга в деятельности органов внутренних дел : монография / В. М. Статный, Е. В. Спирица, А. М. Иванова. — СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2013.

REFERENCES

1. Bolshaya psikhologicheskaya entsiklopediya / pod red. B. G. Meshcheryakova, V. P. Zinchenko. — M. : AST ; AST Moskva ; Praym-Yevroznak, 2009.
2. Baranchikova, M. V. Znachenie viktimologicheskoy podgotovki sotrudnikov GIBDD dlya obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya / M. V. Baranchikova // Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiума Srednerusskiy universitet. Seriya: Yurisprudentsiya. — 2016. — T. 1. — № 7-1 (7). — S. 18—20.
3. Baranchikova, M. V. Viktimologicheskaya profilaktika narusheniy pravil dorozhnogo dvizheniya : monografiya / M. V. Baranchikova, I. I. Kuznetsova. — Orel : Orlovskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii imeni V. V. Lukyanova, 2017. 80 s.
4. Navarro, D. Ya vizhu, o chem vy dumaete / D. Navarro, M. Karlins ; per. s angl. O. G. Belosheev. — Minsk : Popurri, 2009.
5. Regush, L. A. Praktikum po nablyudeniyu i nablyudatel'nosti / L. A. Regush. — 2-e izd., pererabotannoe i dopolnennoe. — SPb. : Piter, 2008. — 208 s.
6. Statnyy, V. M. Primenenie tekhnologii profaylinga v deyatel'nosti organov vnutrennikh del : monografiya / V. M. Statnyy, Ye. V. Spiritsa, A. M. Ivanova. — SPb. : Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2013.

ПЕРКОВ Артем Александрович — преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.
E-mail: artperk@mail.ru.

Perkov A. A.

TRAINING PROFILING AS ONE OF THE METHODS OF VICTIMOLOGICAL PREVENTION

The article describes the method of profiling as one of the most relevant areas used in practical psychology. The connection between profiling training and observation as professionally important quality of employees of law-enforcement bodies is shown. Describes the process of training of the employee Gosavtoinspektzii who receive professionally relevant knowledge, possessions, abilities, qualities, abilities, contributing to the effective performance of official duties. The author substantiates that the profiling method of recognition of personal and behavioral characteristics of a person by verbal and non-verbal signs contributes to the readiness of the employee to counteraction on the part of the citizen, which contributes to personal security.

Keywords: *profiling, professionally significant quality, training, traffic police officer, supervision.*

PERKOV Artem Alexandrovich — teacher of chair Criminal law, criminology and psychology Orel law Institute The interior Ministry of Russia named after V. V. Lukyanov. 302027, Orel, Ignatovstreet, 2.
E-mail: artperk@mail.ru.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.07.2019.

Перков А. А.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАБЛЮДАТЕЛЬНОСТИ КАК ПРОФИЛАКТИКА ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

В статье дается анализ наблюдательности как профессионально значимого качества, которое обеспечивает повышение уровня решения оперативно-служебных задач. Существующий подход, основанный на формировании компетенций, в рамках которого в настоящее время ведется обучение в нашей стране, предполагает формирование специалиста умеющего приспособиться к условиям деятельности, гибко реагировать на изменения среды, применять имеющиеся знания и умения на практике, быстро обучаться необходимым способам действия. Достижение поставленной цели невозможно без учета психологических особенностей деятельности и формирования тех профессионально важных качеств, которые бы обеспечили максимально эффективное решение оперативно-служебных задач. Приводятся имеющиеся точки зрения на наблюдательность с целью определения этого понятия. Обосновывается мнение о том, что профессиональная наблюдательность является частью виктимологической профилактики.

Ключевые слова: наблюдательность, профессионально-значимое качество, перцепция, способность, наблюдение.

Введение

Формирование профессионалов нового поколения невозможно без качественного образования. Именно поэтому ему уделяется столь пристальное внимание на самом высоком уровне. Президент России В. В. Путин говорил: «Именно образованные... люди, а не природные ресурсы или ядерное оружие будут главной силой России этого и последующего веков»¹. Высококвалифицированные кадры — фундамент безопасности и благополучия государства. Особую актуальность эта фраза приобретает в контексте обсуждения профессиональной подготовки будущих полицейских. Недостаток знаний, умений или владений у сотрудника, решающего оперативно-служебные задачи, может привести к трагичным последствиям [5].

Деятельность сотрудников органов внутренних дел принадлежит к категории профессий, где важным является профилактика виктимного поведения.

Ежедневное несение службы в условиях риска приводит к привыканию у сотрудников. Они теряют ощущение того, что их деятельность связана с опасностью и потеря бдительности здесь может привести к трагичным последствиям. Поэтому, одной из целей подготовки сотрудников органов внутренних дел является формирование у них тех качеств и свойств, которые позволят не терять бдительность и всегда помнить о наличии опасности [7].

Образовательная среда, которая сформировалась в настоящее время, вкупе с оперативной обстановкой вынуждают кардинально менять систему подготовки сотрудников органов внутренних дел. В условиях роста информационного потока, нестабильности социально-экономических условий, наличие комплекса гражданских, нравственных, духовных и иных профессионально значимых качеств личности, обусловленных требованиями государства и общества к гражданскому и профессионально-нравственному облику сотрудника органов

¹ https://ria.ru/valdaiclub_anniversary_session/20130919/964431437.html

внутренних дел, потребностями и особенностями оперативно-служебной деятельности, выступает гарантом профессионализма стража правопорядка.

Подход, основанный на формировании компетенций, в рамках которого в настоящее время ведется обучение в нашей стране, предполагает формирование специалиста умеющего приспособиться к условиям деятельности, гибко реагировать на изменения среды, применять имеющиеся знания и умения на практике, быстро обучаться необходимым способам действия. Достижение поставленной цели невозможно без учета психологических особенностей деятельности и формирования тех профессионально важных качеств, которые бы обеспечили максимально эффективное решение оперативно-служебных задач. Большую роль в этом играет работа психологов системы органов внутренних дел, которые обязаны обеспечивать и проводить мероприятия психологической работы с личным составом, в том числе по формированию необходимых профессионально-значимых качеств [9].

Сотрудник для успешного выполнения оперативно-служебных задач, должен обладать совокупностью компетенций, которые формируют модель компетентности специалиста. Дискуссии о том, какие именно знания, умения и владения должны входить в эту модель, продолжаются до сих пор. Над этой проблемой работали такие ученые, как Л. Н. Костина, Б. Г. Бовина, В. Л. Васильева, М. Г. Дебольский, А. Т. Иваницкий, И. О. Котенев, М. И. Марьин, Н. В. Мартиросова, Н. И. Мягких, В. Е. Петров, М. В. Пряхина, А. Д. Сафронов, А. М. Столяренко, Ю. А. Шаранова, А. Г. Шестаковым и др. Все без исключения авторы отмечают, что без развитых познавательных способностей, говорить о профессиональной пригодности специалиста, невозможно. Одним из ключевых компонентов когнитивной сферы психики человека является наблюдательность, так как это психологическое качество, определяет эффективность сотрудника полиции. Деятельность по подготовке и дальнейшему сопровождению профессионального развития специалиста должно быть направлено

на формирование этого качества. Именно оно лежит в основе таких ключевых компетенций специалиста, как прогнозирование, креативность при решении задач, глубина и широта мышления, способность обрабатывать и запоминать большие массивы данных, оперативность при принятии решений и многих других [2].

Описание исследования

Рассматривая такое качество, как наблюдательность, необходимо отметить ее исключительную важность для всех сфер деятельности человека. Для педагога, например, значимым является замечание малейших изменений в состоянии обучающегося, врачу необходимо отмечать изменения, происходящие с пациентом, психолог должен четко реагировать на мельчайшие изменения мимики клиента. Не менее важна наблюдательность сотрудника полиции, для которого умение по вербальным и невербальным признакам определять намерения лица, может стать фактором, гарантирующим безопасность [12].

Проведенный анализ психологической литературы позволяет нам сделать вывод об отсутствии единого понимания наблюдательности как профессионально важного качества. Остановимся на определении, которое имеет более широкое распространение по сравнению с остальными: это профессионально важное качество, являющееся свойством сенсорной организации человека, заключающееся в фиксации и интерпретации существенных, но малозаметных фактов, обусловленных стоящими перед наблюдателем целями, позволяющее видеть внутреннее содержание за внешними обстоятельствами, путем организации и направления внимания. В узком смысле, под наблюдательностью будем понимать качество человека, обуславливающее его способность отмечать малозаметные, но значимые для него объекты, обусловленные целью наблюдения, путем организации внимания.

Формирование профессиональной наблюдательности сотрудников органов внутренних дел способствует тому, что сотрудник будет замечать признаки опасности и предупреждать возможные

негативные последствия. Еще одним важным следствием формирования профессиональной наблюдательности сотрудника является повышение его способности к замечанию своих действий, в том числе, ставших автоматическими, не осознаваемыми в процессе деятельности. Это способствует виктимологической профилактике сотрудника и обеспечивает бдительность при решении оперативно-служебных задач. Для иллюстрации рассмотрим пример из деятельности сотрудника Госавтоинспекции. Сотрудник ежедневно несет службу в условиях риска и опасности. Если он будет обладать развитой профессиональной наблюдательностью, то сможет замечать те действия и манипуляции, которые совершает в течение дня. Так, находясь на проезжей части, он может замечать транспортные средства, траекторию их движения, особенности их маршрута, что поможет ему вовремя заметить опасность, в случае ее возникновения, и совершить действия по защите себя или своего напарника [7]. Это позволит ему, как лицу с так называемым «ролевым типом виктимности» избежать становления потерпевшим в дорожно-транспортном происшествии при пресечении нарушений правил дорожного движения либо регулировании дорожного движения [3, с. 30].

В контексте компетентностного подхода формирование профессиональной наблюдательности возможно при соблюдении ряда условий. Среди них — партнерское взаимодействие, проблемность содержания учебной деятельности, рефлексивное поведение курсантов, слушателей и преподавателей, интеллектуально-эмоциональное напряжение и расслабление, разделение ответственности участниками образовательной деятельности. Эти принципы способствуют формированию образовательной среды, так необходимой для развития

компетентности и подготовки современного специалиста.

Выполнение указанных условий при формировании профессиональной наблюдательности возможно, используя активные формы обучения. Они предполагают взаимодействие обучающегося и обучающего, их партнерские отношения, создание поведенческого паттерна у сотрудника, который он может использовать при возникновении опасных ситуаций [5]. Такое обучение имеет деятельностный характер, может принимать формы анализа реальных случаев из практики деятельности сотрудников полиции, моделирования ситуаций, где профессиональная наблюдательность необходима для эффективного решения оперативно-служебных задач [12].

Актуальным направлением выступает виктимологическая подготовка, включающая уяснение и реализацию виктимологических знаний в практической деятельности сотрудников ГИБДД [4].

Заключение

Таким образом, формирование профессиональной наблюдательности должно носить характер развития владения способностью замечать малозаметные, но профессионально значимые факты и явления, что способствует профилактике виктимного поведения сотрудника. Одним из шагов в решении задачи является выявление и систематизация ситуаций, в которых сотрудники полиции допускали ошибки, ввиду недостаточной наблюдательности (не смогли предвидеть опасность, пропустили нечто значимое, другие). Формирование профессиональной наблюдательности должно идти в течение всего процесса подготовки сотрудника полиции и носить комплексный характер. Компетентностный подход позволяет решать данную задачу наиболее эффективно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев, Б. Г. Индивидуальное развитие человека и константность восприятия / Б. Г. Ананьев [и др.]. — М. : Просвещение, 1968. — 335 с.
2. Андерсон, Дж. Когнитивная психология / Дж. Андерсон. — 5-е изд. — СПб. : Питер., 2002. — 496 с. : ил. — (Серия «Мастера психологии»).

3. Баранчикова, М. В. Виктимологическая профилактика нарушений правил дорожного движения : монография / М. В. Баранчикова, И. И. Кузнецова. — Орел : Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова. 2017. 80 с.
4. Баранчикова, М. В. Значение виктимологической подготовки сотрудников ГИБДД для обеспечения безопасности дорожного движения / М. В. Баранчикова // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. — 2016. — Т. 1. — № 7-1 (7). — С. 18—20.
5. Безрукова, В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога) / В. С. Безрукова. — Екатеринбург : Деловая книга, 2000. — 937 с.
6. Грицков, Д. М. Психолого-педагогические условия развития социокультурной наблюдательности в теории и практике преподавания иностранных языков / Д. М. Грицков // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. — 2008. — № 1 (13).
7. Гоулман, Дэниел. Фокус. О внимании, рассеянности и жизненном успехе / Д. Гоулман. — М. : АСТ, 2013. — Серия: CORPUS.
8. Регуш, Л. А. Практикум по наблюдению и наблюдательности / Л. А. Регуш. — 2-е изд., переработанное и дополненное. — СПб. : Питер, 2008.
9. Костина, Л. Н. Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие / Л. Н. Костина, А. А. Перков. — Орел : ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова, 2017. — 185 с.
10. Костина, Л. Н. Традиционные и нетрадиционные подходы к формированию у курсантов (слушателей) коммуникативной компетентности / Л. Н. Костина // Наука и практика. — 2015. — № 3 (64). — С.144—147.
11. Скрипникова, Е. В. Наблюдательность как основа изобразительной деятельности в системе профессионального образования / Е. В. Скрипникова. — Омский научный вестник. — 2014. — № 2 (126).
12. Столяренко, А. М. Психология и педагогика : учеб. пособие для вузов / А. М. Столяренко. — М. : Юнити-Дана, 2004. — 423 с.
13. Холмогорова, А. Б. Природа нарушений социального познания при психической патологии: как примирить «био» и «социо»? / А. Б. Холмогорова // Консультативная психология и психотерапия. — 2014. — № 4 (83) декабрь-февраль.
14. Цибуляк, Н. Ю. Профессионально-психологический тренинг развития наблюдательности будущих воспитателей дошкольных образовательных учреждений / Н. Ю. Цибуляк // Педагогика и психология «Челябинский гуманитарий». — 2013. — № 4 (25).

REFERENCES

1. Anan'ev, B. G. Individualnoe razvitiye cheloveka i konstantnost vospriyatiya / B. G. Anan'ev [i dr.]. — M. : Prosveshcheniye, 1968. — 335 s.
2. Anderson, Dzh. Kognitivnaya psikhologiya / Dzh. Anderson. — 5-e izd. — SPb. : Piter., 2002. — 496 s. : il. — (Seriya «Masterya psikhologii»).
3. Baranchikova, M. V. Viktimologicheskaya profilaktika narusheniy pravil dorozhnogo dvizheniya : monografiya / M. V. Baranchikova, I. I. Kuznetsova. — Orel : Orlovskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii im. V. V. Lukyanova. 2017. 80 s.
4. Baranchikova, M. V. Znacheniye viktimologicheskoy podgotovki sotrudnikov GIBDD dlya obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya / M. V. Baranchikova // Vestnik obrazovatel'nogo konsortsiyuma Srednerusskiy universitet. Seriya: Yurisprudentsiya. — 2016. — T. 1. — № 7-1 (7). — S. 18—20.
5. Bezrukova, V. S. Osnovy dukhovnoy kultury (entsiklopedicheskiy slovar pedagoga) / V. S. Bezrukova. — Yekaterinburg : Delovaya kniga, 2000. — 937 s.
6. Gritskov, D. M. Psikhologo-pedagogicheskie usloviya razvitiya sotsiokulturnoy nablyudatel'nosti v teorii i praktike prepodavaniya inostrannykh yazykov / D. M. Gritskov // Psikhologo-pedagogicheskiy zhurnal Gaudeamus. — 2008. — № 1 (13).
7. Goulman, Deniel. Fokus. O vnimanii, rasseyannosti i zhiznennom uspekhe / D. Goulman. — M. : AST, 2013. — Seriya: CORPUS.
8. Regush, L. A. Praktikum po nablyudeniyu i nablyudatel'nosti / L. A. Regush. — 2-e izd., pererabotannoe i dopolnennoe. — SPb. : Piter, 2008.

9. Kostina, L. N. Psikhologiya v deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del : uchebnoe posobie / L. N. Kostina, A. A. Perkov. — Orel : OrYuI MVD Rossii im. V. V. Lukyanova, 2017. — 185 s.
10. Kostina, L. N. Traditsionnye i netraditsionnye podkhody k formirovaniyu u kursantov (slushateley) kommunikativnoy kompetentnosti / L. N. Kostina // Nauka i praktika. — 2015. — № 3 (64). — S.144—147.
11. Skripnikova, Ye. V. Nablyudatel'nost kak osnova izobrazitel'noy deyatel'nosti v sisteme professional'nogo obrazovaniya / Ye. V. Skripnikova. — Omskiy nauchnyy vestnik. — 2014. — № 2 (126).
12. Stolyarenko, A. M. Psikhologiya i pedagogika : ucheb. posobie dlya vuzov / A. M. Stolyarenko. — M. : Yuniti-Dana, 2004. — 423 s.
13. Kholmogorova, A. B. Priroda narusheniy sotsial'nogo poznaniya pri psikhicheskoy patologii: kak primirit «bio» i «sotsio»? / A. B. Kholmogorova // Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. — 2014. — № 4 (83) dekabr-fevral.
14. Tsibulyak, N. Yu. Professional'no-psikhologicheskiy trening razvitiya nablyudatel'nosti budushchikh vospitateley doskol'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy / N. Yu. Tsibulyak // Pedagogika i psikhologiya «Chelyabinskiy gumanitariy». — 2013. — № 4 (25).
-

ПЕРКОВ Артем Александрович — преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. 302027, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.
E-mail: artperk@mail.ru.

FORMATION OF PROFESSIONAL OBSERVATION AS A PREVENTION OF THE VICTIM BEHAVIOR OF POLICE STAFF

The article provides an analysis of observation as a professionally significant quality, which provides an increase in the level of operational tasks solution. The existing approach, based on the formation of competencies, within which training is currently conducted in our country, involves the formation of a specialist who can adapt to the conditions of activity, respond flexibly to changes in the environment, apply existing knowledge and skills in practice, quickly learn the necessary methods of action. Achieving this goal is impossible without taking into account the psychological characteristics of the activities and the formation of those professionally important qualities that would provide the most effective solution of operational tasks. The available points of view on observability are given in order to define this concept. It proves that professional observation is part of victimological prophylaxis.

Keywords: observation, professionally significant quality, perception, ability, observation.

PERKOV Artem Alexandrovich — teacher of chair Criminal law, criminology and psychology Orel law Institute The interior Ministry of Russia named after V. V. Lukyanov. 302027, Orel, Ignatovstreet, 2.
E-mail: artperk@mail.ru.

Дата поступления статьи в редакцию: 17.07.2019.

Шестаков Д. А.
Дикаев С. У.
Данилов А. П.

ЛЕТОПИСЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО КЛУБА. ГОД 2018 (Часть 2)

Продолжение. Начало см. в предыдущем номере

В 2018 году Санкт-Петербургский международный криминологический клуб провёл четыре научные беседы: «К единому праву противодействия преступности», «Преступность сфер науки и образования», в том числе две международные — «Преступность миграционных процессов», «Криминология — уголовное право — право безопасности: схватка или единение?».

Ключевые слова: Санкт-Петербургский международный криминологический клуб, криминология закона, криминология сфер науки и образования, преступность миграционных процессов.

ПРЕСТУПНОСТЬ СФЕР НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ (14 сентября 2018 года)

С докладом «Проблема качества криминологических исследований (истoki и симптомы болезни)» выступил В. Е. Квашиш — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Москва, Россия).

Беседу вёл заместитель президента Клуба А. П. Данилов. На неё собрались криминологи из Калининграда (Россия), Москвы (Россия), Санкт-Петербурга (Россия).

В обсуждении доклада участвовали: А. Л. Гуринская, А. П. Данилов, В. С. Комарницкий, С. Ф. Милоков, В. С. Харламов, Д. А. Шестаков.

В. Е. Квашиш (Москва, Россия)

**Проблема качества
криминологических исследований
(истoki и симптомы болезни)**

Значение криминологической науки в современной жизни объективно

возрастает, что обусловлено, главным образом, растущей криминализацией общественных отношений и процессов, происходящих практически во всех сферах общественной жизни. Она неизбежно ведёт к стагнации в экономике, деградации культуры, образования и науки, росту общего абсурда происходящего. С другой стороны, технологическое развитие общества стремительно ускоряется, оно уже живёт в условиях новой, цифровой реальности. Криминология призвана создать методологические основы для ответов на сложные вызовы. Отсюда растёт потребность в объективности и достоверности научного знания, без которых наполнение криминологической информации интеллектуальным содержанием невозможно.

Развитие криминологии, как и любой науки, предполагает владение навыками

и приёмами анализа, основами методологии и современными методиками исследований. Успешно ли справляются с этими задачами те, кто проводит криминологические исследования? Анализ таких исследований в научном и прикладном аспектах не позволяет ответить на этот вопрос положительно. Общее негативное состояние современной криминологической мысли обусловлено комплексом взаимосвязанных причин. Трансформации и мутации качества многих исследований находятся в русле негативных изменений в общественной жизни. Они соответствуют общему тренду к застою и деградации, дилетантизму и снижению качества любой, в том числе, и научной продукции.

Указанный тренд во многом обусловлен абсурдной бюрократизацией управления отечественным образованием и наукой, в том числе, разрушительными установками на количественный рост публикаций, учёт их формализованных показателей (в качестве критериев оценки научной продукции), которые породили погоню за числом публикаций, индексами цитирования и т. п., во многом вынужденные девиации в сфере научного творчества.

В этих условиях особенно заметными стали поверхностность анализа и некомпетентность «специалистов», наукообразие, непонимание сложного характера взаимосвязей между явлениями и процессами в обществе, а отсюда — формулирование банальных, зачастую юридически неграмотных выводов и рекомендаций, дискредитирующих криминологию как науку, снижающих её востребованность практикой. Сказанное об уровне публикаций, разумеется, полностью относится и к снижению качества многих, в том числе, докторских диссертаций. Криминологическая литература сегодня сильно инфицирована. Задача учёных — *противостоять профанации криминологической науки и остановить поток наводнившей литературу контрафактной продукции.*

Истоки идиотизма ситуации и в том, что ценность гуманитарного знания в России оказалась вытесненной на периферию общественного спроса. Причины

этого явления связаны не столько с усилиями управленцев-технократов, сколько с общей деградацией и деградацией культуры.

Поразивший страну «симптом культурного иммунодефицита», разумеется, не мог обойти стороной и криминологическую науку. Одно из его проявлений — отсутствие культуры исследований и этики публикаций. Во многом они связаны и с «провинциальностью», усугубляющей названные негативные процессы. Важно отметить, что в нашем понимании, провинциальность исследований и исследователей вовсе не является понятием географическим. Наоборот, развитие криминологии вовсе не является прерогативой столиц. Более того, актуальные проблемы этой науки сегодня наиболее интенсивно разрабатываются именно на периферии страны, куда смещаются центры криминологической мысли (Н. Новгород, Екатеринбург, Омск, Владивосток). Провинциальность — это не только отсутствие научной базы и научной культуры; это и наукообразность, и пренебрежение к терминологическому аппарату, графомания и назойливый самопиар, отсутствие чувства меры, вкуса и самоиронии, порой порождающие манию величия. Не случайно в литературе последних лет накопилось так много «щумов и спама».

На этом общем фоне обращает на себя внимание терминологическая пестрота и разобщённость исследований. Между тем терминология определяет понимание предмета и реакцию на него. Выбор терминологии и её единство крайне важны и потому, что за терминологическими различиями, как показывает практика, нередко стоят расхождения концептуальные.

Д. А. Шестаков

(Санкт-Петербург, Россия)

О рынке диссертаций, синдроме пчелиной матки и не только

Виталием Ефимовичем Квашисом была высвечена связь неблагоприятных проявлений преступноведения (криминологии) в сегодняшней России с, по меньшей мере, пренебрежительным отношением наших властей к конкретно

гуманитарному знанию. Отсюда возникает вопрос: «Заинтересованы ли нынешние российские власти в углублении гуманитарного криминологического знания?».

Участники беседы справедливо говорили о необходимости остановить нарастающий поток торговли диссертациями. Ныне об этом много пишут. Вот и известный преступновед А. И. Долгова называет уродливыми распространившееся «списывание» или изготовление по заказу курсовых, дипломных работ, а также диссертаций, их активное продвижение¹. А я бы ещё раз коснулся вопроса о «низком качестве услуг» на рынке диссертаций.

Сведения в тесных сообществах, в том числе научных, быстро распространяются. Все обо всех всё знают — закон всеобщей осведомлённости. Если, например, в небольшой деревне совершено убийство, то безотносительно к тому, раскрыто ли оно полицией, односельчанам обычно бывает известно, кто убил. Так и в области науки, многие работники не только понимают, но достоверно знают, если кто-либо купил, а не сам написал диссертацию. Знают, и какое из «творческих сообществ», торгующих диссертациями (их немного), написало, обеспечило защиту, протасило диссертацию через ВАК. Не составляют тайны имена непосредственно написавших, нередко те же люди выступают в качестве оппонентов, что увеличивает извлекаемую прибыль.

Казалось бы, кому какое дело? Спрос порождает предложение. Сейчас такое торговое время, продаётся всё, что покупается! Говорят также, дескать, творческие люди безмянно делают науку, и не надо им мешать зарабатывать своим трудом на хлеб.

Как бы не так... Ведь качество написанных не для себя, а на продажу диссертаций другое, оно совсем-совсем никудышное. Рыночная диссертация представляет собой смесь компиляции и плагиата, нечто вроде борща из позапрошлогодней свёклы со свежей украденной сметаной. Борщ этот непременно

щедро «наперчивается» ссылками на публикации самих продавцов. Торговля диссертациями засоряет науку, вводит в заблуждение, «*заблуждает*» молодое поколение в её, увы, не всегда чистых дебрях.

По ходу беседы были высвечены трудности, которые возникают при внедрении в жизнь предложений, исходящих из отраслевой криминологии.

Так, В. С. Харламов очень кстати показал некоторые из проблем в области законодательной регламентации противодействия внутрисемейным насильственным преступлениям². А. В. Комарницкий в русле темы беседы говорил о продвижении в России идеи ювенальной юстиции³.

Зашла речь на беседе и о терминологическом многообразии. А. П. Данилов логично и убедительно высказался о необходимом сопровождении развития науки сопутствующим понятийным аппаратом. Таковое, вопреки всем трудностям, в России наблюдается как в общей преступноведческой теории, так и в отраслевом преступноведении. Убедительны его доводы и в пользу предпочтительного употребления в науке русскоязычных терминов⁴.

Наука естественно влечёт вместе с собой развитие языка, не только какого-то условного латинизированного, но и национального. Например, после того как преступноведение осознало, что преступность — это не сумма преступлений, а некий общественный процесс (может быть, свойство общества воспроизводить множество преступлений), нелепо говорить о её «предупреждении». Упредить можно преступление, но как можно предотвратить то, что уже существует? Сегодня несуразно звучит и словосочетание «организованная преступность».

² Харламов В. С. Противодействие внутрисемейным насильственным преступлениям (на материалах Санкт-Петербурга). СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2007. С. 112.

³ Комарницкий А. В. Основы ювенального права. СПб. : Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, 2011. С. 87—108.

⁴ Данилов А. П. Словарный запас преступноведения: засорение или необходимое развитие? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2018. — № 3 (50). — С. 39—41.

¹ Долгова А. И. Преступность, её организованность и криминальное общество. М. : Российская криминологическая ассоциация. 2003. С. 541.

Русский язык — наше оружие, в том числе в области политического преступноведения. Надо заботиться о его самобытном развитии, о его *заточке*.

С. Ф. Милюков
(Санкт-Петербург, Россия)
*От криминопедагогики
к криминологии науки*

Всецело разделяю мнение основного докладчика, видного отечественного криминолога В. Е. Квашиса о том, что в современной России возрастает криминализация всех сфер общественной жизни, в том числе деградирующих образования и науки. Нам неоднократно приходилось высказываться на этот счёт на беседах в нашем Клубе, предлагая направить усилия криминологов на формирование криминопедагогики — новой отрасли отечественной криминологии (преступноведения)¹.

Происходящие в нашем школьном просвещении процессы, увы, не дают оснований даже для осторожного оптимизма. Делаются энергичные усилия по дальнейшей дискредитации учителей как самостоятельных и определяющих фигур учебного процесса, превращая их в рутинных операторов разного рода ЭВМ, загружая составлением бесчисленных программ, отчётов, прочих никому в сущности (кроме проверяющих) не нужных методических документов. В старших классах идёт откровенное натаскивание учеников на сдачу пресловутого ЕГЭ. Бумажные книги заменяются электронными, хотя авторитетные исследователи указывают, что запоминание прочитанного при пользовании бумажными носителями не менее чем на 7 % выше, чем то, что ученик видит на мерцающем экране.

Эти же злокачественные процессы продолжаются и высшей школе. Удручает то обстоятельство, что студенты не знают порой элементарных вещей по истории России и зарубежных стран, не ориентируются на этих пространствах географически, не знают многих классических

произведений литературы, живописи, музыки, не осведомлены о событиях внутри страны и внешнеполитической жизни.

Под маркой обновления библиотечных фондов уничтожаются книги (не только учебники, но и монографии, сборники материалов научно-практических конференций) и журналы, на их приобретение выделяется всё меньше средств, мнение кафедр и отдельных преподавателей о качестве приобретаемых новинок игнорируется.

Производятся даже, что называется, ритуальные действия — новейшие методические директивы запрещают (!) употреблять сам термин «студент».

Массивное давление происходит и на науку, в том числе юридическую. Её роль стремятся низвести до роли служанки законодателя и высших звеньев правоохранительной системы (прежде всего судов). Хорошо известен расцвет плагиата при массовом изготовлении кандидатских и докторских диссертаций. Большинство таких подделок изготавливается компьютерным способом и не влечёт приращения научного знания. Если 40—50 лет назад (при отсутствии возможности дистанционного ознакомления с текстами) успевающие студенты знали имена практически всех докторов юридических наук, названия их основных произведений и главные научные идеи, то сейчас вузовским педагогам мало что говорят фамилии ряда докторов наук, даже если они имеют высокие рейтинговые показатели (индекс Хирша и др.).

Следует согласиться с докладчиком в том, что обрисованные и иные негативные процессы должны изучаться криминологией, которая призвана дать надёжные рецепты излечения этих социальных болезней. Поэтому формирование криминологии науки как новой отрасли преступноведения представляется нам вполне обоснованной и продуктивной мерой реагирования на искусственно моделируемый кризис вузовской и вневузовской наук.

В. Н. Фадеев (Москва, Россия)
Развитие криминологии будущего

В ходе либеральных реформ в России 1990-х годов различные социальные институты общества пересмотрели своё

¹ Летопись Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Год 2011 // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2012. — № 1 (24). — С. 90—91; Милюков С. Ф. Правовое невежество как злокачественная угроза национальной безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2016. — № 4 (43). — С. 29—32.

отношение к науке. Следствие этого — общесистемный кризис в науке, особенно гуманитарной, предметом которой является человек.

В последние десятилетия свёрнуты многие криминологические исследования, снижается их качество. Минимизирована роль очной формы подготовки научно-педагогических кадров, практически до нуля опустили роль докторантуры, «...фактически угробили аспирантуру в академических институтах...» (академик РАН В. С. Кашин).

Криминологию «отодвинули» от поиска и выявления субъектов, ответственных за развитие преступности, дали возможность поделить её на «научные делянки», «деляночки» и совсем «узкие полоски». Из-за этого мы получаем массу пустых диссертаций, вал наукообразных, но никчёмных публикаций, надуманных исследований. В результате — всё попросту в «никуда» или в бездонную «чёрную дыру», полная безответственность за то, что делается в криминологии, происходит со страной и народом!

А. П. Данилов
(Санкт-Петербург, Россия)
Словарный запас

***преступноведения: засорение
или необходимое развитие?***

Виталий Ефимович в своём докладе о проблемах качества криминологических исследований обозначил видимые ему трудности современной науки. Остановлюсь на одном из намеченных им направлений — терминологической пестроте, причина которой, по его мнению, — «провинциальность» науки.

Под «провинциальностью» он понимает — отсутствие научной базы и научной культуры, наукообразность и пренебрежение к терминологическому аппарату. На этом общем фоне, замечает В. Е. Квашис, «обращает на себя внимание терминологическая пестрота и разобщённость исследований. Между тем терминология определяет понимание предмета и реакцию на него. Выбор терминологии и её единство крайне важны и потому, что за терминологическими

различиями, как показывает практика, нередко стоят расхождения концептуальные»¹.

Соглашусь с докладчиком в том, что пренебрегать терминологическим аппаратом не следует. Тем не менее, терминологическая пестрота, критикуемая им, является, по моему мнению, в том числе признаком развития науки, движения её вперёд. Изучая свойство общества воспроизводить преступления², расширяя границы познания, исследователи предлагают новые определения, тем самым теоретически обогащают криминологию. В дальнейшем из множества терминов, описывающих одно и то же явление, в употреблении останется лишь несколько, а, может быть, и одно, наиболее точно подходящее к изучаемому объекту (явлению и т. п.).

В не меньшей степени важно и то, что отдельные российские учёные используют родной язык, успешно обходясь без тяжеловесных, трудно воспринимаемых англоязычных слов. Употребляют для облегчения понимания читающих образы из русской литературы. Чего только стоит взятый С. Ф. Милюковым для описания криминогенных явлений в сфере здравоохранения чеховский образ «Ионыча»³, к сожалению, в ущерб нам ныне незаслуженно забываемый.

Подчеркну: отмеченное В. Е. Квашисом «вытеснение гуманитарного знания в России на периферию общественного спроса, связанное с общей деградацией и деградацией культуры», можно преодолеть, вернувшись к своим истокам, в том числе языковым. Не зря у одного из народов России есть ёмкая пословица: «Забудешь родной язык — забудешь мать родную».

«Преступноведение», «воробогачи» и многие другие термины — это не засорение, а развитие науки о преступности,

¹ Сайт Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. URL: <http://www.criminologyclub.ru/home/2-forthcoming-session/331-2018-03-28-15-43-21.html> (дата обращения: 11.09.2018).

² Шестаков Д. А. Криминология : краткий курс. Преступность как свойство общества. СПб. : «Лань», 2001. 264 с.

³ Милюков С. Ф. Врачи-отравители или нашествие «Ионычей»: сможем ли устоять перед ним? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2016. — № 3 (42). — С. 58—60.

способствующее возрождению российской культуры в целом.

О. В. Караченцев
(Калининград, Россия)

**Криминологические аспекты
качества среднего образования**

Так как я являюсь представителем педагогического сообщества — преподавателем средней школы, мне хорошо известны проблемы общей деградации молодёжи.

В. Е. Квашис справедливо отмечает, что криминализация всех сфер общественной жизни неизбежно ведёт к деградации культуры, образования и науки¹. Фактически государство поддерживает маргинальные социальные общности и уклоняется от помощи талантливой молодёжи и её родителей.

Как замечает Д. А. Шестаков, «преподаватели, включая профессуру, задавлены небывалым опущением заработной платы с одновременным взваливанием на их плечи никому не нужных заданий по формализации учёбы: бесконечно

меняющиеся поколения «учебно-методических комплексов» и т. п. При этом происходит увеличение нагрузки до такого уровня, когда не остаётся времени для подготовки к лекциям и занятиям, для совершенствования их содержания»². Добавлю, что это проблема не только высшей, но и средней школы, где, кроме того, отмечается острый дефицит детей, способных по её окончании поступить в высшие учебные заведения. Лишь 15—20% выпускников 9-х классов идут 10-й класс.

На фоне этой тенденции наблюдается уменьшение числа преступлений несовершеннолетних. Однако в трёх субъектах РФ (Иркутской, Челябинской, Свердловской областях) данный показатель из года в год имеет тенденцию росту. Обратившись к статистическим данным о численности населения в возрасте от 14 до 18 лет, можно заметить, что количество данных лиц вплоть до 2016 года неуклонно сокращалось³. Резонно предположить, что в связи с этим уменьшается и число преступлений, совершаемых ими.

**КРИМИНОЛОГИЯ — УГОЛОВНОЕ ПРАВО —
ПРАВО БЕЗОПАСНОСТИ: СХВАТКА ИЛИ ЕДИНЕНИЕ?
(12 октября 2018 года)**

С докладами выступили: Д. А. Шестаков — доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия), тема доклада «На пути от «права безопасности» к единому законодательству о противодействии преступности»; Х.-Й. Альбрехт — доктор права, профессор, директор Института зарубежного и международного уголовного права им. М. Планка (Фрайбург, ФРГ), тема доклада «Криминология безопасности и опасности»; Й. Арнольд — доктор права, профессор, руководитель исследовательской группы Института зарубежного и международного уголовного права им. М. Планка (Фрайбург, ФРГ), тема доклада «К соотношению (уголовного) права, безопасности и свободы в виду преобразований безопасности, понимания «угрозы»,

а также судебной практики Федерального конституционного суда».

Беседу вёл заместитель президента Клуба А. П. Данилов. На неё собрались криминологи из Баку (Республика Азербайджан), Санкт-Петербурга (Россия), Фрайбурга (ФРГ).

Д. А. Шестаков
(Санкт-Петербург, Россия)
**От «права безопасности»
к единому законодательству
о противодействии преступности**

В российском преступноведении проблемой мер безопасности занимаются

¹ Беседа «Преступность сфер науки и образования» 14 сентября 2018 года. URL: <http://www.criminologyclub.ru/the-last-sessions/343-2018-09-15-08-51-39.html> (дата обращения: 15.09.2018).

² Шестаков Д. А. Разрушение науки и образования как толчок для преступноведческой теории // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2017. — № 4 (47). — С. 16.

³ Аликова О. П. Анализ динамики и тенденций состояния преступности несовершеннолетних // Электронный научно-практический журнал «Молодёжный научный вестник». — Апрель 2017 г.

уже свыше 20 лет¹. В моём понимании мера безопасности — это причинение чрезвычайного вреда (лишение жизни, здоровья, свободы, разрушение имущества), не основанное на установленном судом совершении преступления, но решающее задачу устранения угрозы, нависшей над государствами, государством, обществом либо над отдельными людьми.

На сей день видятся нижеследующие разновидности мер безопасности: 1) меры безопасности против международной агрессии; 2) уничтожение предполагаемых особо опасных преступников, чьё преступное поведение не установлено судом; 3) правила лишения жизни невиновных людей «заодно» с опасными преступниками; 4) лишение жизни либо здоровья людей, попросту неугодных государству; 5) пытки; 6) всеобъемлющее нарушение тайны общения; 7) причинение от имени государства вреда преступникам, назначаемое судом на основании отрицательных их личностных особенностей, а не совершённого ими преступления; 8) запрет на посещение места жительства поссорившемуся супругу; 9) меры безопасности, «освобождённые» по уголовному законодательству от ответственности.

Не все меры безопасности, даже если они установлены законом, по существу являются правовыми. Вот почему на сей день рано ещё говорить о сформировавшемся праве безопасности (*Sicherheitsrecht*). Меры безопасности всё более заметно теснят уголовное право извне и внутри него, размывая ценности правового государства. В этом процессе находит отражение заземлённая, «обывательская» готовность дать безопасности предпочтение перед свободой.

Потребность в качественно новом международном уголовном суде. В связи с мерами безопасности против международной агрессии нужен новый *международный уголовный суд, задачей которого стала бы выдача заключений о соответствии нормативных актов и иных*

решений государственных властей, а также международных соглашений, с одной стороны, утвердившимся нормам и принципам международного уголовного права, с другой стороны.

Ещё раз о праве противодействия преступности (ППП). В качестве *средства безопасности против мер безопасности* мною предлагается модель единого законодательства о противодействии преступности. Согласно этой модели, в рамочном законе «Основы законодательства о противодействии преступности» устанавливаются общие положения и принципы. В соответствии с Основами принимаются *новые кодексы*: Кодекс предупреждения преступлений и ресоциализации; Кодекс мер безопасности, Кодекс уголовной ответственности молодёжи (несовершеннолетних?) и восстановления её положения в обществе. Соответственно Основам должно произойти взаимопроникновение установлений новых кодексов с прежними: Уголовным, Уголовно-процессуальным, Уголовно-исполнительным.

Задачи единого законодательства о противодействии преступности (ЕЗПП). Объединение принципов, целей и задач ЕЗПП обеспечило бы его единство. Основы должны определить направление совершенствования этого пласта законодательства, не позволяя его подотраслям ни разойтись в стороны, ни разрешить им себе слишком многое.

Основы позволяют выстроить лестницу значимости: некарательное предупреждение преступлений; наказание; обеспечение безопасности при чрезвычайных обстоятельствах. Таким образом, будет исключено первенство уголовно-правовых мер и тем более мер безопасности в деле противодействия преступности.

В Основах должна быть записана неприемлемость призыва к «двунаправленности» мер против преступности. Суть этого призыва, как известно, такова: тех, кто поопаснее, кто потрясает устои, очень надолго лишит свободы, с другими же преступниками пускай разбирается не государство, а сам народ.

Основы должны очертить пределы дозволенного собственно государству — не только в назначении уголовного

¹ Щедрин Н. В. Введение в правовую теорию мер безопасности : монография. Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1999; Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности: монография / под науч. ред. Н. В. Щедрина. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2010.

наказания, но и во всех прочих разновидностях противодействия преступности. В них надо установить запрет на уничтожение захваченного воздушного или водного судна, если на судне имеются иные, кроме захватчиков, люди.

От Основ ожидается выставление заслона принятию преступных, в том числе криминогенных законов¹.

К принципам ЕЗПП. Пока в первом приближении назову следующие принципы:

- 1) взаимоувязка, взаимодополнение и взаимопроникновение² подотраслей (5 кодексов) ЕЗПП;
- 2) минимизация репрессии;
- 3) под страхом уголовной ответственности запрет на причинение мерами безопасности третьим лицам смерти, вреда здоровью, иного невосполнимого вреда;
- 4) сопровождение ряда уголовно-правовых установлений и мер безопасности сопутствующей им социальной, образовательной, психологической, педагогической, медицинской поддержкой лиц, совершивших преступление, а также потерпевших от преступления или третьих лиц, пострадавших от применения меры безопасности. Эта сопутствующая помощь регламентируется в Кодексе предупреждения преступлений и ресоциализации.

Й. Арнольд (Фрайбург, ФРГ)

К соотношению (уголовного) права, безопасности и свободы в виду преобразований безопасности, понимания «угрозы», а также судебной практики Федерального конституционного суда

Размышлениям о взаимосвязи (уголовного) права, безопасности и свободы предпослано некоторые замечания автобиографического характера. Моя начальная юридическая социализация (учёба, работа в сферах уголовной юстиции, а также уголовно-правовой науки) проходила

в ГДР — в округе Дрезден, и в Берлине. В возрасте 34 лет я перешёл в знаменитый Институт зарубежного и международного уголовного права им. Макса Планка (Фрайбург, ФРГ). Это изменение в моей личной жизни совпало по времени с изменением немецкой политической системы: крахом ГДР и её объединением с ФРГ.

Сначала данное объединение воспринималось или, лучше сказать, представлялось, как смена государства-безопасности — ГДР — на демократическое, либеральное правовое государство — ФРГ.

В ГДР безопасность, в определённом смысле, стояла выше права. Деятельность государства по обеспечению безопасности была направлена, прежде всего, на защиту населения от преступлений, защиту государства от вражеских нападений как внутренних, так и внешних и, не в последнюю очередь, на обеспечение социальной безопасности. Такое государственное представление безопасности в основном совпадало со связанными с безопасностью представлениями и ощущениями населения. Право в ГДР было ориентировано именно на это представление.

Право не являлось гражданским правом буржуазно-демократического правового государства, поскольку ГДР и декларативно, и фактически таким государством не было. В Конституции ГДР слово «безопасность» мы находим только в словосочетании «правовая безопасность». Что касается прав личности, Конституция подчёркивает социальные права, а не права политические, права на свободу. Это соответствовало образу человека в государственном социализме ГДР, исходившему из понимания человека, как «коллективного существа», развивающегося как часть государства всеобщего благосостояния.

В таком контексте развития политическим правам и правам на свободу личности гарантированного места в жизни общества не было. В системно-имманентной логике права на свободу личности могли бы стать помехой для социалистического общества. Намного важнее политических прав и прав на свободу личности

¹ О преступном законе см.: Шестаков Д. А. Криминология. Преступность как свойство общества. Краткий курс. СПб. : Санкт-Петербургский университет ; изд-во «Лань», 2001. С. 22.

² Например, обстоятельства, исключаящие ответственность по уголовному законодательству.

была безопасность государства. Если она была обеспечена, то — такова логика — можно было гарантировать и социальную безопасность граждан в рамках обязательств государства-безопасности по достижению всеобщего благосостояния.

Лишь после 1985 года стали созреть более либеральные взгляды. Это было связано с ведущейся дискуссией относительно причин преступности при социализме. Толчок обсуждению дал вопрос: «Не имеет ли преступность в ГДР, помимо влияния ФРГ, и существенных собственных причин: внутренних, присущих социалистической системе?». Не в последнюю очередь дискуссия о причинах преступности в ГДР возникла также и в связи с появившимися под влиянием гласности и перестройки размышлениями о возможности перестроить на основе более либерального и гуманного социализма общественные отношения в ГДР.

Но вот уже 28 лет существует Германия как объединённое государство, а ГДР больше нет. С этим я связываю и процессы моей личностной трансформации, обучения, не в последнюю очередь также и в юридическом плане.

Новый внутриполитический импульс дебатам о безопасности дало нападение террористов на Всемирный торговый центр в США 11 сентября 2001 года. С этого времени понятия «безопасность» и «терроризм» конкурируют между собой по частоте их использования. Следует признать, отрицать террористическую угрозу — пусть смешанную и разделённую — нельзя. Но нельзя и закрывать глаза на то, что она играет роль троянского коня в демонтаже правового государства — причём в общеевропейском измерении. Это, так или иначе, признаётся в немецкой науке.

Н. В. Щедрин
(Красноярск, Россия)

Тезисы о праве безопасности

Человеческая история — это драма, в которой средства защиты превращаются в источники опасности, для защиты от которых создаются новые средства, которые вновь становятся опасными. Один из парадоксов современности

состоит в том, что никогда ещё человечество не имело столько разнообразных и мощных средств защиты и никогда еще не стояло так близко у порога, за которым уже ничто не спасёт. Мы просто обязаны осознать, что «наступила новая фаза развития цивилизации, в которой первой и главной целью людей должно стать уже не столько удовлетворение непрерывно растущих материальных потребностей, как было всегда до сих пор, сколько всестороннее обеспечение безопасности своей жизнедеятельности»¹.

Этот глобальный вызов обращён и к юридическим наукам. Моя рабочая гипотеза состоит в том, что право в целом является правом безопасности, что вовсе не исключает большей значимости в этом деле отдельных отраслей (уголовное право) и межотраслевых институтов (меры безопасности).

Правовое обеспечение безопасности осуществляется посредством нормирования. Правовая норма состоит из гипотезы, диспозиции и санкции. В диспозициях сформулированы правила поведения, которые подразделяются на технологические правила и правила безопасности². К последним относятся правила, которые установлены по поводу защиты объектов охраны и обращения с источниками опасности.

Конечная цель уголовно-правового регулирования — антикриминальная безопасность, то есть поддержание состояния защищённости провозглашённых Конституцией РФ ценностей (объектов особой охраны) от наиболее опасных посягательств (источники особой опасности). Для этого в диспозициях статей Особенной части УК РФ устанавливаются правила особой безопасности (не убий, не укради...), а к нарушителям применяются уголовные санкции наказания (Strafe), безопасности (Sicherungsmassnahmen) и восстановления (Wiedergutmachung)³. В уголовном праве, как, впрочем,

¹ Панарин С. Безопасность и этническая миграция в России // Pro et Contra. — 1998. — Т. 3 № 4. — С. 6.

² Тер-Акопов А. А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. М.: Юрид. лит., 1995. С. 24.

³ Щедрин Н. В. Концептуально-теоретические основы мер безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2013. — № 4 (31). — С. 26–40.

и в других отраслях, меры безопасности представлены в виде правил и санкций безопасности.

Все отрасли и институты права — это сложная система «сообщающихся сосудов». Признано, что значительная часть (я полагаю, что практически все) диспозиций уголовно-правовых норм являются бланкетными. Иными словами, при решении вопроса о том, имело ли место нарушение правил особой безопасности, криминалисты вынуждены обращаться к нормам иных отраслей права, где предписаны соответствующие правила безопасности — бытовые, производственные, антикоррупционные, антитеррористические, миграционные и т. п. В институтах необходимой обороны, крайней необходимости, задержания преступника сформулированы общеправовые правила безопасности. Соблюдающих указанные правила следует поощрять (в т. ч. освобождением от наказания), и, наоборот, нарушители должны преследоваться. Категоричное требование уничтожать захваченное воздушное или водное судно без учёта правил крайней необходимости является неправомерным.

Обществу навязывается догматическая дилемма — «или безопасность, или свобода». Правильная постановка задачи диалектична — «и безопасность, и свобода». Вряд ли можно признать безопасным государство, где попираются права и свободы граждан. Устойчивой, а значит безопасной, следует считать только такую социальную систему, в которой обеспечен баланс индивидуальных, групповых, национальных и общечеловеческих интересов.

Свобода не абсолютна. Ещё Цицерон говорил: «Мы должны быть рабами закона, чтобы стать свободными»¹. Более благоприятные условия для обеспечения безопасности через минимально необходимые ограничения прав и свобод существуют в правовом государстве. Меры безопасности хороши в меру, которая должна быть чётко обозначена в праве. Вред, причиняемый ограничениями безопасности, должен быть меньше, чем вред предотвращаемый. В этой связи чрезвычайно актуальной становится разработка

пределов мер безопасности во времени, в пространстве и по кругу лиц, а также оснований и процедур их применения².

Нормы безопасности (правила и санкции) содержат отрасли как частного, так и публичного права. В гражданском праве к ним относятся, например, институты дееспособности, неосновательного обогащения, в административном праве — специальные режимы оборота оружия, чрезвычайных ситуаций, досмотра авиопассажиров и багажа, пограничных зон, закрытых административно-территориальных образований, в трудовом и служебном праве — производственная безопасность, антикоррупционные запреты и обязанности.

Не стоит ломать исторически сложившуюся специализацию институтов и отраслей права. Необходима лишь более мощная их артикуляция на обеспечение безопасности. Для этого нужно двигаться сразу в двух направлениях: а) более жёсткая защита объектов особой охраны, которые закреплены в Конституции РФ и ратифицированных Россией международных правовых актах (права и свободы граждан, народовластие, разделение властей...); б) отказ от приоритетной защиты интересов несоразмерно трудовому вкладу богатейшей элиты. Вопиющее неравенство людей, социальных групп и государств опасно, так как оно усиливает неравновесность социальных систем и чревато социальными катаклизмами: войны, революции, перевороты, массовые миграции.

Правила безопасности — главная составляющая публичного международного права. Наряду с совершенствованием материально-правовой основы международной безопасности, чрезвычайно актуальна задача создания процедурных и исполнительных механизмов реализации международно-правовых мер безопасности. Но такое движение возможно только в случае преодоления национально-эгоистических настроений, которые провоцируются в интересах провластных элит. Рано или поздно это придётся сделать, иначе человеческая цивилизация прекратит своё существование уже в XXI веке.

¹ Ванян А. Б. Афоризмы о юриспруденции. М., 1999. С. 240.

² Щедрин Н. В. Пределы предупредительной деятельности // LexRussica. — 2018. — № (142). — С. 39—55.

Поскольку меры безопасности имеют ярко выраженный криминально-предупредительный эффект, а их чрезмерное использование общественно опасно, исследование этого межотраслевого института — одна из основных задач криминологии. Именно криминология призвана разрабатывать рекомендации для криминализации, то есть для особой защиты подлинных устоев современной цивилизации, а также для декриминализации деяний, которые необоснованно возведены в ранг преступных. Надеюсь, что именно криминологи первыми откликнутся на социальный заказ и создадут алгоритм соразмерения причиняемого и предотвращаемого мерами безопасности вреда.

А. П. Данилов
(Санкт-Петербург, Россия)
«Право безопасности»
против уголовного права

Нет суверенных государств. Миром правят представители глобальной олигархической власти (ГОВ). В одних странах они занимают сильные, в других — очень сильные позиции. Для обеспечения контроля над государствами ГОВ изменяет социальные институты так, как того требует ситуация. Не является исключением и уголовное право, которое всё более вступает в коллизию с «правом безопасности».

Не существует объективных оснований (угрожающих ситуаций) для перехода от традиционного уголовного права к так называемому террористическому уголовному праву. Обеспечение безопасности не может выступать в качестве основания для смещения акцента в уголовном процессе от судебного разбирательства к расследованию с применением скрытых методов такового, развития террористического уголовного права, превентивных войн (войн возмездия), нарушающих международное право.

Обоснование расширения границ уголовного права — эффективное противодействие терроризму, преступлениям мигрантов — выдуманно ГОВ и внедрено в сознание людей, фактически оно навязано населению. Сама ГОВ создаёт и управляет угрожающими ситуациями

(международным терроризмом, глобальным переселением народов и др.). Ей необходимы и положения о «лице, представляющем опасность».

Так, Ассоциацией руководителей Федерального и Земельных управлений уголовной полиции ФРГ в 2004 году было сформулировано определение «лицо, представляющее опасность». В соответствии с ним, лицо является таковым в том случае, если определённые связанные с ним факты оправдывают *предположение* о возможности совершения им политически мотивированных, уголовно наказуемых преступлений высокой степени значимости, в частности, в смысле § 100а Уголовно-процессуального кодекса ФРГ.

Категория «лицо, представляющее опасность» находится за пределами традиционного уголовного права, вступает в противоречие с его основополагающим принципом — принципом вины. По-видимому, ГОВ, влияя на законодателей, будет стремиться назвать «лицом, представляющим опасность» тех, кто потенциально угрожает её порядку. Как следствие, видя всё укрепляющиеся позиции ГОВ, стоит ожидать дальнейшего развития норм о данном лице.

Считаю, что в качестве важной меры, противодействующей угрожающим ситуациям, укрепляющей традиционное уголовное право, ослабляющей позиции ГОВ, выступает предложенное Д. А. Шестаковым единое законодательство о противодействии преступности (ЕЗПП). Оно состоит из рамочного закона «Основы законодательства о противодействии преступности» и группы новых кодексов: «Кодекс о предупреждении преступлений и ресоциализации», «Кодекс мер безопасности», «Кодекс уголовной ответственности и ресоциализации молодёжи (несовершеннолетних) и восстановления её положения в обществе»¹.

В Основах законодательства о противодействии преступности предполагается предусмотреть его принципы. Один из них точно устраняет угрозу традиционному уголовному праву со стороны «права безопасности». Это принцип

¹ Шестаков Д. А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2013. — № 1 (28). — С. 50.

соразмерности меры воздействия и предотвращаемой ею угрозы.

Как российским, так и немецким законодателям, придерживающимся государственных, а не глобалистских убеждений, понимающим факторы возникновения угрожающих ситуаций, было бы целесообразно присмотреться к модели ЕЗПП и претворить её в жизнь. Странам требуется не право безопасности, а ЕЗПП. Но его можно принять только в правовом государстве — государстве, в котором власть принадлежит народу, а не глобальной олигархической власти.

Н. А. Крайнова

(Санкт-Петербург, Россия)

Место ресоциализации

в системе единого законодательства о противодействии преступности

Идея реализации мер безопасности, как элемента уголовной политики, в российской уголовно-правовой доктрине не нова. Наиболее известны в данной области труды Н. В. Щедрина и Д. А. Шестакова. Н. В. Щедрин в своих последних работах отмечает наличие концептуального кризиса в понимании идей классической школы уголовного права и необходимости их корректировки. Д. А. Шестаков привлёк внимание к рассмотрению данной проблемы в свете так называемого права безопасности и впервые в российском преступноведении поставил вопрос о конфликте мер безопасности с основами правового государства, в частности, с уголовным правом¹. Важной вехой в правовом осмыслении проблем угроз и безопасности стала состоявшаяся 1 ноября 2013 г. в Санкт-Петербургском международном криминологическом клубе беседа «Право безопасности»².

В качестве средства безопасности против мер безопасности³ Д. А. Шестаков

¹ Шестаков Д. А. Ещё раз о праве безопасности в связи с правом противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2014. — № 1 (32). — С. 13—22.

² Шестаков Д. А. [и др.]. Летопись Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Год 2014 // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2015. — № 1 (36). — С. 72—98.

³ Шестаков Д. А. О проекте кодекса предупреждения преступлений и мер безопасности //

предлагает модель единого законодательства о противодействии преступности, определённое место в которой занимает Кодекс предупреждения преступлений и ресоциализации. Поддерживая в целом идею предложенной концепции, необходимо определить в системе единого законодательства о противодействии преступности место норм о ресоциализации осуждённых.

Модель единого законодательства о противодействии преступности, предложенная Д. А. Шестаковым, основана, прежде всего, на принципе взаимопроникновения, взаимоувязки составляющих его подотраслей, позволяющем в то же время «выстроить лестницу значимости: некарательное предупреждение преступлений; наказание; обеспечение безопасности при чрезвычайных обстоятельствах. Таким образом будет исключено первенство уголовно-правовых мер и, тем более, мер безопасности в деле противодействия преступности»⁴.

Ресоциализация осуждённых относится, безусловно, к некарательному аспекту противодействия преступности. Несмотря на то, что в настоящий момент существует законодательно закреплённое определение «ресоциализация осуждённых», предусмотренное ст. 25 ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ, сколько-нибудь существенного практического эффекта данная норма не имеет.

Определяя ресоциализацию осуждённых как комплекс мер, законодатель неверно расставил акценты, что в случае возможности реального действия закона привело бы к чрезмерному сужению сферы применения данной нормы. Ресоциализацию осуждённых логично рассматривать в качестве процесса, протяжённого во времени, имеющего чётко обозначенные цели: отправной и конечный пункты. А комплекс мер следует именовать средствами ресоциализирующего воздействия (или средствами ресоциализации).

Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2018. — № 1 (48). — С. 13—20.

⁴ Шестаков Д. А. О проекте кодекса предупреждения преступлений и мер безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2018. — № 1 (48). — С. 13—20.

А. В. Никуленко
(Санкт-Петербург, Россия)
Право безопасности
в системе обстоятельств,
исключающих преступность деяния

Долгое время в отечественном уголовном законодательстве были закреплены лишь два обстоятельства, исключающие общественную опасность и противоправность деяния, — необходимая оборона и крайняя необходимость. В современном УК РФ их список расширен.

На сегодняшний день, с учётом всё нарастающих угроз со стороны различных террористических и экстремистских организаций, на первый план выходит концепция, получившая название «право безопасности».

Понятие «мера безопасности» дано Д. А. Шестаковым¹. Кроме него вопросами о мерах безопасности на протяжении длительного времени активно занимается Н. В. Щедрин². Право безопасности в некоторых случаях рассматривается в качестве возможности причинения любого вреда для обеспечения общественной безопасности и личной безопасности причинителя вреда.

¹ Шестаков Д. А. Ещё раз о праве безопасности в связи с правом противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2014. — № 1 (32). — С. 13—22.

² Щедрин Н. В. Меры безопасности как средство предупреждения преступности: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 32.

Существующие законодательные ограничения на применение силы сводят на нет возможную силовую инициативу полицейских, которые в ущерб собственной безопасности и так избегают случаев применения оружия.

Правоприменительная практика складывается таким образом, что формальное соответствие фактов причинения вреда «силовиками» Уголовным кодексом РФ даже не рассматривается. Устанавливается лишь правомерность применения силы с точки зрения «ведомственного» законодательства. Остальное (имеется в виду соответствие нормам УК) незначимо!

Однако эта вопиющая несправедливость, когда уголовное законодательство становится вторичным по отношению к «ведомственному», находит поддержку среди отдельных учёных, утверждающих, что уголовное законодательство распространяется лишь на случаи применения силы и оружия обычными гражданами³. Сотрудники правоохранительных органов должны действовать в соответствии с требованиями нормативных правовых актов, непосредственно регулирующих их профессиональную (служебную) деятельность.

³ Михайлов В. И. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. X. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / под ред. д-ра юрид. наук проф. Н. А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2016. С. 157—160 и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аликова, О. П. Анализ динамики и тенденций состояния преступности несовершеннолетних / О. П. Аликова // Электронный научно-практический журнал «Молодёжный научный вестник». — Апрель 2017 года.
2. Ваян, А. Б. Афоризмы о юриспруденции / А. Б. Ваян. — М., 1999.
3. Данилов, А. П. Словарный запас преступноведения: засорение или необходимое развитие? / А. П. Данилов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2018. — № 3 (50). — С. 39—41.
4. Долгова, А. И. Преступность, её организованность и криминальное общество / А. И. Долгова. — М. : Российская криминологическая ассоциация, 2003.
5. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности : монография / под науч. ред. Н. В. Щедрина. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2010.
6. Комарницкий, А. В. Основы ювенального права / А. В. Комарницкий. — СПб. : Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права, 2011. — С. 87—108.
7. Летопись Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Год 2011 // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2012. — № 1 (24). — С. 90—91.
8. Милюков, С. Ф. Правовое невежество как злокачественная угроза национальной безопасности / С. Ф. Милюков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2016. — № 4 (43). — С. 29—32.

9. Милюков, С. Ф. Врачи-отравители или нашествие «Ионычей»: сможем ли устоять перед ним? / С. Ф. Милюков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2016. — № 3 (42). — С. 58—60.
10. Михайлов, В. И. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. X. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния / В. И. Михайлов [под ред. д-ра юрид. наук проф. Н. А. Лопашенко]. — М. : Юрлитинформ, 2016.
11. Панарин, С. Безопасность и этническая миграция в России / С. Панарин // Pro et Contra. — 1998. — Т. 3. № 4.
12. Тер-Акопов, А. А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения / А. А. Тер-Акопов. — М. : Юрид лит., 1995.
13. Харламов, В. С. Противодействие внутрисемейным насильственным преступлениям (на материалах Санкт-Петербурга) / В. С. Харламов. — СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2007.
14. Шестаков, Д. А. Ещё раз о праве безопасности в связи с правом противодействия преступности / Д. А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2014. — № 1 (32). — С. 13—22.
15. Шестаков, Д. А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности / Д. А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2013. — № 1 (28).
16. Шестаков, Д. А. Криминология: Краткий курс. Преступность как свойство общества / Д. А. Шестаков. — СПб. : Лань, 2001. — 264 с.
17. Шестаков, Д. А. О проекте кодекса предупреждения преступлений и мер безопасности / Д. А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2018. — № 1 (48). — С. 13—20.
18. Шестаков, Д. А. Разрушение науки и образования как толчок для преступноведческой теории / Д. А. Шестаков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2017. — № 4 (47).
19. Шестаков, Д. А. Летопись Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Год 2014 / Д. А. Шестаков, С. У. Дикаев, А. П. Данилов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2015. — № 1 (36). — С. 72—98.
20. Щедрин, Н. В. Введение в правовую теорию мер безопасности : монография / Н. В. Щедрин. — Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1999.
21. Щедрин, Н. В. Концептуально-теоретические основы мер безопасности / Н. В. Щедрин // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2013. — № 4 (31). — С. 26—40.
22. Щедрин, Н. В. Меры безопасности как средство предупреждения преступности: дис. ... д-ра юрид. наук / Н. В. Щедрин. — Екатеринбург, 2001.
23. Щедрин, Н. В. Пределы предупредительной деятельности / Н. В. Щедрин // LexRussica. — 2018. — № (142). — С. 39—55.

REFERENCES

1. Alikova, O. P. Analiz dinamiki i tendentsiy sostoyaniya prestupnosti nesovershennoletnikh / O. P. Alikova // Elektronnyy nauchno-prakticheskiy zhurnal «Molodezhnyy nauchnyy vestnik». — April 2017 goda.
2. Vanyan, A. B. Aforizmy o yurisprudentsii / A. B. Vanyan. — M., 1999.
3. Danilov, A. P. Slovarnyy zapas prestupnostivedeniya: zasorenie ili neobkhodimoe razvitiye? / A. P. Danilov // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. — 2018. — № 3 (50). — S. 39—41.
4. Dolgova, A. I. Prestupnost, ee organizovannost i kriminalnoe obshchestvo / A. I. Dolgova. — M. : Rossiyskaya kriminologicheskaya assotsiatsiya, 2003.
5. Kontseptualno-teoreticheskie osnovy pravovogo regulirovaniya i primeneniya mer bezopasnosti : monografiya / pod nauch. red. N. V. Shchedrina. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2010.
6. Komarnitskiy, A. V. Osnovy yuvenalnogo prava / A. V. Komarnitskiy. — SPb. : Sankt-Peterburgskiy institut vneshneekonomicheskikh svyazey, ekonomiki i prava, 2011. — S. 87—108.
7. Letopis Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kriminologicheskogo kluba. God 2011 // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. — 2012. — № 1 (24). — S. 90—91.
8. Milyukov, S. F. Pravovoe nevezhestvo kak zlokachestvennaya ugroza natsionalnoy bezopasnosti / S. F. Milyukov // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. — 2016. — № 4 (43). — S. 29—32.

9. Milyukov, S. F. Vrachy-otraviteli ili nashestvie «Ionychey»: smozhem li ustoyat pered nim? / S. F. Milyukov // *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. — 2016. — № 3 (42). — S. 58—60.
10. Mikhaylov, V. I. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast. Prestuplenie. Akademicheskij kurs. V 10 t. T. X. Obstoyatelstva, isklyuchayushchie prestupnost deyaniya / V. I. Mikhaylov [pod red. d-ra yurid. nauk prof. N. A. Lopashenko]. — M. : Yurлитinform, 2016.
11. Panarin, S. Bezopasnost i etnicheskaya migratsiya v Rossii / S. Panarin // *Pro et Contra*. — 1998. — T. 3. № 4.
12. Ter-Akopov, A. A. Otvetstvennost za narushenie spetsialnykh pravil povedeniya / A. A. Ter-Akopov. — M. : Yurid lit., 1995.
13. Kharlamov, V. S. Protivodeystvie vnutrisemeynym nasilstvennym prestupleniyam (na materialakh Sankt-Peterburga) / V. S. Kharlamov. — SPb. : Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2007.
14. Shestakov, D. A. Yeshche raz o prave bezopasnosti v svyazi s pravom protivodeystviya prestupnosti / D. A. Shestakov // *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. — 2014. — № 1 (32). — S. 13—22.
15. Shestakov, D. A. Kriminologicheskoe zakonodatelstvo i pravo protivodeystviya prestupnosti / D. A. Shestakov // *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. — 2013. — № 1 (28).
16. Shestakov, D. A. Kriminologiya: Kratkiy kurs. Prestupnost kak svoystvo obshchestva / D. A. Shestakov. — SPb. : Lan, 2001. — 264 s.
17. Shestakov, D. A. O proekte kodeksa preduprezhdeniya prestupleniy i mer bezopasnosti / D. A. Shestakov // *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. — 2018. — № 1 (48). — S. 13—20.
18. Shestakov, D. A. Razrushenie nauki i obrazovaniya kak tolchok dlya prestupnostivedcheskoy teorii / D. A. Shestakov // *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. — 2017. — № 4 (47).
19. Shestakov, D. A. Letopis Sankt-Peterburgskogo mezhdunarodnogo kriminologicheskogo kluba. God 2014 / D. A. Shestakov, S. U. Dikaev, A. P. Danilov // *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. — 2015. — № 1 (36). — S. 72—98.
20. Shchedrin, N. V. Vvedenie v pravovuyu teoriyu mer bezopasnosti : monografiya / N. V. Shchedrin. — Krasnoyarsk : Krasnoyar. gos. un-t, 1999.
21. Shchedrin, N. V. Kontseptualno-teoreticheskie osnovy mer bezopasnosti / N. V. Shchedrin // *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. — 2013. — № 4 (31). — S. 26—40.
22. Shchedrin, N. V. Mery bezopasnosti kak sredstvo preduprezhdeniya prestupnosti: dis. ... d-ra yurid. nauk / N. V. Shchedrin. — Yekaterinburg, 2001.
23. Shchedrin, N. V. Predely predupreditelnoy deyatelnosti / N. V. Shchedrin // *LexRussica*. — 2018. — № (142). — S. 39—55.

ШЕСТАКОВ Дмитрий Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, соучредитель, президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, заведующий криминологической лабораторией Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: shestadi@mail.ru.

ДИКАЕВ Салман Умарович — доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, соучредитель Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: dikaev@mail.ru.

ДАНИЛОВ Андрей Петрович — кандидат юридических наук, заместитель президента Санкт-Петербургского международного криминологического клуба. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: danilov-a1@mail.ru.

Shestakov D. A.
Dikayev S. U.
Danilov A. P.

THE CHRONICLE OF SAINT-PETERSBURG INTERNATIONAL CRIMINOLOGICAL CLUB. YEAR 2018 (Part 2)

Abstract: In 2018, the St. Petersburg international criminological club held four scientific talks: “To the common law of combating crime”, “Crime in the fields of science and education”, including two international ones — “Crime of migration processes”, “Criminology — criminal law — security law: fight or unity?”.

***Keywords:** St. Petersburg international criminological club, criminology of law, criminology of science and education, crime of migration processes.*

SHESTAKOV Dmitriy Anatolievich — Doctor of Laws, professor; honoured scientist of the Russian Federation, co-founder, president of Saint-Petersburg International Criminology Club, head of the Laboratory of criminological at Herzen State Pedagogical University. Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: shestadi@mail.ru.

DIKAEV Salman Umarovich — Doctor of Laws, professor, head of the department of criminal procedure at Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, co-founder of the Saint-Petersburg International Criminology Club. Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: dikaev@mail.ru.

DANILOV Andrey Petrovich — PhD in Law, deputy president of the Saint-Petersburg International Criminology Club. Saint-Petersburg, Russia.
E-mail: danilov-a1@mail.ru.

Дата поступления статьи в редакцию: 22.05.2019.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакция научно-практического журнала «Виктимология»
совместно с кафедрой прокурорского надзора
и организации правоохранительной деятельности
Института права ФГБОУ ВО «ЧелГУ»
приглашает Вас принять участие в
III Международной научно-практической конференции
«Защита жертв преступлений в современном обществе»,
которая пройдет в формате интернет-конференции
20 февраля 2020 года.

В рамках конференции планируется обсуждение следующих вопросов:

1. Жертва преступления и иных правонарушений;
2. Виктимизация общества и ее последствия;
3. Виктимологическая профилактика преступлений;
4. Проблемы правовой защита жертв преступлений;
5. Процессуальные проблемы защиты жертв преступлений;
6. Судебная защита жертв преступлений;
7. Государственная поддержка жертв преступлений;
8. Государственные схемы компенсационных выплат жертвам преступлений;
9. Жертвы вооруженных конфликтов и террористических актов;
10. Прокурорский надзор в сфере обеспечения прав жертвы преступления;
11. Международный опыт защиты жертв преступлений.

Перечень обсуждаемых вопросов и научных может быть расширен в рамках общей темы конференции.

ДЛЯ УЧАСТИЯ В КОНФЕРЕНЦИИ НЕОБХОДИМО:

1) **до 10 февраля 2020 года** заполненную заявку на участие в конференции (Приложение 2) выслать по электронной почте на адрес victimology@mail.ru заявку, а также зарегистрироваться в качестве участника конференции на сайте victimolog.ru;

2) подготовленную в соответствии с указанными требованиями (Приложение 1) статью выслать по электронной почте на адрес victimology@mail.ru или через форму «Отправка материалов» на сайте victimolog.ru с размещением в разделе **«2020: Сборник материалов конференции»**.

Студенты, магистры, аспиранты и соискатели должны прислать рецензию научного руководителя (скан-копия либо фото подписанной научным руководителем рецензии);

Научные статьи, отвечающие требованиям актуальности, новизны и оригинальности после прохождения процедуры внутреннего рецензирования будут опубликованы в научно-практическом журнале **«ВИКТИМОЛОГИЯ»** (ISSN 2411-0590).

По итогам конференции планируется издание электронного Сборника материалов конференции, куда войдут статьи студентов, магистрантов и аспирантов с размещением на Web-сайте.

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

МАЙОРОВ Андрей Владимирович — главный редактор научно-практического журнала «Виктимология», заведующий кафедрой прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности Института права ФГБОУ ВО «ЧелГУ»

☎ +7 (908) 570-73-15

✉ victimologiy@mail.ru

Приложение 1

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Объем **5—15 страниц**.

Текстовый редактор Microsoft Word, формат rtf, шрифт **Times New Roman**, размер **шрифта 14**, интервал — **1,5**; отступ первой строки абзаца — **1,25 см**; поля: сверху и снизу — **20 мм**, справа и слева — **20 мм**.

Страницы без колонтитулов, не нумеруются.

В правом верхнем углу страницы указываются: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание (при наличии), вуз, E-mail, а также фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание научного руководителя (при наличии). Название статьи в центре, заглавными буквами; затем через строчку аннотация (100—150 слов) и ключевые слова (5—7 слов или словосочетаний).

Цитаты заключаются в кавычки.

Примечания автора оформляются в виде подстрочных сносок.

Список литературы составляется в алфавитном порядке, в объеме 5—10 источников. Отсылки к Списку литературы с указанием порядкового номера источника и номеров страницы заключаются в квадратные скобки.

В тексте допускаются рисунки, таблицы и схемы.

АДРЕСА ОРГКОМИТЕТА КОНФЕРЕНЦИИ

Редакция научно-практического журнала «Виктимология»:

☎ +7 (908) 570-73-15 — МАЙОРОВ Андрей Владимирович

✉ victimologiy@mail.ru

Челябинский государственный университет, Институт права, кафедра прокурорского надзора и организации правоохранительной деятельности:

✉ 454001, г. Челябинск, ул. Бр. Кашириных, 129, ауд. 321

✉ labour@csu.ru

☎ +7 (351) 799-71-84

Мы ждем Вас в числе участников конференции!

С уважением, гл. редактор
А. В. Майоров

ЗАЯВКА

на участие в III Международной научно-практической конференции
«Защита жертв преступности в современном обществе»

Фамилия, имя, отчество	
Организация/вуз, адрес	
Должность	
Тема доклада (статьи)	
Научный руководитель (Ф. И. О., должность, ученое звание, ученая степень)	
Форма участия	
Телефон, e-mail	
Количество страниц	
Иные сведения	

Направляя и подписывая данную заявку, я _____
(фамилия имя отчество)

выражаю согласие на то, что представление рукописи статьи в адрес оргкомитета конференции, является конклюдентным действием, направленным на передачу исключительных прав на произведение: права на воспроизведение и права на распространение, а также на размещение версии в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических электронных базах данных.

Также предоставляю в адрес оргкомитета конференции свои персональные данные без ограничения по сроку (фамилия, имя, отчество; сведения об образовании; сведения о месте работы и занимаемой должности) для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т.п. Оргкомитет имеет право передать указанные данные для обработки и хранения третьим лицам.

«__» _____ 20__ г. _____ / _____ /
(подпись) (фамилия, и., о.)

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ВИКТИМОЛОГИЯ»

ОБЩИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

К публикации принимаются рукописи статей, ранее не издававшихся и не предназначенные для одновременной публикации в других изданиях. Рукопись, присылаемая в редакцию, должна соответствовать тематике и требованиям журнала. Объем статьи — 5—15 страниц формата А4. После текста

статьи делается запись *«Рукопись вычитана, факты, цитаты, ссылки проверены. Публикуется впервые»* и ставится подпись автора (соавторов). Ставя свою подпись, автор (соавторы) тем самым передает права на издание статьи редакции и выражает согласие на размещение статьи в базе РИНЦ.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

- УДК (указывается перед текстом).
- Фамилия и инициалы автора(ов) на русском и английском языках.
- Название статьи заглавными буквами на русском и английском языках.
- Аннотация (200—250 слов) и список ключевых слов в именительном падеже (5—7 слов) на русском и на английском языках.
- Параметры страницы: формат А4; поля по 2 см с каждой стороны.
- Редактор — **Microsoft Word** (.rtf; .doc; .docx). Шрифт (гарнитура) — **Times New Roman**.
- Размер шрифта (кегель) — 14, без уплотнения или разрежения. В таблицах и иллюстрациях допускается уменьшение размера шрифта до 11.
- Отступ в начале абзаца — 1,25 см.
- Межстрочный интервал — полуторный. Выравнивание текста — по ширине.
- Автоматическая расстановка переносов не допускается.
- Цитируемая в статье литература приводится в алфавитном порядке в виде пронумерованного списка. Отсылки к списку литературы даются в тексте в квадратных скобках (ГОСТ Р 7.0.5.-2008).
- Авторские примечания (не являющиеся названием используемой литературы или ссылкой на источник) размещаются в постраничных сносках.
- После статьи размещается информация об авторе(ах): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, полное наименование места работы, город, адрес электронной почты автора.

С РУКОПИСЬЮ НЕОБХОДИМО ПРЕДОСТАВИТЬ:

1. Файл со статьей, оформленной надлежащим образом. В наименовании файла указывается фамилия автора или первого из соавторов (например, «Иванов.doc»).
2. Сведения об авторе(ах) (форма размещена на сайте издания).
3. Аспиранты и соискатели ученой степени кандидата наук должны предоставлять рецензию, подписанную научным руководителем и заверенную печатью учреждения (оригинал на бумажном носителе или отсканированную копию).

Подготовленные материалы необходимо направить по адресу электронной почты: **victimology@mail.ru**.

В случае отказа в публикации редакция обязуется мотивировать свое решение.

Редакция оставляет за собой право редактировать статьи и сокращать материал.

Авторский экземпляр номера журнала высылается на указанный в заявке адрес наложенным платежом.

ВИКТИМОЛОГИЯ

№ 3(21) / 2019

Дата подписания 09.09.2019. Дата выхода в свет 16.09.2019. Формат 70×108/16.

Усл. печ. л. 7,79. Тираж 150 экз. Заказ № 32/08.

Цена свободная

Отпечатано в типографии «СитиПринт» ИП Мякотин И. В.
454080, г. Челябинск, ул. Энгельса, 61-а

VICTIMOLOGY

No. 3(21) / 2019

Signing Date: 09.09.2019. Date of publication of the 16.09.2019. Format 70×108/16.

Conventional printed sheet 7,79. Circulation — 150 issues. Order no. 32/08.

Open price

Printed in the printing of the “Sitiprint” IP Makhotin I. V.
61-a, Engels st., Chelyabinsk, 454080, 61-and
